ISSN 2313-6715
(ONLINE)

ПРОЛОГ

Журнал о праве

PROLOGUE

Law Journal

2026

1 2 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. | **№ 3 • 2026** | **Выходит четыре раза в год**

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора – Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко – д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова – д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов – д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

А. В. Бычков – канд. юрид. наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Васюков – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Москва, Россия).

Е. Л. Васянина – д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев – д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер – д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И. Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душакова – д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминалистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. А. Зимин – канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН, вице-президент – главный эксперт ООО «Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности», патентный поверенный РФ № 1869 (Москва, Россия).

С. А. Карелина – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина — канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао САР, Китай).

В. Ф. Лапшин — д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

В. Г. Нестолий — канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Суслова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:
664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: http://www.prolaw38.ru/.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (категория К2); в Единый государственный перечень научных изданий — «Белый список» научных журналов (уровень 3).

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 | № 3 • 2026 | PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief — Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief — Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Docent, Head of the Civil and Business Law Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova — Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Arthur V. Bychkov — Cand. Sci (Law), Docent, Director of the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department, Moscow State University of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (MGIMO) (Moscow, Russia).

Elena L. Vasyanina — Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer — Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I. D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova — Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPA/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vladimir A. Zimin — Cand. Sci (Law), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice President - Chief Expert of National Intellectual Property Expertise Bureau LLC, Patent Attorney №1869 (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev — Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina — Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin — Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra StateUniversity (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko — Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova — Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Vyacheslav G. Nestoliy — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Ilya V. Nikitenko — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Boris A. Revnov — Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov — Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova — Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law and Process Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova — Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:
4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number Эл № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (Quartile 2); included in the Unified State List of Scientific Publications — the «White List» of Scientific Journals (Level 3).

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library — www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board´s point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

http://www.prolaw38.ru/

Основан в 2013 г. | № 3 • 2026 | Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Нгуен Ш. Н. Политический подход в юридических исследованиях во Вьетнаме: значение, практическое применение и перспективы использования ..... 7 – 16

Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Мемориальное законодательство как средство формирования правовой культуры ..... 17 – 26

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Глухов Е. А., Галицкая Н. В. Право на получение документов от органов публичной власти ..... 27 – 33

Казаков В. А. Налог на доходы физических лиц как инструмент согласования социальной и инвестиционной политики: сравнительно-правовой анализ стран БРИКС ..... 34 – 47

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Михайлова Е. В. Защита имущественных интересов российского государства в цивилистическом процессе по иску прокурора ..... 48 – 56

Нестолий В. Г. Судебное решение о понуждении к договору на розничных рынках электроэнергии ..... 57 – 71

Суслова С. И., Киракосян С. А., Сенотрусова Е. М. Объединения собственников жилья в России и зарубежных странах: от добровольности членства до процедур несостоятельности ..... 72 – 89

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых на территории Российской Федерации в современный период ..... 90 – 98

Порайко В. В. Субъективные признаки преступлений, опосредованных использованием высокоавтоматизированных транспортных средств ..... 99 – 110

Середа И. М., Ступина С. А. Проблемы квалификации и назначения наказания за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ ..... 111 – 121

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

http://www.prolaw38.ru/

FOUNDED IN 2013 **№ 3 • 2026** **PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR**

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Nguyen S. N. The Political Approach in Legal Research in Vietnam: Significance, Practical Application, and Prospects for Use ..... 7 – 16

Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Memorial legislation as a means of shaping legal culture ..... 17 – 26

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Glukhov E. A., Galitskaya N. V. The Right to Obtain Documents from Public Authorities ..... 27 – 33

Kazakov V. A. Personal Income Tax as a Tool for Aligning Social and Investment Policy: A Comparative Legal Analysis of BRICS Countries ..... 34 – 47

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

Mikhailova E. V. Protecting the Property Interests of the Russian State in Civil Procedure at the Claim of a Prosecutor ..... 48 – 56

Nestoliy V. G. Court decision on compelling a contract in retail electricity markets ..... 57 – 71

Suslova S. I., Kirakosyan S. A., Senotrusova E. M. Housing owners' associations in Russia and foreign countries: from voluntary membership to insolvency procedures ..... 72 – 89

CRIMINAL LAW SCIENCES

Goncharova M. V., Shiyan V. I. The State and Dynamics of Fraudulent Activities Committed on the Territory of the Russian Federation in the modern period ..... 90 – 98

Porayko V. V. Subjective Characteristics of Crimes Involving the Use of Highly Automated Vehicles ..... 99 – 110

Sereda I. M., Stupina S. A. Problems of Qualification and Sentencing for Violations of Safety Rules in Construction or Other Work ..... 111 – 121

УДК 340.5

Ш. Н. Нгуен
Факультет административного
и государственного права
Юридический университет
города Хошимина (ULAW Вьетнам),
ORCID: 0000-0002-8502-1550
ResearcherID: https://researchid.co/sonnam0909

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ЮРИДИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ВО ВЬЕТНАМЕ: ЗНАЧЕНИЕ, ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 7—16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.1.7-16
Дата поступления 19.07.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Методологический подход в юридических исследованиях имеет определяющее значение и играет ключевую роль в решении фундаментальных мыслительных задач. Во Вьетнаме политический подход укоренился в научном мышлении исследователей. Примечательно, что данный подход позволяет выйти за рамки чисто формально-догматического анализа нормативного текста, однако сам по себе он обладает рядом ограничений. В частности, при злоупотреблении им возникают риски идеологической ограниченности исследовательского поиска и снижения уровня научной объективности. В статье обосновывается значимость применения политического подхода. На примере исследования эволюции законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений после 1990 года в статье демонстрируется, что изменения правовых норм обусловлены переломными моментами в политической мысли Коммунистической партии Вьетнама — прежде всего рубежом 1990 года, когда религия была признана неотъемлемым элементом национальной культуры. Данный кейс подтверждает объективную необходимость и приоритетное значение политического подхода. Для преодоления присущих этому подходу ограничений авторами предлагаются ориентиры его модернизации путем интеграции с историко-культурным подходом, а также с критериями транспарентности, принятыми в современных социальных науках, что призвано обеспечить академическую глубину юридических исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Исследовательский подход; политический подход; методология юридических исследований; право и политика; свобода вероисповедания во Вьетнаме; историко-правовой подход; правовая культура.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Нгуен Ш. Н. Политический подход в юридических исследованиях во Вьетнаме: значение, практическое применение и перспективы использования // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 7—16. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.1.7-16

UDC 340.5

S.N. Nguyen
Faculty of Administrative Law and State
Ho Chi Minh City University of Law
(ULAW, Vietnam),
ORCID: 0000-0002-8502-1550
ResearcherID: : https://researchid.co/sonnam0909

THE POLITICAL APPROACH IN LEGAL RESEARCH IN VIETNAM: SIGNIFICANCE, PRACTICAL APPLICATION, AND PROSPECTS FOR USE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 3, pp. 7—16.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.1.7-16
Received 19.07.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT

The methodological approach in legal research is of decisive importance and plays a key role in addressing fundamental analytical tasks. In Vietnam, the political approach is deeply rooted in the academic mindset of researchers. Notably, this approach allows scholars to ranscend purely formal-dogmatic analysis of normative texts; however, on its own, it carries several limitations. In particular, its overuse risks narrowing the research scope ideologically and reducing scientific objectivity. This article substantiates the importance of applying the political approach. Using the evolution of legislation in the field of state-religious relations after 1990 as a case study, the article demonstrates that changes in legal norms are driven by turning points in the political thought of the Communist Party of Vietnam — most notably the 1990 threshold, when religion was recognized as an integral element of national culture. This case confirms the objective necessity and primary significance of the political approach. To overcome its inherent limitations, the author proposes guidelines for its modernization by integrating it with the historical-cultural approach, as well as with transparency standards established in contemporary social sciences, aimed at ensuring academic depth in legal research.

KEYWORDS

Research approach; political approach; legal research methodology; law and politics; freedom of religion in Vietnam; historical-legal approach; legal culture.

FOR CITATION

Nguyen S. N. The Political Approach in Legal Research in Vietnam: Significance, Practical Application, and Prospects for Use. *Prologue: Journal of Law*, 2026, no. 3 pp. 7—16. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.1.7-16

Введение

В современной теории права переход от сугубо формально-догматического анализа нормативных актов к исследованию права в его органической взаимосвязи с социальными явлениями стал мейнстримным трендом. Однако, как указывают П. Шмидт и С. Холлидей, студенты и молодые исследователи-юристы часто сталкиваются с «синдромом методологической тревожности» (*Methodological Anxiety Syndrome*) в процессе проведения междисциплинарных социально-правовых исследований [12]. Этот психологический и технический барьер обусловлен тем, что традиционное юридическое образование сосредоточено преимущественно на внутренних приемах догматического толкования норм, вследствие чего исследователи испытывают затруднения, выходя за пределы привычной зоны комфорта для интеграции междисциплинарных методов.

Во Вьетнаме данная проблематика проявляется весьма специфическим образом. Интересная особенность исследовательского контекста во Вьетнаме заключается в том, что ученые совершают переход не от чисто догматического анализа к интегрированному правоведению, а напротив — двигаются от осмысления права через призму политики к формально-догматическому анализу и междисциплинарным (интегрированным) юридическим исследованиям. Во Вьетнаме не возникает серьезных сложностей с признанием того, что право не функционирует в замкнутом пространстве или «социальном вакууме», а нормативные акты не представляют собой «чистые нормы», будучи изначально и тесно связанными с политической волей. Данная тенденция проявилась наиболее наглядно в период активного влияния советской правовой доктрины — с 1959 года (момента принятия Конституции Демократической Республики Вьетнам) до начала эпохи Обновления (*Đổi mới*) в 1986 году, рубежным этапом которой стала Конституция 1992 года.

Вьетнам провозгласил независимость после Августовской революции 1945 года в условиях окончания Второй мировой войны. Конституция 1946 года заложила основы новой правовой системы. Однако из-за начавшейся полномасштабной Войны сопротивления против французских колонизаторов академическое юридическое образование было прервано; подготовка юридических кадров осуществлялась преимущественно в рамках краткосрочных курсов на базе практической работы органов юстиции и судов сопротивления. Лишь после подписания Женевских соглашений 1954 года и перехода Северного Вьетнама к социалистическому строительству началось формирование социалистического юридического образования. Принятие Конституции ДРВ 1959 года принято считать отправной точкой и первичным проектом становления социалистического права во Вьетнаме (в частности, в Северном Вьетнаме).

В период с 1959 по 1992 год развитие юриспруденции в Северном Вьетнаме находилось под прямым влиянием принятия Конституции 1959 года и модели социалистического права советского типа, в рамках которой право выступало инструментом административно-командного управления государства трудящихся. В данный период специализированные самостоятельные юридические вузы не создавались. Ключевая особенность заключалась в том, что государство не акцентировало внимание на развитии профильного юридического университетского образования, а осуществляет подготовку кадров через административно-политические учреждения. Именно это обусловило доминирование политического подхода в юридической науке.

На практике образовательные учреждения, являвшиеся площадкой для правовых исследований — такие как Ханойский государственный университет (основан в 1956 году), — не имели отдельного юридического факультета, а преподавание дисциплин «Общая теория государства и права», «Конституционное право» и других велось на факультете политической экономии. Примечательно, что юридические кадры высшей квалификации (уровня специалитета и аспирантуры) направлялись для обучения преимущественно в СССР, КНР и страны Восточной Европы. После объединения Северного и Южного Вьетнама в 1975 году, в 1976 году в составе Ханойского государственного университета был создан юридический факультет. Три года спустя, 10 ноября 1979 года, путем объединения данного факультета и Высшей юридической школы был образован Ханойский юридический институт. На юге страны в 1976 году был сформирован Государственный университет г. Хошимина (в составе которого действовала кафедра права, в дальнейшем преобразованная в юридический факультет), а в 1982 году основан Хошиминский юридический техникум. Принятие Конституции 1980 года ознаменовало этап углубленного развития правовой системы Вьетнама по социалистическому пути.

Вьетнамская юридическая наука вступила в фазу активного развития, импульсом для которого стали эволюция позитивного права и запросы общества в эпоху Обнов-

ления, начавшуюся в 1986 году, где фундаментом правовой архитектоники выступила Конституция 1992 года. К настоящему времени запрос на модернизацию юриспруденции привел к рецепции новых исследовательских подходов наряду с марксизмом (что отражено, как минимум, в учебной литературе по общей теории государства и права, где представлен, например, цивилизационный подход А. Тойнби), а также к освоению современных методологических академических знаний. Право более не рассматривается исключительно сквозь призму политики. По крайней мере, при определении права учебной литературе уже систематически освещаются и другие концептуальные направления, помимо марксистской школы: психологическая школа права, историческая школа права, школа естественного права, юридический позитивизм, социологическая школа права и др.

В данной статье рассматривается политический подход в контексте современных юридических исследований во Вьетнаме сквозь призму следующих ключевых вопросов: сохраняет ли данный подход свое определяющее значение, как в период до эпохи Обновления? остается ли он релевантным и эффективным в современных реалиях? и какова должна быть оптимальная стратегия работы с этим традиционным для Вьетнама методологическим инструментарием? Для ответа на поставленные вопросы автор использует методы качественного анализа, а также привлекает концептуальные наработки современных отечественных и зарубежных исследователей для аргументации своей научной позиции.

О роли и значении политического подхода в современных юридических исследованиях во Вьетнаме

Политический подход акцентирует внимание на том, почему закон сформулирован именно так, раскрывая политическую борьбу или политический консенсус, стоящие за принятием конкретной нормы, и сосредоточиваясь на правящем аппарате и идеологической линии, определяющих правотворческий процесс. С точки зрения политического подхода, справедливость и мораль также выступают продуктом, определяемым и защищаемым господствующим классом или правящими силами. Этот подход по-прежнему оказывает определяющее влияние на вьетнамскую юриспруденцию — от дефиниции «права» в учебниках по общей теории государства и права до результатов научных исследований.

С точки зрения теории государства и права, взаимосвязь между правом и политикой представляет собой двустороннее онтологическое взаимодействие. С одной стороны, право выступает в качестве формы, инструмента и ограничительной рамки для политической власти посредством трех основных функций. Право устанавливает пределы осуществления государственной власти, предотвращая абсолютизацию или злоупотребление полномочиями. Наглядным подтверждением этого служат нормы, ограничивающие срок пребывания в должности главы государства или органов местного управления (не более двух сроков подряд). В частности, избирательное право выполняет роль «правил игры», определяя условия выдвижения кандидатов, компетенцию независимых избирательных органов и ограничения финансирования для обеспечения стабильности политической системы. Право также обеспечивает процессуальную форму для принятия ключевых политических решений. В парламентских или смешанных формах правления такие механизмы, как вотум недоверия правительству, обретают легитимность только при строгом соблюдении заранее установленных юридических процедур.

С другой стороны, политика выступает в качестве содержания, движущей силы и фактической основы, определяющей сущность и функционирование права. Право не возникает спонтанно или абсолютно нейтральным, а представляет собой, согласно марксистскому исследованию, возведенную в закон «волю господствующего класса или правящих сил». Взгляды, идеология и политический курс сил, удерживающих государственную власть, непосредственно определяют содержание правовых норм. При изменении политического курса — как, например, при переходе от централизованной плановой экономики к социалистически ориентированной рыночной экономике во Вьетнаме — правовая система вынуждена комплексно трансформироваться, от Закона о земле и Закона о предприятиях до Закона об инвестициях, с целью институционализации новой политической линии. Чтобы быть принятым и обладать общеобязательной юридической силой, право должно опираться на аппарат государственной власти, являющийся центральным инструментом политики. В законодательной деятельности политическое большинство в парламенте определяет, какой законопроект будет принят. В исполнительной и судебной деятельности эффективная или формальная реализация законов полностью зависит от политической воли правящего аппарата. Право выступает отражением «точки равновесия» или компромисса между политическими силами в обществе в конкретный период времени.

При изменении соотношения политических сил или под давлением общественно-политических движений правовая система соответствующим образом трансформируется для снятия институциональных конфликтов.

Во Вьетнаме применение политического подхода носит обязательный характер, что обусловлено тремя базовыми институциональными особенностями:

(i) Институционализация политической линии в праве: Конституция Вьетнама закрепляет принцип институционализации взглядов и политического курса Коммунистической партии Вьетнама. Следовательно, принятие или изменение любой правовой нормы всегда выступает результатом прямой трансформации соответствующей резолюции или политического решения. По логике вещей, практически невозможно понять причины формирования той или иной нормы без обращения к ее идеологическому источнику — положениям политических документов.

(ii) Особенности вторичных источников: Подавляющее большинство отечественных юридических исследований с 1945 года по настоящее время опираются на методологию марксизма-ленинизма и идеи Хо Ши Мина. В научных трудах по юриспруденции традиционно отмечается, что «методологическую основу работы составляют диалектический и исторический материализм марксизма-ленинизма, идеи Хо Ши Мина, а также курс и концептуальные установки Коммунистической партии Вьетнама». Это составляет «мировоззрение» отечественного юридического научного сообщества. Таким образом, для оценки и понимания содержания научных трудов вьетнамских правоведов необходим анализ через призму политики.

(iii) Практика функционирования судебной системы: Принцип независимости судей при отправлении правосудия на практике находится под влиянием политико-административного контекста управления. В исследовании К. З. Ву указывается, что такие явления, как «запрос указаний по делу» (обращение за руководящими указаниями в вышестоящие инстанции) или доминирование судьи над коллегией заседателей, отражают тот факт, что судебное решение не является сугубо формальным применением абстрактной нормы, а испытывает глубокое влияние политико-организационной практики [1].

Следует подчеркнуть, что это составляет специфику социально-правового и культурно-правового контекста Вьетнама. Отрицание политического подхода или его критическое опровержение требуют максимальной осмотрительности. Тем не менее в целом данный подход продолжают эффективно применять для понимания того, что кроется за буквальным текстом позитивного права.

Рассмотрение конкретного случая

Для демонстрации объяснительной ценности политического подхода в статье анализируется трансформация законодательства в сфере государственно-конфессиональных отношений во Вьетнаме в период с 1990 года по настоящее время. При исследовании истории законодательства о свободе совести и вероисповедания во Вьетнаме сквозь призму чисто формально-догматического анализа исследователь сталкивается с «нормативным парадоксом». При сравнении положений Конституции 1980 года (статья 67: «Граждане имеют право на свободу вероисповедания, исповедовать или не исповедовать какую-либо религию») и Конституции 1992 года (статья 70: «Граждане имеют право на свободу вероисповедания и религии, исповедовать или не исповедовать какую-либо религию...») оказывается, что терминология и синтаксическая структура практически не имеют принципиальных различий. Однако социально-правовая действительность демонстрирует диаметрально противоположную картину:

Период 1975—1989 годов характеризовался существенным сужением религиозной жизни, ограничением деятельности религиозных сооружений и длительным сохранением взаимного недоверия между органами власти и религиозными организациями [6].

В период после 1990 года произошел бурное развитие религиозной жизни. Численность верующих увеличилась с примерно 15 миллионов человек (около 22% населения в 1990 году) до 26,5 миллионов официально зарегистрированных граждан (более 27% населения), при этом свыше 95% населения участвуют в религиозной и духовной жизни. Количество религиозных организаций, признанных в качестве юридических лиц, выросло с незначительного числа до 43 организаций, представляющих 16 различных религий [7].

Если конституционные нормы не претерпели существенных изменений с точки зрения терминологии, то какой импульс вызвал качественный скачок в правоприменительной практике? Чисто догматический анализ оказывается совершенно бессилен перед этим вопросом. Именно политический подход выступает эффективным инструментарием, позволяющим раскрыть первопричину данной трансформации.

Применение политического подхода показывает, что развитие законодательства о свободе совести и вероисповедания после

1990 года стало прямым результатом трансформации политического мышления Коммунистической партии Вьетнама под воздействием двух ключевых факторов:

(i) Распад социалистической системы в Восточной Европе и СССР, а также ситуация международной изоляции и эмбарго того периода поставили Вьетнам перед необходимостью обеспечения выживания институциональной системы: потребовалось проведение всеобъемлющей политики Обновления и максимальное расширение великого национального единства. В то же время прежний «левый» подход, рассматривавший религию как «отсталую форму общественного сознания», противопоставляемую социализму, подрывал доверие миллионов верующих граждан.

(ii) Переломным моментом в политическом восприятии стало принятие Резолюции ЦК КПВ № 24 от 16 октября 1990 года «Усиление работы в сфере религии в новых условиях». Данный документ стал политическим манифестом, принципиально изменившим взгляд на религию благодаря трем теоретическим прорывам:

• Признание объективного и долговременного характера существования религии: Религия признана не явлением, подлежащим ликвидации административными командами, а законной духовной потребностью части населения.

• Признание культурно-нравственной ценности: Зафиксировано положение о том, что «религиозная мораль во многом соответствует задачам строительства нового общества». Помещение религии в контекст культуры и нации позволило перевести механизм управления от модели «противодействия» к модели «сотрудничества и задействования потенциала».

• Разграничение подлинного вероисповедания и политических злоупотреблений: Проведено четкое различие между духовными потребностями масс и попытками использования религии в подрывных целях против государства.

Под воздействием Резолюции № 24 процесс «институционализации» политических установок в праве проходил через несколько четко выраженных этапов:

• 1-й этап (1991—2003 гг.) — Институционализация на уровне Правительства: сразу после принятия Резолюции № 24 Совет Министров издал Постановление № 69 от 21 марта 1991 г., непосредственно «открывшее путь» к нормализации религиозной жизни. Вслед за этим Конституция 1992 года официально легализовала данную концепцию, закрепив принцип: «Все религии равны перед законом».

• 2-й этап (2004—2015 гг.) — Законодательное закрепление на уровне Национального собрания: На основе Резолюции № 25 от 12 марта 2003 г., принятой на 7-м пленуме Центрального комитета Коммунистической партии Вьетнама IX созыва по вопросам религиозной работы (которая определила верования и религию как духовную потребность части населения, подтвердила политику великого национального единства и свободы вероисповедания, а также сформулировала ключевые задачи по модернизации религиозной работы в новых условиях), Постоянный комитет Национального собрания принял Указ «О верованиях и религиях» 2004 года, впервые законодательно закрепивший статус юридического лица за религиозными организациями.

• 3-й этап (2016—2026 гг.) — Модернизация и международные стандарты: Кульминацией трансформации правового мышления стали Конституция 2013 года и Закон «О верованиях и религиях» 2016 года:

◦ Расширение субъектного состава: В статье 24 Конституции 2013 года ключевая формулировка права «гражданина» была заменена на право «каждого» (включая иностранных граждан, проживающих во Вьетнаме), что соответствует Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.

◦ Установление взаимной ответственности: Государство подтвердило свою обязанность «уважать и защищать» право на свободу вероисповедания.

◦ Реформа административных процедур: Закон 2016 года сократил необходимый стаж для регистрации религиозной деятельности с 20 лет (по прежним правилам) до 5 лет, а также уменьшил на 30—50% сроки рассмотрения процедур возведения в сан, перевода священнослужителей и строительства культовых сооружений.

Данные изменения стали дальнейшей конкретизация установок Резолюции ЦК КПВ № 25 IX созыва от 12 марта 2003 г. «О вопросах религии в новых условиях». Данная резолюция выступила ключевым документом, направившим институционализацию права на свободу вероисповедания и религии в конкретные правовые нормы, признав религию ресурсом, способствующим общественному развитию. Резолюции XI (2011 г.) и XII (2016 г.) Съездов КПВ вновь подтвердили курс на уважение и обеспечение права граждан на свободу вероисповедания и религии, а также уважение к нравственным и культурным ценностям религий.

• 4-й этап (с 2026 г. по настоящее время) — Дополнение регулирования деятельности в киберпространстве и новых технологий: Данный этап стал результатом реализации решений XIII Вьетнамского съезда КПВ (2021 г.), который впервые выставил стратегический приоритет «национальной цифровой трансформации» и подчеркнул требование «строгого управления киберпространством», активного противодействия вызовам нетрадиционной безопасности при одновременном задействовании позитивных культурных и нравственных ценностей религии в цифровом контексте. Это также отражено в Резолюции Политбюро ЦК КПВ № 22 от 22 октября 2018 г. «О стратегии защиты национальной безопасности в киберпространстве» и, в частности, в Директиве Политбюро № 18 от 10 января 2018 г. о продолжении выполнения Резолюции № 25, требующей: продолжать совершенствование политики и законодательства о верованиях и религиях; вносить изменения и дополнения в смежное законодательство для обеспечения его согласованности с законодательством о религиях и международными договорами Вьетнама; активизировать обобщение практики, теоретические исследования и изучение международного опыта в сфере религиозной работы для предоставления научного обоснования формированию, совершенствованию и реализации курсов, политики и законов в отношении религии; строго запретить дискриминацию граждан по признаку вероисповедания или религии. Вместе с тем строго запрещаются злоупотребление верованиями и религией для суеверной деятельности, противоправных действий, разжигания розни, нарушения национальной безопасности; приветствуется задействование культурно-нравственного потенциала религий в процессе развития страны. Результатом этого стало появление новых норм:

◦ Регулирование киберпространства (статьи 2 и 8): Введено понятие «Религиозная деятельность в киберпространстве». Организации, физические лица, священнослужители и группы верующих при осуществлении религиозной деятельности в сети обязаны уведомлять, регистрировать или подавать заявки в компетентные органы.

◦ Обязанности операторов и интернет-компаний (статья 8): Телекоммуникационные компании и провайдеры сетевых услуг обязаны внедрять технические решения, а также содействовать удалению и блокировке противоправного контента по требованию властей.

◦ Запрет на злоупотребление искусственным интеллектом: Добавлен запрет на «использование киберпространства, искусственного интеллекта или технологий для нарушения законодательства о верованиях и религиях» (пункт 6 статьи 7).

Приведенный выше кейс-стади подтверждает, что правовые нормы не возникают спонтанно и не меняют свое смысловое наполнение сами по себе. Эволюция законодательства о религиях во Вьетнаме по своей сути представляет собой процесс «легализации» политического курса, адаптирующегося к изменению социально-экономического контекста.

Направления применения

Несмотря на то, что политический подход демонстрирует эвристическую ценность при объяснении институциональных переломов, его чрезмерное использование или изолированное применение влечет за собой риск редукции права к чистому политическому инструментарию (*over-politicization*), нивелируя относительную автономию права и его имманентные историко-культурные ценности. В связи с этим в статье предлагается интегрировать политический подход в более широкую методологическую рамку в соотнесении с историко-культурным подходом.

Согласно Брайану Вагнеру, историко-правовые исследования приобретают искаженный характер, если их рассматривать «право» и «культуру» как два противопоставленных автономных образования [18]. Модель модернизации Макса Вебера исходила из предпосылки, что современное общество формирует рациональную правовую систему, отделенную от культуры [19]. Однако исследования в области правовой антропологии и институционального анализа, такие как работы Б. Малиновского [16], показывают, что право и культура совместными усилиями конструируют легитимность государственной власти. Как отмечали С. Холл [11] и Р. Гуха [10], методы государственного управления неизменно осциллируют между «консенсусом» (через институты культуры) и «принуждением» (через аппарат насилия). Таким образом, политический подход должен использовать генеалогический метод Вагнера для рассмотрения права как культурного измерения, в котором политические идеи и культурные символы взаимно проникнуты [18].

В то же время Р. К. Патхак показал, что особое внимание следует уделять историческому подходу, который может быть интегрирован как в догматические (нормативные), так и в недогматические исследования [17]. Опираясь на известный тезис Оливера Уэнделла Холмса — «Жизнь права не была логикой; она была опытом» [13], — Патхак подчеркивает, что именно история выступает хранилищем институционального опыта.

С другой стороны, при интеграции с методологией истории права исследователям необходимо сочетать оба ракурса, предложенных Робертом В. Гордоном:

• Внутренняя история права: Исследование эволюции доктрин, процессуальных правил и нормативной техники внутри самой системы правовых норм.

• Внешняя история права: Исследование взаимодействия права с политическим, экономическим и культурным контекстом [9].

Сочетание политического подхода и исторического метода (в частности, тезиса Генри Мейна о переходе «от статуса к договору» [15]) позволяет исследователю избежать ловушки «линейного прочтения истории» или отождествления норм «в книгах» с правоприменительной практикой.

Минимизация методологических рисков согласно современным стандартам

Для преодоления «синдрома методологического кризиса» и соответствия международным академическим стандартам юридические исследования во Вьетнаме должны воспринимать рекомендации Филипа Лангбрука и его соавторов [14]:

• Повышение транспарентности дизайна исследования: Исследователь обязан четко обосновать выбор кейс-стади, методы сбора и обработки данных, а также критерии, обеспечивающие надежность и валидность научных выводов.

• Интеграция нового юридического реализма: Правовое исследование не должно ограничиваться анализами текстов судебных решений или актов законодательных органов; оно должно фиксировать способы действия и восприятия норм в повседневной жизни граждан.

• Междисциплинарный синтез при сохранении правовой идентичности: Заимствование методов социальных наук (психологии, социологии, истории) расширяет аналитический потенциал, однако в центре юридического исследования по-прежнему должен оставаться интерпретационный анализ нормативных структур и идеалов справедливости.

Как Вьетнам, так и Россия являются государствами, прошедшими этап влияния советской социалистической модели и впоследствии вступившими в период реструктуризации и модернизации своих правовых систем. В самом общем виде М. В. Немытина [8] обосновывает необходимость перехода от формационного или сугубо юридико-позитивистского подхода к цивилизационно-культурному подходу как новой познавательной парадигме в *jurisprudence*. Автор раскрывает взаимосвязь между понятиями «цивилизация» и «культура», утверждая, что право представляет собой не просто совокупность норм, зафиксированных государственными предписаниями, а является продуктом культурного накопления, традиций и правового менталитета общества. Данный подход позволяет осуществлять сравнительно-правовые исследования и оценивать реальное функционирование права в его органичной связи с социальными ценностями, выходя за рамки формально-догматического анализа. В контексте рассмотрения правового регулирования государственно-конфессиональных отношений В. А. Кузнецов [4] предлагает использовать цивилизационный подход для рассмотрения этих отношений как части долгосрочного культурно-исторического кода. Религия в этой модели — это не просто объект административного управления или сугубо личной свободы, а системообразующий элемент цивилизации и национальной идентичности, играющий роль в поддержании институциональной стабильности и социальной сплоченности.

Заключение

Политический подход выступает в качестве незаменимого объяснительного инструментария в юридических исследованиях во Вьетнаме, что обусловлено фактическим определяющим влиянием политических установок на право, а также тем, что мировоззренческой основой всего массива правовых исследований являются марксизм-ленинизм, курс и политика Коммунистической партии Вьетнама. Отсутствие политического ракурса сводит историко-правовой анализ к поверхностному описанию нормативных фактов и делает невозможным раскрытие глубинных движущих сил, стоящих за правовыми структурами. Исследовательская практика показывает, что юридическая наука во Вьетнаме не способна достичь подлинной научной глубины, ограничиваясь лишь догматическим анализом правовых норм.

Однако для преодоления собственных имманентных ограничений политический подход должен быть помещен в диалектическую взаимосвязь с историко-культурным методом и транспарентными стандартами дизайна исследований, принятыми в современной социальной науке. Гармоничный синтез внутренней и внешней истории права создаст необходимые предпосылки для появления междисциплинарных правовых исследований, обладающих высокой теоретической и практической ценностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. By K. З. Защита правосудия в судебной реформе во Вьетнаме сегодня // Журнал законодательных исследований. — 2020. — № 19 (419). — С. 23—29. (на вьет. языке).

2. Данг Н. В. Религия в культурном и национальном развитии во Вьетнаме. — Ханой : Политическая теория, 2018. — 240 с. (на вьет. языке).

3. До К. Х. Религиозная культура в современной социальной жизни Вьетнама. — Ханой : Общественные науки, 2019. — 280 с. (на вьет. языке).

4. Кузнецов В. А. Цивилизационный подход к изучению государственно-конфессиональных отношений в современной России / В. А. Кузнецов // Человеческий капитал. — 2014. — № 1. — С. 41—46.

5. Нгуен К. Х. Развитие законодательства о свободе вероисповедания и религии во Вьетнаме с 1990 г. по настоящее время // Государство и право. — 2021. — № 5. — С. 45—53. (на вьет. языке).

6. Нгуен Т. А. Трансформация вьетнамских деревень в период обновления // Вьетнам после 30 лет обновления: достижения и перспективы : книга для внутреннего пользования Института социальных и гуманитарных наук — Ханойского национального университета / отв. ред. К. М. Фам. — Ханой : Хонг Дык, 2016. — С. 112—128 (всего 257 с.). (на вьет. языке).

7. Нгуен Т. С. Данные, касающиеся религиозной жизни во Вьетнаме в период обновления // Журнал по делам религий. — 2019. — № 6. — С. 12—18. (на вьет. языке).

8. Немытина М. В. Цивилизационно-культурный подход в правоведении / М. В. Немытина // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2007. — № 4. — С. 28—40.

9. Gordon R. W. Critical legal histories // Stanford Law Review. — 1984. — Vol. 36, no. 1/2. — P. 57—125.

10. Guha R. Dominance without hegemony: History and power in colonial India. — Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. — 268 p.

11. Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the crisis: Mugging, the state, and law and order. — London: Macmillan International Higher Education, 1978. — 425 p.

12. Halliday S., Schmidt P. Introduction: Beyond Methods — Law and Society in Action // Conducting Law and Society Research: Reflections on Methods and Practices / ed. by S. Halliday, P. Schmidt. — Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — P. 1—16.

13. Holmes O. W. The common law. — Boston: Little, Brown, and Company, 1881. — 422 p.

14. Langbroek P., van den Bos K., Simon Thomas M., Milo M., van Rossum W. Methodology of Legal Research: Challenges and Opportunities // Utrecht Law Review. — 2017. — Vol. 13, no. 3. — P. 1—8. DOI: 10.18352/ulr.411.

15. Maine H. S. Ancient law: Its connection with the early history of society, and its relation to modern ideas. — London: John Murray, 1861. — 412 p.

16. Malinowski B. Crime and custom in savage society. — London : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1926. — 132 p.

17. Pathak R. K. Historical Approach to Legal Research // Legal Research and Methodology: Perspectives, Process and Practice / ed. by B. C. Nirmal, R. K. Singh, A. Nirmal. — New Delhi: Satyam Law International, 2019. — P. 1—12.

18. Wagner B. Historical Method in the Study of Law And Culture // The Oxford Handbook of Legal History / ed. by M. D. Dubber, C. Tomlins. — Oxford : Oxford University Press, 2018. — P. 193—206. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198794356.013.11.

19. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. — Berkeley : University of California Press, 1978. — 1469 p.

REFERENCES

1. Vu C. G. Protecting justice in Vietnam's judicial reform today. *Zhurnal zakonodatel`ny`x issledovanij = Journal of Legislative Studies*, 2020, no. 19 (419), pp. 23—29. (In Vietnamese).

2. Dang N. V. *Religiya v kul`turnom i nacional`nom razvitii vo V`etname* [Religion in cultural and national development in Vietnam]. Hanoi, Political Theory Publishing House, 2018. 240 p. (In Vietnamese).

3. Do Q. H. *Religioznaya kul`tura v sovremennoj social`noj zhizni V`etnama* [Religious culture in contemporary social life of Vietnam]. Hanoi, Social Sciences Publishing House, 2019. 280 p. (In Vietnamese).

4. Kuznetsov V. A. Civilizational approach to the study of state-confessional relations in modern Russia. *Chelovecheskij kapital = Human Capital.* 2014, no. 1, . pp. 41 — 46. (In Russian).

5. Nguyen X. H. Development of legislation on freedom of belief and religion in Vietnam from 1990 to present. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2021, no. 5, pp. 45 — 53. (In Vietnamese).

6. Nguyen T. A. Transformation of Vietnamese villages during the renovation period. *V`etnam posle 30 let obnovleniya: dostizheniya i perspektivy` : kniga dlya vnutrennego pol`zovaniya Instituta social`ny`x i gumanitarny`x nauk — Xanojskogo nacional`nogo universiteta* [Vietnam after 30 years of renovation: Achievements and prospects: Internal publication of the Institute of Social Sciences and Humanities — Vietnam National University, Hanoi]. Hanoi, Hong Duc Publishing House, 2016, pp. 112 — 128 (257 p.). (In Vietnamese).

7. Nguyen T. X. Data concerning religious life in Vietnam during the renovation period. *Zhurnal po delam religij = Journal of Religious Affairs*, 2019, no. 6, pp. 12 — 18. (In Vietnamese).

8. Nemytina M. V. Civilizational and cultural approach in jurisprudence / M. V. Nemytina. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2007, no. 4., pp. 28 — 40. (In Russian).

9. Gordon R. W. Critical legal histories. Stanford Law Review, 1984, vol. 36, no. 1/2, pp. 57 — 125. (In English).

10. Guha R. Dominance without hegemony: History and power in colonial India. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997, 268 p. (In English).

11. Hall S., Critcher C., Jefferson T., Clarke J., Roberts B. Policing the crisis: Mugging, the state, and law and order. London, Macmillan International Higher Education, 1978, 425 p. (In English).

12. Halliday S., Schmidt P. Introduction: Beyond Methods — Law and Society in Action. In: Halliday, S., Schmidt, P. (Eds.). *Conducting Law and Society Research: Reflections on Methods and Practices.* Cambridge, Cambridge University Press, 2009, pp. 1 — 16. (In English).

13. Holmes O. W. The common law. Boston, Little, Brown, and Company, 1881, 422 p. (In English).

14. Langbroek P., van den Bos, K., Simon Thomas, M., Milo, M., van Rossum, W. Methodology of Legal Research: Challenges and Opportunities. *Utrecht Law Review*, 2017, vol. 13, no. 3, pp. 1 — 8. DOI: 10.18352/ulr.411. (In English).

15. Maine H. S. Ancient law: Its connection with the early history of society, and its relation to modern ideas. London: John Murray, 1861. 412 p. (In English).

16. Malinowski, B. Crime and custom in savage society. London, Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1926, 132 p. (In English).

17. Pathak R. K. Historical Approach to Legal Research. In: Nirmal, B. C., Singh, R. K., Nirmal, A. (Eds.). *Legal Research and Methodology: Perspectives, Process and Practice.* New Delhi, Satyam Law International, 2019, pp. 1 — 12. (In English).

18. Wagner B. Historical Method in the Study of Law And Culture. In: Dubber, M. D., Tomlins, C. (Eds.). *The Oxford Handbook of Legal History.* Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 193 — 206. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780198794356.013.11. (In English).

19. Weber M. Economy and society: An outline of interpretive sociology. Roth, G., Wittich, C. Eds.). Berkeley, University of California Press, 1978, 1469 p. (In English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нгуен Шон Нам (Вьетнам) — кандидат юридических наук, кафедра теории государства и права факультета административного и государственного права Юридического университета города Хошимина (ULAW Вьетнам) (Хошимин, Вьетнам, e-mail: nsnam@hcmulaw.edu.vn).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nguyen Son Nam (Vietnam) — PhD in Juridical Sciences, Department of Theory of State and Law, Faculty of Administrative Law and State, Ho Chi Minh City University of Law (ULAW, Vietnam) (Ho Chi Minh City, Vietnam, e-mail: nsnam@hcmulaw.edu.vn).

УДК 349

А. В. Скоробогатов
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП), Казань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-9139-5367
Web of Science Researcher ID: J-4391-2016
А. И. Скоробогатова
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП), Казань, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1793-8161

МЕМОРИАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 17—26.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.2.17-26
Дата поступления 22.05.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному философско-правовому исследованию мемориального законодательства как онтологического инструмента, участвующего в конструировании правовой реальности и формировании правовой культуры. В основу исследования положена теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, позволяющая рассматривать мемориальное право не просто набором норм, а мощным онтологическим инструментом конструирования правовой реальности. На основе анализа российского мемориального законодательства выявлен и систематизирован механизм, посредством которого право активно производит историческую память, превращая ее в ядро национальной идентичности и правосознания. По мнению авторов, воздействие мемориального законодательства на правовую культуру связано с его нарративной природой и осуществляется по трем взаимосвязанным направлениям: дефинитивное (установление пределов и содержания официального исторического нарратива), репрезентативное (определение интенциональности и смысловой нагрузки воспроизводства официального исторического нарратива), регулятивно-охранительное (установление правовых гарантий и ответственности за нарушение официального исторического нарратива). На примере российской правовой реальности демонстрируется, как данный механизм формируют историческую память как ядро национальной правовой культуры, обеспечивая национальную безопасность и гражданскую идентичность. Авторы обращают внимание, что современная российская правовая система не способна в полной мере обеспечить реализацию идентификационных потенций мемориального законодательства. Это возможно осуществить только

в случае принятия отдельного федерального закона, посвященного регулированию вопросов определения содержания, сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах, имеющих экзистенциальное значение для российской цивилизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Мемориальное законодательство; историческая память; правовая культура; социальное конструирование реальности; онтология права; историческая политика; memory studies.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И. Мемориальное законодательство как средство формирования правовой культуры // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С.17—26. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.2.17-26.

UDC 349

A. V. Skorobogatov
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-9139-5367
Web of Science Researcher ID: J-4391-2016
A. I. Skorobogatova
Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1793-8161
Web of Science Researcher ID: AAF-5723-2021

MEMORIAL LEGISLATION AS A MEANS OF SHAPING LEGAL CULTURE

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 17—26.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.2.17-26
Received 22.05.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT The article is devoted to a comprehensive philosophical and legal study of memorial legislation as an ontological tool that participates in the construction of legal reality and the formation of legal culture. The study is based on the theory of the social construction of reality by P. Berger and T. Luckmann, which allows us to view memorial law not merely as a set of norms, but as a powerful ontological tool for constructing legal reality. Based on an analysis of Russian memorial legislation, a mechanism has been identified and systematized through which law actively produces historical memory, turning it into the core of national identity and legal consciousness. According to the authors, the impact of memorial legislation on legal culture is related to its narrative nature and is carried out in three interrelated directions: definitive (setting the limits and content of the official historical narrative), representative and the semantic load of reproducing the official historical narrative), regulatory and protective (establishing legal guarantees and liability for violating the official historical narrative). Using the example of Russian legal reality, it is demonstrated how this mechanism shapes historical memory as the core of national legal culture, ensuring national security and civic identity. The authors point out that the

modern Russian legal system is not capable of fully realizing the identification potential of memorial legislation. This can only be. achieved if a separate federal law is adopted to regulate the issues of defining the content, preservation, transmission, interpretation, and representation of information about key historical figures, events, and symbols that have existential significance for Russian civilization.

KEYWORDS Memorial legislation; historical memory; legal culture; social construction of reality; ontology of law; historical politics; memory studies.

FOR CITATION Skorobogatov A. V., Skorobogatova A. I. Memorial legislation as a means of shaping legal culture. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 17—26. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.2.17-26.

Современная социальная реальность характеризуется «мемориальным поворотом» [11, с. 59], который акцентировал внимание не только науки, но и общества на исторической памяти. В отличие от классической науки, которая рассматривала память исключительно как индивидуальный когнитивный процесс, постклассические исследования все больше интерпретируют эту категорию через призму коллективного нарратива, конструируемого не только непосредственными участниками, но и потомками [16]. Речь при этом идет не только о влиянии памяти на оценку прошлого, но и о ее воздействии на современное бытие человека. В этих условиях мемориальное законодательство как совокупность нормативных правовых актов, регулирующих вопросы определения содержания, сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах, выступает как сложный механизм онтологического конструирования правовой реальности и приобретает особое значение в обеспечении национальной безопасности и поддержании гражданской идентичности [10, с. 9]. Это обуславливает необходимость исследования мемориального права и мемориального законодательства не только на нормативном и функциональном уровне, но и на онтологическом [18], позволяющем выявить участие мемориального законодательства в конструировании правовой и социальной реальности, выявить степень его воздействия на правовую культуру человека и общества.

Современные исследования мемориального законодательства показывают, что оно представляет собой сложный конгломерат нормативных правовых актов, который может быть рассмотрен как единый официальный исторический нарратив [13, с. 126]. Однако этот конгломерат не является монолитом. Каждый из нормативных правовых актов способен по-разному воздействовать на формирование и содержание исторической памяти общества.

Исходя из того, что историческая память как совокупность знаний о прошлом, сформированных в процессе социального взаимодействия, показавших свою эффективность в обеспечении национальной безопасности и гражданской идентичности предыдущих поколений и переданных в процессе наследования социального опыта, выступает не только фоновым условием, но и конститутивный элементом правосознания, детерминирующим ценностные ориентации и определяющим правовое поведение индивида и его отношение к деяниям окружающих, мы рассматриваем мемориальное законодательство как материального носителя памяти и процессуальное средство его трансляции в процессе правовой коммуникации. Речь может идти как о горизонтальной коммуникации, в процессе которой происходит отбор социальных фактов прошлого, адекватно эксплицирующих его содержание и интенциональность и достойных не только формализации, но и юридизации, так и о вертикальной, направленной на передачу отобранной информации гражданам.

Освоение этой информации, восприятие ее в качестве ценностной ориентации и воспроизводство в коммеморативных практиках выступает дихотомичным средством правовой идентификации. С одной стороны, индивид, благодаря таким действиям и оценкам, показывает свою готовность к гражданской идентификации не только формально-юридически, но и ценностно. С другой стороны, общество готово принять в качестве своего члена только лицо, которое разделяет его ценности и готово своими действиями способствовать их развитию и функционированию. Для России это стало особенно актуально в по-

следние годы, когда действия коллективного Запада как объективно [15, с. 55], так и интерсубъективно в сознании граждан все больше приобретают характер не просто гибридной войны, а открытого противостояния, несущего экзистенциальную угрозу существованию российской цивилизации [3].

Именно это обусловило секъюритизацию исторической памяти и мемориального законодательства, которые включены в единый контекст обеспечения мнемонического суверенитета. Во-первых, конституционные новеллы 2020 г.[1] придали исторической памяти фундаментальный характер (ст. 67.1, ст. 75.1). Во-вторых, целый ряд актов стратегического планирования рассматривает историческую память как традиционную ценность, включая ее защиту в число национальных интересов[2]. В-третьих, федеральным законодательством определен перечень и содержание материальных носителей исторической памяти[3]. В-четвертых, Кодекс об административных правонарушениях РФ[4] и Уголовный кодекс РФ[5] устанавливают запреты на различные формы посягательства на историческую память [14].

Мемориальное законодательство обеспечивает легализацию, легитимацию и семантическое наполнение исторического нарратива, способствуя его трансформации в инструмент конструирования правовой культуры. При этом оно выполняет дихотомичные задачи. С одной стороны, мемориальное законодательство призвано седиментировать общие смыслы, сформулированные в процессе горизонтальной коммуникации. Благодаря нормативной фиксации они приобретают свойства аксиоматичных по содержанию и объективных интенционально социальных фактов (исторической правды), верифицируемость которой достигается не историческими исследованиями, а юридизацией. С другой стороны, благодаря седиментации историческая правда становится объективной информацией, трансляция которой осуществляется в процессе правовой социализации с целью формирования социально активного правомерного поведения граждан и обеспечения правопорядка. Интерпретация и репрезентация этой информации возможна только в пределах фреймов исторической памяти, нормативно закрепленных в мемориальном законодательстве. Государство как адресант правовой коммуникации транслирует гражданину-адресату нормативно закрепленный исторический нарратив, в котором декларируются онтологически значимые модальности прошлого, определяемые интенциональной установкой на историческую правду. Артикулируя правовую квалификацию историческим событиям, лицам и символам, государство конституирует данный нарратив как онтологически значимый элемент правовой культуры.

Законодательство как форма экспликации исторической правды обеспечивает ее аксиоматическое восприятие как условия гражданкой идентификации индивида [12, с. 44 – 45] и выступает в качестве онтологического акта творения, конструируя не только новую историко-правовую реальность, но и современную социальную реальность. При этом не только артикулируются фреймы памяти, но и определяется интенциональность коммеморативных практик, благодаря которым гражданская идентификация приобретает перформативный характер соучастия. Гражданин, вовлеченный в коммеморативные практики, воспринимает свое участие в конструировании социальной реальности не столько вертикально (в форме следования мемориальным нормам), сколько горизонтально (в форме нравственного императива, детерминированного его ценностными ориентациями).

Воздействие мемориального законодательства на формирование правовой культуры можно проследить по трем взаимосвязан-

---

[1] Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

[2] Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (Ч. 2). Ст. 5351; Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 14.11.2022. № 46. Ст. 7977; Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // Собрание законодательства РФ», 13.05.2024. № 20. Ст. 2587; Указ Президента РФ от 15.10.2025 № 738 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2026 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. 20.10.2025. № 42. Ст. 6143 и др.

[3] Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.07.2002. № 26. Ст. 2519.

[4] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

ным направлениям: дефинитивное, репрезентативное, регулятивно-охранительное.

1) Значительную часть мемориального законодательства составляют дефинитивные нормы, с помощью которых конструируется историческая правда. Государство законодательным путем определяет фреймы исторической памяти, устанавливая границы и содержание тех лиц, событий и символов прошлого, которые подлежат запоминанию и(или) забвению. При этом происходит наделение их правовым и моральным статусом [24, p. 32], и определяется интенциональность их интерпретации в правосознании и правовой коммуникации. Тем самым мемориальное законодательство конструирует два типа правовой реальности: историко-правовую реальность бытия социума в пространственно-временном континууме прошлого и реальность исторической достоверности в пространственно-временном континууме настоящего, в которой исторические факты имеют юридическую силу в современном правопорядке. Действительность и истинность сконструированных реальностей обеспечивается фактом их нормативного закрепления.

Создаваемая при этом историческая правда — это система представлений о прошлом, конституированных в законодательстве. В силу этого альтернативная версия правовой реальности — это не столько часть исторического дискурса, сколько контрнарратив, противоречащий юридическим и нравственным императивам российской цивилизации и подлежащий исключению из правовой культуры как на объектном уровне (сохранению и трансляции подлежит только информация, входящая в состав исторического нарратива), так и на субъектном (лица, конструирующие контрнарратив, подлежат юридической ответственности и моральному осуждению). Феноменологически такие действия можно рассматривать как переход исторической памяти из субъективной сферы интерпретаций в объективную область «данностей» [19, p. 35].

Режим исторической правды гносеологически означает создание «эпистемического закрытия», при котором нормативно закрепленное «признанное знание» устанавливает границы содержания, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах. Альтернативные нарративы при этом маркируются как исторический дениализм [22]. Тем самым мемориальное законодательство приобретает черты механизма познания прошлого.

Разберем этот процесс на примере Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»[6]. Включение того или иного исторического события в текст закона выступает актом коллективного признания [23, p. 28]: легитимная публичная власть, эксплицируя конвенциональный результат социальной рефлексии прошлого, включает его в официальный нарратив, тем самым санкционируя интенциональность его восприятия и интерпретации, которые сформировались исторически и показали свою эффективность в организации социальной реальности в прошлом. Благодаря этому, историческое событие становится частью не только историко-правовой реальности, но и современного правопорядка, поскольку порождает юридические последствия. В сочетании со ст. 354.1 УК РФ это означает, что альтернативная интерпретация квалифицируется как конструирование контрнарратива деструктивного характера, который влечет применение мер уголовно-правовой ответственности. Например, включение в перечень памятных дат «19 апреля — Дня памяти жертв геноцида советского народа, совершенного нацистами и их пособниками в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»[7], являющееся экспликацией Федерального закона «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов»[8] юридически означает не только признание, что действия нацистов в период Великой Отечественной войны являлись геноцидом советского народа, т.е. «действиями нацистов и их пособников в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов, направленными на полное или частичное уничтожение национальных, этнических и расовых групп, населявших территорию СССР, путем убийства членов этих групп, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного

[6] Федеральный закон от 13.03.1995 № 32-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О днях воинской славы и памятных датах России» // Собрание законодательства РФ. 13.03.1995. № 11. Ст. 943.

[7] Федеральный закон от 29.12.2025 № 523-ФЗ «О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2025. № 52 (Ч. 1). Ст. 8310.

[8] Федеральный закон от 21.04.2025 № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов» // Собрание законодательства РФ. 28.04.2025. № 17. Ст. 2103.

переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этих групп» (ст. 1 Федерального закона «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941—1945 годов») и установление обязательных форм коммеморации (ст. 2—3 Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»), но и утверждение данного факта как непреложной истины, дискуссии вокруг которой переходят с плоскости исторических споров на уровень неправомерных деяний. Следствием этого становится применение к лицам, посягающим на захоронения жертв геноцида или отрицающих его факт, уголовной ответственности, предусмотренной ст. 243.4 и 354.1 УК РФ. Одновременно данные факты, став частью исторической правды и официального нарратива, подлежат включению в систему исторического образования и просвещения, воздействуя на формирование ценностных ориентаций сознания детей и молодежи не только ретроспективно, но и проспективно [8].

Это подчеркивает аксиологическую напряженность российского мемориального законодательства, интенционально ориентированного на защиту традиционных ценностей и формирующего иерархию исторических смыслов, которые не только приемлемы для современного российского правопорядка, но и позволяют обеспечить национальную безопасность, тем самым участвуя в сохранении экзистенциальных основ российской цивилизации [7, с. 24].

2) Мемориальное законодательство предписывает не только содержание, трансляцию и интерпретацию исторической памяти, но и артикулирует интенциональность и смысловую нагрузку воспроизводства официального исторического нарратива [17]. С одной стороны, такое воспроизводство возможно в форме участия в нормативно закрепленных коммеморативных практиках, которые обеспечивают горизонтальное воздействие нарратива на правовую культуру граждан. Так, законодательно предусмотренное участие в акции «Георгиевская лента»[9] является не только выражением поминовения ветеранов Великой Отечественной войны, но и экспликацией имплицитно присущего лицам, идентифицирующим себя с категорией российских граждан, архетипов соборности и этатизма, детерминирующих восприятие военной памяти в государственно предписанных формах.

С другой стороны, государство создает институциональных посредников, целью которых является интерпретация и трансляция официального исторического нарратива. Речь может идти как о традиционных формах хранения и трансляции памяти, например, архивах и музеях [9], так и специально созданных государственных учреждениях, призванных научными исследованиями подтвердить официальный исторический нарратив. Прежде всего, речь идет о различных институтах и центрах памяти, которые получили широкое распространение в странах Центральной и Восточной Европы [6] и выступают в качестве посредника в вертикальном взаимодействии государства и граждан, обеспечивая легитимацию определенной фреймами памяти версии прошлого. Примерами институций, призванных обеспечить восприятие и воспроизводство гражданами официального исторического нарратива, можно считать Национальный центр исторической памяти при Президенте РФ [2], Российское историческое общество [1], Российской военно-исторический общество [4] и ряд других учреждений, созданных в последние годы.

Создание и законодательное определение полномочий подобных институций переводит историческую память из частной сферы в публичную и делает ее частью официальной структуры общества, выразителем и защитником интересов которого выступает государство. Наряду со сбором, архивированием, хранением и публикацией материалов, которые призваны подтвердить официальный исторический нарратив как единственно правильную и наиболее соответствующую гражданским интересам версию прошлого, такие институции ритуализуют память, переводят ее с плоскости абстрактного знания на уровень эмоционального опыта.

В этом смысле репрезентация исторической памяти выступает воплощением в правовую жизнь высказанной П. Бергером и Т. Лукманом идеи седиментации [19, p. 70]: сконструированный в законодательстве нарратив не только получает «материализацию», но и «укореняется» в правосознании как единственно возможный вариант интерпретации прошлого и действий, направленных на его поминовение.

[9] Федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.01.2023. № 1 (Ч. 1). Ст. 26.

3) Охрана официального исторического нарратива от альтернативных интерпретаций и (или) «неправильного» использования реализуется системой административно-правовых и уголовно-правовых запретов, которые устанавливают границы допустимого вербального и функционального поведения и определяют ответственность за деяния, выходящие за ее пределы. Благодаря этому, мемориальное законодательство приобретает черты активного механизма онтологического конструирования правовой реальности. Оно не просто декларирует фреймы памяти, но и закрепляет их в качестве юридических фактов. Мемориальные нормы Уголовного кодекса РФ, криминализируя определенные высказывания и действия, тем самым переводят память с декларативного уровня в плоскость повседневного правоприменения и усиливают юридизацию исторической правды как элемента правовой онтологии. Дополнение этих положений административно-правовыми запретами направлено не столько на декриминализацию мнемонических правонарушений, сколько на создание градуированной системы юридической ответственности: от однократного (случайного, немотивированного) деяния к заранее обдуманному поступку, совершенному группой лиц, специальным субъектом или с применением технических средств [4].

Однако речь идет не только о наказании за совершенное деяние, но и о профилактике мемориальных правонарушений. В последнем случае запретительные нормы важны не только с точки зрения установления ограничений на совершение определенных действий, но и в качестве официальной интерпретации содержания запрещенных деяний. Как показывают современные исследования взаимосвязи права и памяти, недостаточное внимание законодателя к историческим преступлениям, например, геноциду, препятствует адекватной реакции на подобные деяния в настоящем [21].

Воздействуя на правовое сознание граждан, мемориальные нормы, особенно запретительного характера, формируют ценностные установки на уважение к официальному историческому нарративу. Благодаря нормативно закрепленному механизму наказания и поощрения, моделируется принципиально новый тип субъекта права — «субъект памяти» — гражданин, идентичность которого детерминирована официальным историческим нарративом — санкционированной государством исторической памятью. Такой субъект противостоит идеологическому антагонисту как носителю альтернативной версии прошлого (исторического контрнарратива), и в этом смысле выступает в роли «фольклорного злодея», который в силу своей социальной отчужденности и моральной коррумпированности стремится разрушить духовно-нравственное единство общества [20, p. 12]. Подобный подход особенно актуален в условиях геополитической конфронтации, при которой поддержание режима исторической правды становится элементом системы национальной безопасности.

Таким образом, мемориальное законодательство является мощным онтологическим инструментом, который активно участвует в социальном конструировании реальности. Оно не только регулирует отношения, связанные с определением содержания, сохранением, трансляцией, интерпретацией и репрезентацией информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах, но и формирует основу исторической памяти как ядра национальной правовой культуры. Воздействие мемориального законодательства как экспликации исторической памяти общества на правовую культуру может осуществляться как вертикально, так и горизонтально. В первом случае законодательство выступает непосредственным инструментом государственного влияния на правосознание граждан с целью формирования ценностных установок на восприятие и воспроизводство официального исторического нарратива. Во второй ситуации законодательство призвано обеспечить организационное сопровождение социальных инициатив, направленных сохранение, трансляцию и репрезентацию материалов, мемориального характера.

Вышесказанное позволяет утверждать, что российское мемориальное законодательство, будучи онтологически направлено на конституирование исторической правды и конструирование правовой культуры народа-победителя, требует совершенствования, обусловленного экзистенциальными угрозами, которые несут псевдолиберальные западные ценности. Прежде всего, речь идет о необходимости принятия Федерального закона «Об исторической памяти», который должен систематизировать имеющиеся мемориальные нормы, урегулировать вопросы определения содержания, сохранения, трансляции, интерпретации и репрезентации информации о ключевых исторических лицах, событиях и символах, имеющих экзистенциальное значение для российской цивилизации, и сформулировать цель, принципы и направления воздействия исторической правды на обеспечение национальной безопасности и гражданской идентичности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аникин Д. А., Бубнов А. Ю., Комплеев А. В. Российское историческое общество как актор символической политики: институциональные особенности и мемориальные риски // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2020. — № 1 (53). — С. 114—124. — DOI: 10.21685/2072-3024-2020-1-9.
2. Баранов А. В., Касьянов В. В., Самыгин П. С. Историческая память в российском обществе: основные проблемы формирования в контексте реализации государственной политики в области исторического просвещения // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2025. — № 2 (83). — С. 9—19. — DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.001.
3. Бараш Р. Э., Петухов Р. В. Идентичность и историческая память россиян в условиях противостояния «коллективному Западу» // Вестник Института социологии. — 2023. — Т. 14. — № 4. — С. 147—175. — DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9.
4. Бикеев И. И., Скоробогатов А. В. Реабилитация нацизма: сущность, объект и предмет преступления // Вопросы российского и международного права. — 2025. — Т. 15, № 9А. — С. 269—278. — DOI: 10.34670/AR.2025.99.40.034.
5. Будунов И. М. Российское военно-историческое общество и историческое просвещение в России // Идеология будущего. — 2024. — № 15. — С. 5—9.
6. Васильев А. А., Боловнев М. А. Институты исторической памяти в различных государствах // Вестник Уфимского юридического института МВД России. — 2025. — № 4 (110). — С. 26—33.
7. Историческая память россиян в условиях глобализации: опыт социокультурной реконструкции / С. М. Нехай, Е. А. Еремина, Т. А. Самсоненко [и др.] // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2023. — Т. 17, № 1. — С. 19—26. — DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-19-26.
8. Клименко А. В., Несмелова М. Л. Историческое просвещение как направление обновления содержания высшего педагогического образования // Проблемы современного образования. — 2025. — № 2. — С. 114—121. — DOI: 10.31862/2218-8711-2025-2-114-121.
9. Козлов В. П. Музеи, библиотеки, архивы в системе исторической памяти // Отечественные архивы. — 2004. — № 6. — С. 71—75.
10. Крючек П. С., Сергеев В. Н. Историческая память и национальная идентичность: механизмы формирования и социальная значимость // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. — 2025. — № 1(293). — С. 5—10. DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-1.
11. Леонтьева О. Б. «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке // Диалог со временем. — 2015. — Вып. 50. — С. 59—96.
12. Моисеенко О. А. Роль исторической памяти в формировании гражданской идентичности современной России // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). — 2022. — № 4. — С. 31—46.
13. Скоробогатов А. В. § 2.2. Мемориальное законодательство как исторический нарратив // Мемориальное право: теоретико-исторические и практические аспекты: коллективная монография / А. А. Васильев, Б. И. Борубашов, Е. А. Фролова [и др.]; под ред. А. А. Васильева. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2025. — С. 104—127.
14. Скоробогатов А. В. Историческая память как объект преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2025. — Т. 16, № 2 (60). — С. 157—166. — DOI: 10.37973/2227-1171-2025-16-2-157-166.
15. Таньшина Н. П. Образ России в исторической памяти Запада: константы и метаморфозы восприятия // Тетради по консерватизму. — 2024. — № 2. — С. 42—58. — DOI: 10.24030/24092517-2024-0-2-42-58.
16. Assmann A. Der Lange Schatten Der Vergangenheit: Erinnerungskultur Und Geschichtspolitik. — München : C. H. Beck, 2006. — 320 s.
17. Bán M. The governance of history via law: An overview // Hungarian Journal of Legal Studies. — 2023. — T. 63, No. 4. — P. 315—328. — DOI: 10.1556/2052.2022.00410.
18. Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A., Mälksoo M., Nußberger A. (eds.) The Politics of Memory Laws: Russia, Ukraine and Beyond. — Oxford, New York, Dublin : Hart Publishing, 2025. — xii, 342 p.
19. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. — New York: Anchor Books, 1966. — 250 p.
20. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The creation of the Mods and Rockers. — London, New York : Routledge, 2011. — xliv, 282 p.

21. Fournet C. The Crime of Destruction and the Law of Genocide: Their Impact on Collective Memory. — London : Routledge, 2007. — xxxiii, 216 p.

22. Fronza E. Memory and Punishment: Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law. — Hague : TMC Asser Press, 2018. — xxxix, 217 p.

23. Searle J. R. The construction of social reality. — New York : The Free Press, 1995. — ix, 238 p.

24. Winter J. M. Remembering war: The Great War between memory and history in the twentieth century. — New Haven, London : Yale University Press, 2006. — x, 340 p.

REFERENCES

1. Anikin D. A., Bubnov A. Yu., Kompleev A. V. The Russian Historical Society as an Actor of Symbolic Politics: Institutional Features and Memorial Risks. *Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarny`e nauki = Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities*, 2020, no. 1 (53), pp. 114—124. DOI: 10.21685/2072-3024-2020-1-9. (In Russian).

2. Baranov A. V., Kasyanov V. V., Samygin P. S. Historical Memory in Russian Society: Main Problems of Formation in the Context of Implementing State Policy in the Field of Historical Education. *Kaspijskij region: politika, e`konomika, kul`tura = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture,* 2025, no. 2 (83), pp. 9—19. DOI: 10.54398/1818-510X.2025.83.2.001. (In Russian).

3. Barash R. E., Petukhov R. V. Identity and Historical Memory of Russians in the Context of Confrontation with the "Collective West". *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2023, vol. 14, no. 4, pp. 147—175. DOI: 10.19181/vis.2023.14.4.9. (In Russian).

4. Bikeev I. I., Skorobogatov A. V. Rehabilitation of Nazism: the essence, object, and subject of the crime. *Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and International Law*, 2025, vol. 15, no. 9a, pp. 269-278. DOI: 10.34670/AR.2025.99.40.034. (In Russian).

5. Budunov I. M. The Russian Military Historical Society and historical enlightenment in Russia. *Ideologiya budushhego = Ideology of the Future*, 2024, no. 15, pp. 5—9. (In Russian).

6. Vasiliev A. A., Bolovnev M. A. Institutes of historical memory in various states. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, no. 4 (110), pp. 26—33. (In Russian).

7. Nekhai S. M. [et al.] Historical memory of Russians in the context of globalization: the experience of sociocultural reconstruction. Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshhestvenny`e i gumanitarny`e nauki = Social and Humanitarian Sciences*, 2023, vol. 17, no. 1, pp. 19—26. DOI: 10.31161/1995-0667-2023-17-1-19-26. (In Russian).

8. Klimenko A. V., Nesmelova M. L. Historical Enlightenment as a Direction for Updating the Content of Higher Pedagogical Education. *Problemy` sovremennogo obrazovaniya = Problems of Modern Education*, 2025, no. 2, pp. 114-121. DOI: 10.31862/2218-8711-2025-2-114-121. (In Russian).

9. Kozlov V. P. Museums, Libraries, and Archives in the System of Historical Memory. *Otechestvenny`e arxivy` = Domestic Archives.* 2004, no. 6, pp. 71—75. (In Russian).

10. Kryuchek P. S., Sergeev V. N. Historical Memory and National Identity: Formation Mechanisms and Social Significance. *Trudy` BGTU. = Proceedings of BSTU.* 2025, no. 1(293), pp. 5—10. DOI: 10.52065/2520-6885-2025-293-1. (In Russian).

11. Leontyeva O. B. "The Memorial Turn" in Modern Russian Historical Scholarship. *Dialog so vremenem = Dialog with Time*, 2015, issue 50, pp. 59—96. (In Russian).

12. Moiseenko O. A. The Role of Historical Memory in Shaping the Civic Identity of Modern Russia. *Vestnik Moskovskogo Universiteta = Bulletin of the Moscow University*, 2022, no. 4, pp. 31—46. (In Russian).

13. Skorobogatov A. V. § 2.2. Memorial legislation as a historical narrative. *Memorial`noe pravo: teoretiko-istoricheskie i prakticheskie aspekty`* [Memorial Law: Theoretical, Historical and Practical Aspects]. Barnaul, Publishing House of the Altai University, 2025, pp. 104—127. (In Russian).

14. Skorobogatov A. V. Historical Memory as an Object of Crime. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2025, vol. 16, no. 2 (60), pp. 157—166. DOI: 10.37973/2227-1171-2025-16-2-157-166. (In Russian).

15. Tanshina N. P. The Image of Russia in the Historical Memory of the West: Constants and Metamorphoses of Perception. *Tetradi po konservatizmu = Notebooks on Conservatism*, 2024, no. 2, pp. 42—58. DOI: 10.24030/24092517-2024-0-2-42-58. (In Russian).

16. Assmann A. Der Lange Schatten Der Vergangenheit: Erinnerungskultur Und Geschichtspolitik. München, C.H. Beck, 2006, 320 s. (In German).
17. Bán M. The governance of history via law: An overview. *Hungarian Journal of Legal Studies*, 2023, vol. 63, no. 4, pp. 315–328. DOI: 10.1556/2052.2022.00410. (In English).
18. Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A., Mälksoo M., Nußberger A. (eds.) The Politics of Memory Laws: Russia, Ukraine and Beyond. Oxford, New York, Dublin, Hart Publishing, 2025. xii, 342 p. (In English).
19. Berger P. L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. New York, Anchor Books, 1966, 250 p. (In English).
20. Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The creation of the Mods and Rockers. London, New York, Routledge, 2011, xliv, 282 p. (In English).
21. Fournet C. The Crime of Destruction and the Law of Genocide: Their Impact on Collective Memory. London, Routledge, 2007, xxxiii, 216 p. (In English).
22. Fronza E. Memory and Punishment: Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law. Hague, TMC Asser Press, 2018, xxxix, 217 p. (In English).
23. Searle J. R. The construction of social reality. New York : The Free Press, 1995, ix, 238 p. (In English).
24. Winter J. M. Remembering war: The Great War between memory and history in the twentieth century. New Haven, London, Yale University Press, 2006. x, 340 p. (In English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Скоробогатов Андрей Валерьевич (г. Казань) – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирясова (ИЭУП), (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42, e-mail: av.skorobogatov@mail.ru).

Скоробогатова Анна Ильдаровна (г. Казань) – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогической психологии и педагогики Казанского инновационного университета им. В.Г. Тимирясова (ИЭУП), (420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42, e-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Skorobogatov, Andrey V. (Kazan) – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines of the Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (IEPU), (42 Moskovskaya St., Kazan, 420111, Russia, e-mail: av.skorobogatov@mail.ru).

Skorobogatova, Anna I. (Kazan) – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Educational Psychology and Pedagogy of the Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov (IEPU), (42 Moskovskaya str., Kazan, 420111, Russia, e-mail: a.i.skorobogatova@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342

Е. А. Глухов
Северо-Западный институт управления (филиал)
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8394-0908
ResearcherID: ACC-4224-2022

Н. В. Галицкая
Северо-Западный институт управления (филиал)
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-7212-8156
ResearcherID: AGN-4907-2022

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ДОКУМЕНТОВ ОТ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 27—33.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.3.27-33
Дата поступления 22.05.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется проблема реализации права граждан на получение документов от органов публичной власти и их должностных лиц. Акцент в статье сделан на частую подмену должностными лицами права заявителя на получение документов правом на ознакомление с ними без самой выдачи запрошенных документов. Причинами подобных усмотренческих действий являются дефекты терминологии законодательства об обращениях граждан, а также чрезвычайно широкая интерпретация должностными лицами законодательства об охраняемой законом тайне. Сделан вывод о необходимости совершенствования процессуального механизма реализации данного права, исключения концептуальных замен в судебной мотивировке и обеспечения единообразия практики применения норм административного судопроизводства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Право на получение документов, обращение граждан, подмена понятий, бремя доказывания, судебная защита, бюрократизм, правовое регулирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Глухов Е. А., Галицкая Н. В. Право на получение документов от органов публичной власти // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 27—33. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.3.27-33.

UDC 342

E. A. Glukhov
North-West Institute of Management (branch)
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8394-0908
ResearcherID ACC-4224-2022

N. V. Galitskaya
North-West Institute of Management (branch)
of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7212-8156
ResearcherID: AGN-4907-2022

RIGHT TO OBTAIN DOCUMENTS FROM PUBLIC AUTHORITIES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 3, pp. 27—33.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.3.27-33
Received 22.05.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT

The article examines the problem of the implementation of the right of citizens to receive documents from public authorities and their officials. The article focuses on the frequent substitution of the applicant's right to receive documents by the right to familiarize themselves with them without actually issuing the requested documents. The reasons for such discretionary actions are the defects in the terminology of the legislation on citizens' appeals, as well as the extremely broad interpretation of the legislation on legally protected secrets by officials. The author concludes that it is necessary to improve the procedural mechanism for exercising this right, to exclude conceptual substitutions in judicial reasoning, and to ensure uniformity in the practice of applying the rules of administrative proceedings.

KEYWORDS

Right to receive documents, citizens' appeals, substitution of concepts, burden of proof, judicial protection, bureaucracy, legal regulation.

FOR CITATION

Glukhov E. A., Galitskaya N. V. The Right to Obtain Documents from Public Authorities. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 27—33. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.3.27-33.

Человеку свойственно всю сознательную жизнь получать и обрабатывать информацию. Получение информации лежит в основе познавательной деятельности, обучения и адаптации к окружающей среде, информация используется для формулирования и достижения целей, накопления, развития личности и т.д.

Ниже в настоящей статье будут исследоваться правовые аспекты процедуры истребования и получения документов гражданами и организациями от органов публичной власти и управления. Как, верно, указывает С. Е. Чаннов, в многочисленных государственных информационных системах накапливается все больший объем информации, зачастую более нигде не существующей [5, с. 114]. Граждане иногда не имеют иных вариантов получить нужную для себя, в том числе доказательственную информацию, кроме как из органов публичной власти.

За пределами предмета настоящей статьи остаются довольно подробно исследованные юридической наукой вопросы истребования документов правоохранительными и налоговыми органами, судами, адвокатами при выполнении своих функций, а также участниками хозяйствующих обществ у самого общества.

Итак, право каждого человека свободно искать, получать информацию любым законным способом закреплено в Конституции России (ч. 4 ст. 29).

Под информацией в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» понимаются любые сведения о ком-либо или о чем-либо. Положения данного Закона в силу прямого указания на то его статьи 1 регулируют отношения, возникающие при осуществлении права на получение информации. Названный закон в статье 8 закрепляет право граждан получать любую информацию (кроме охраняемой законом тайны) в любых формах и из любых источников (ч. 1); право гражданина на получение от публичных органов власти и их должностных лиц информации, непосредственно затрагивающей его права и свободы (ч. 2).

Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[1] предоставляет каждому право получать достоверную информацию о деятельности государственных органов, при этом ни ком образом не обосновывая необходимость получения запрашиваемой информации (статья 8). Информация о деятельности публичных органов власти предоставляется в виде ответа на запрос, в котором содержится или к которому прилагается запрашиваемая информация либо в котором содержится мотивированный отказ в ее предоставлении (статья 20).

Статьей 14 Федерального закона «О персональных данных»[2] определено, что субъект персональных данных (лицо, которого можно с помощью этих данных идентифицировать) имеет право на получение обрабатываемых сведений о себе. Указанные сведения предоставляются субъекту персональных данных оператором (в том числе органом публичной власти) при получении запроса субъекта персональных данных (часть 3 статьи 14).

Согласно ст. 9 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»[3] любое обращение, поступившее в публичный орган власти или должностному лицу в соответствии с их компетенцией, подлежит обязательному рассмотрению. Ответ на письменное обращение должен быть направлен заявителю в срок до 30 суток с момента регистрации данного обращения (ст. 12). Кроме того, государственный орган или должностное лицо обязаны принимать меры, направленные на восстановление или защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов обратившегося гражданина (ч. 1 ст. 10).

Как видно, все вышеприведенные акты гарантируют заявителям именно получение информации. Но включает ли это право прерогативу на получение документов, касающихся своих прав? Именно в этом вопросе наблюдается некая пробельность законодательства.

В прямой постановке вопроса нормативные правовые акты РФ не вменяют адресатам обращений обязанность именно выдавать заявителям некие документы, такая обязанность у них есть в отношении сообщения информа-

[1] Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

[2] Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451.

[3] Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 19. Ст. 2060.

ции. А сообщить информацию можно и в ответном письме, просто ссылаясь на некие имеющиеся у должностного лица документы. То есть вместо выдачи справки с печатью заявителю могут направить ответ, где будет изложена запрашиваемая информация, хотя заявитель хотел получить именно справку как документ, имеющий (по его представлению) больший вес для обоснования своих прав.

Лишь в некоторых случаях законодательство прямо предписывает выдавать заявителям испрошенные документы. Так, согласно статье 62 Трудового кодекса РФ работодатель по письменному заявлению работника в трехдневный срок обязан выдать ему трудовую книжку и копии документов, связанных с его работой, причем безвозмездно и заверенные в установленном порядке. Однако данная норма права распространяется лишь сугубо на трудовые правоотношения и не применяется в отношении военнослужащих и некоторых категорий государственных служащих (ст. 11 Трудового кодекса РФ).

В соответствии с ч. 5 ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[4] пациент и/или его законный представитель имеют право по запросу в медицинские организации получать отражающие состояние здоровья пациента медицинские документы (их копии) и выписки из них. Приведенная норма, как видно, распространяется на правоотношения, связанные с диагностикой и лечением конкретного гражданина. Кроме того, как указывает Ю. Н. Аргунова порядок и сроки предоставления медицинских документов (их копий) и выписок из них должны быть установлены в ведомственных нормативных актах, однако в этом вопросе также имеются пробелы и коллизии законодательства [1, с. 48].

Следует отметить и то, что в Российской Федерации продолжает действовать Указ Президиума Верховного Совета СССР от 04.08.1983 № 9779-X «О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан»[5], в части, не противоречащей более позднему федеральному законодательству. Согласно данного правового акта государственные учреждения обязаны выдавать гражданам по их заявлениям документы, касающиеся их прав и свобод. Однако далее в данном нормативном акте следует оговорка, согласно которой документы выдаются в случаях, если они необходимы для решения вопросов, касающихся прав и законных интересов обратившихся граждан. То есть по смыслу данного документа, обратившийся гражданин должен обосновывать перед должностным лицом, зачем ему нужен данный документ, а уже чиновник имеет право решать, действительно ли запрошенный документ необходим для реализации прав обратившегося. По мнению авторов, приведенный подход не соответствует положениям Конституции РФ и Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в части необходимости обоснования причин истребования документов о себе и своих правах.

На практике же реализация гражданами права на получение документов зачастую сталкивается с противодействием со стороны должностных лиц органов власти. Причинами тому могут быть, как нежелание должностных лиц раскрывать информацию о своей деятельности с опасением, что она (информация) в дальнейшем будет использована против самого чиновника или растиражирована в средствах массовой информации; так и опасение возможных последующих судебных тяжб с использованием гражданином полученной неустраивающей его информации. Например, гражданин, получивший письменный вариант своей служебной характеристики для аттестации, с гораздо большим успехом сможет оспорить в суде любые негативные эпитеты в данном документе, чем в случае отсутствия у него подобного письменного документа. Опираясь на концепцию «всеобъемлющего засекречивания» бюрократический аппарат всегда стремился вывести из-под любого вида контроля большую часть своей деятельности. Бюрократизации свойственно стремление засекретить все и вся, кулуарность при подготовке управленческих решений...» [4, с. 219].

Автор знаменитой работы «Феномен бюрократии» М. Крозье на основе анализа деятельности бюрократического аппарата того времени делал вывод, что как только человек вступает во влиятельную группу, он инстинктивно пытается усилить социальную дистанцию с не входящими в данную группу лицами, сделать секрет из любой информации о сво-

---

[4] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

[5] Указ Президиума ВС СССР от 04.08.1983 № 9779-X (ред. от 08.12.2003) «О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан» // Ведомости ВС СССР. 1983. № 32, Ст. 492.

ей деятельности [6, с. 231]. Секретность обеспечивает монополию на информацию, и как следствие, на власть.

Стимулирует бездействие и нежелание чиновника предоставлять запрошенные документы и крайне малая вероятность для него быть привлеченным к дисциплинарной ответственности за подобное нарушение. Дисциплинарная ответственность наступает для руководителя публичного органа власти лишь при выполнении нескольких условий: установления нарушения законодательства, доведения этой информации до старшего начальника и желании последнего наказать подчиненного. Естественно, все три условия выполняются лишь иногда, позволяя чиновникам оставаться безнаказанными за пренебрежение своими обязанностями [2, с. 170].

Полагаем также, что к правоотношениям по истребованию документов применимы положения части 1 статьи 9, пунктам 1 — 4 части 1 статьи 10 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», согласно которым государственный орган или должностное лицо, обязаны дать письменный ответ именно по существу поставленных в обращении вопросов. Если существом обращения является просьба выдать определенные документы (копии, выписки из них), то ответ будет считаться по сути обращения, когда эти документы направлены заявителю или ему дан мотивированный отказ в их получении.

Конституционный Суд Российской Федерации в одном из своих определений подтвердил право гражданина на получение ответа по существу поставленных в обращении вопросов. «Данное положение гарантирует получение гражданином ответа на его обращение и не препятствует получению копий запрашиваемых документов» — такова позиция Конституционного Суда РФ[6].

Еще одним способом уклонения от выдачи документов является ссылка на якобы их направление заявителю обычным письмом, которое в дальнейшем затерялось при пересылке. При этом должностное лицо может даже представить копию якобы направленного ответа. Здесь уместно привести статью 165.1 Гражданского кодекса РФ, согласно которой заявления, уведомления, извещения, требования или иные юридически значимые сообщения, с коими закон или связывает гражданско-правовые последствия для другого лица, влекут для этого лица такие последствия с момента доставки соответствующего сообщения ему. Доставка сообщения и направление сообщения — это различные юридические факты, и именно на ответчике по такого рода категории споров в силу статьи 62 Кодекса административного судопроизводства РФ лежит бремя доказывания законности своих действий. Стало быть, именно должностное лицо обязано будет доказать не просто направление заявителю ответа на его обращение, но и доставку ответа заявителю. Поэтому направление ответов обычными письмами (не заказными, ни ценными) не будет являться надлежащим доказательством исполнения должностным лицом возложенной на него обязанности.

В судебной практике довольно часто встречаются случаи, когда запрашиваемые заявителем документы предоставляются ответчиками — органами публичной власти непосредственно в судебной заседание. По мнению ответчиков такое положение дел как бы уже разрешает возникшее противоречие, истец в данном случае уже получает возможность в административно-процессуальном порядке знакомиться с запрашиваемыми документами и снимать с них копии. Тем самым предмет спора по мнению ответчиков перестает существовать. Полагает такую логику ущербной по причине того, что в данном случае права заявителя нарушены уже по причине несоблюдения ответчиком сроков предоставления документов. А поскольку одним из способов защиты нарушенного права является признание факта допущенного нарушения, то суды не вправе прекращать подобные административные производства в связи с представлением ответчиком испрошенных документов в судебном заседании. Более того, суды не в праве без учета мнения истца разрешать вопрос о достижении истцом цели защиты нарушенного права[7].

В последнее время должностные лица для обоснования отказа в выдаче запрошенных документов стали ссылаться на законодательство о персональных данных. По мнению ряда должностных лиц, выдача заявителям

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2019 № 2946-О // https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision436913.pdf (дата обращения: 23.04.2026).

[7] См. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.08.2021 № 67-КАД21-3-К8 // https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2025354 (дата обращения: 23.04.2026).

некоторых видов документов (протоколов заседания аттестационных комиссий, копий материалов разбирательств и т.п.) означает раскрытие персональных данных иных сотрудников организации, а потому без их согласия невозможна. Действительно, в статье 7 Федерального закона «О персональных данных» содержится запрет на распространение персональных данных без согласия субъектов персональных данных, однако данный запрет не препятствует выдаче обезличенных документов, касающихся прав заявителей. Таким образом может быть реализован баланс частных интересов субъектов персональных данных и конкретного заявителя [3, с. 175].

Подводя итог, полагаем, что законодательная неурегулированность права на получение документов от органов публичной власти приобретает особую актуальность. В ответах заявителю нередко указывается, что запрашиваемые сведения являются служебными и с ними лицо уже ознакомлено в установленном порядке, однако такая формулировка представляет собой подмену понятий. Право на получение документов и право на ознакомление с ними представляют собой различные по юридической природе институты. Ознакомление, носящее ситуативный и ограниченный характер, не способно заменить выдачу материального носителя информации, который необходим гражданину для самостоятельной реализации процессуальных прав, в том числе для представления в иные органы власти или для подготовки позиций по обжалованию или защиты своих интересов в судах. При этом судебная практика, отказывающая в удовлетворении требований исключительно на том основании, что заявитель не обосновал целесообразность своего запроса[8], вступает в прямое противоречие с императивными нормами законодательства и официальной правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации. Думается, требование аргументировать необходимость получения сведений, непосредственно затрагивающих права лица, фактически наделяет должностных лиц дискреционными полномочиями, которых закон им не предоставляет.

Важно отметить и необходимость формирования консенсуса между властью и гражданским обществом. Право на обращение и добросовестное ожидание ответа на данное обращение по сути поставленных вопросов направлено не только на реализацию его собственных интересов, но и является своеобразным каналом обратной связи для органов публичной власти во взаимоотношениях с населением, служит барометром настроений и чаяний общества. Поэтому органы публичной власти должны быть заинтересованы в налаживании такого рода канала связи для корректировки своего управляющего воздействия в целях управления «для всеобщего блага».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аргунова Ю. Н. Право пациента на получение копий медицинских документов / Ю. Н. Аргунова // Независимый психиатрический журнал. — 2020. — № 3. — С. 45—50.
2. Глухов Е. А. Уклонение российских чиновников от принятия решений: формы и последствия / Е. А. Глухов // ЭКО. — 2022. — № 1(571). — С. 167—192. — DOI 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-167-192.
3. Датий В. Р. Обеспечение защиты персональных данных при осуществлении публичных функций // Legal Bulletin. — 2025. — № 4. — С. 168—180.
4. Настольная книга прокурора в 2 ч. Часть 1: практическое пособие / под общ. ред. О. С. Капинус, С. Г. Кехлерова; под науч. ред. А. Ю. Винокурова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юрайт, 2022. — 595 с. — (Профессиональная практика). — ISBN 978-5-534-14169
5. Чаннов С. Е. Большие данные в государственном управлении: возможности и угрозы / С. Е. Чаннов // Журнал российского права. — 2018. — № 10 (262). — С. 111—122. — DOI 10.12737/art_2018_10_11.
6. Crozier M. The bureacratic phenomenon / Michel Croizier; with a new introd. by Erhard Friedberg. — New Bronswick, London : Transaction publ., cop. 2010. — XXII, 320 p. — ISBN 978-1-4128-1158-3.

[8] См. Апелляционное определение 1-го Западного окружного военного суда от 17.02.2026 № 33а-27/2026.

REFERENCES

1. Argunova Yu. N. Patient's Right to Obtain Copies of Medical Documents. *Nezavisimy`j psixiatricheskij zhurnal = Independent Psychiatric Journal*, 2020, no. 3, pp. 45 — 50. (In Russian).
2. Glukhov E. A. Evasion of Russian officials from decision-making: forms and consequences. *E`KO = IVF*, 2022, no. 1(571), pp. 167 — 192. (In Russian). DOI 10.30680/ECO0131-7652-2022-1-167-192.
3. Datiy V. R. Ensuring the protection of personal data in the implementation of public functions. *Legal Bulletin*, 2025, no. 4, pp. 168 — 180. (In Russian).
4. *Nastol`naya kniga prokurora* [The prosecutor's desk book] in 2 parts. Part 1. 6th ed., revised and add. Moscow, Yurait Publishing House, 2022, 595 p. (In Russian). ISBN 978-5-534-14169.
5. Channov S. E. Big Data in Public Administration: Opportunities and Threats. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 10(262), pp. 111 — 122. (In Russian). DOI 10.12737/art_2018_10_11.
6. Crozier M. *The bureacratic phenomenon* / Michel Croizier; with a new introd. by Erhard Friedberg. New Bronswick, London, Transaction publ., cop. 2010. XXII, 320 p. (In English). ISBN 978-1-4128-1158-3.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Глухов Евгений Александрович (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС) (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43); e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru).

Галицкая Наталья Владимировна (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС) (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43); e-mail: naykla@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Glukhov, Evgeny A. (Saint Petersburg) — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-Western Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SZW RANEPA) (199178, Russia, Saint Petersburg, Sredny pr. V.O., 57/43); e-mail: evgenijgluhov@yandex.ru).

Galitskaya, Natalya V. (Saint Petersburg) — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-Western Institute of Management — a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SZWI RANEPA) (199178, Russia, Saint Petersburg, Sredny Prospekt V.O., 57/43); e-mail: naykla@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 342

В. А. Казаков
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0009-0008-3863-1234
ResearcherID: QUT-2998-2026

НАЛОГ НА ДОХОДЫ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ КАК ИНСТРУМЕНТ СОГЛАСОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ СТРАН БРИКС

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 34—47.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.4.34-47
Дата поступления 20.05.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу влияния налогообложения доходов физических лиц на инвестиционный климат и уровень бедности в государствах БРИКС. В настоящем исследовании анализируются правовые модели налогообложения доходов физических лиц в Бразилии, России, Индии, Китае и Южной Африке. Выбор указанных государств обусловлен необходимостью обеспечить сопоставимость налогового законодательства, официальных статистических данных и научных источников, а также выявить устойчивые закономерности правового регулирования НДФЛ в странах с крупными развивающимися экономиками. Предметом исследования являются нормы национального налогового законодательства, регулирующие налогообложение доходов физических лиц, а также правовые механизмы, посредством которых НДФЛ влияет на частные инвестиционные решения, предпринимательскую активность и распределение налогового бремени. Цель научной статьи состоит в выявлении того, в какой мере современная конструкция НДФЛ в странах БРИКС способна одновременно выполнять фискальную, инвестиционно-стимулирующую и социально-защитную функции. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой, системный и логический методы, применяемые в сочетании с анализом официальной статистики и современной научной литературы. В статье обосновывается вывод о том, что само по себе усиление прогрессии НДФЛ не является достаточным условием ни для формирования благоприятного инвестиционного климата, ни для устойчивого снижения социального неравенства. Более существенное значение имеют правовая определенность налогового регулирования, предсказуемость налоговой нагрузки,

качество и адресность налоговых вычетов, учет семейной и иждивенческой нагрузки, а также наличие долгосрочных стимулов к накоплению и инвестированию. Научная новизна статьи заключается в обосновании двухконтурной модели развития НДФЛ для России. Первый контур данной модели ориентирован на защиту налогоплательщиков с низкими доходами и снижение социального неравенства, второй — на стимулирование долгосрочных частных инвестиций при сохранении определенности, стабильности и нейтральности налогового режима.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

НДФЛ, БРИКС, инвестиционный климат, социальное неравенство, налоговая политика, прогрессивное налогообложение, налоговые вычеты, налоговое стимулирование.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Казаков В. А. Налог на доходы физических лиц как инструмент согласования социальной и инвестиционной политики: сравнительно-правовой анализ стран БРИКС // Пролог: журнал о праве. — 2026. — №. 3. — С. 34—47. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.4.34-47.

UDC 342

V. A. Kazakov
All-Russian State University of Justice,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0009-0008-3863-1234
ResearcherID: QUT-2998-2026

PERSONAL INCOME TAX AS A TOOL FOR ALIGNING SOCIAL AND INVESTMENT POLICY: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF BRICS COUNTRIES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 3, pp. 34—47.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.4.34-47
Received 20.05.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT

The article is devoted to a comparative legal analysis of the impact of personal income taxation on the investment climate and the poverty rate in the BRICS countries. This study analyzes the legal models of personal income taxation in Brazil, Russia, India, China, and South Africa. The choice of these countries is due to the need to ensure the comparability of tax legislation, official statistical data, and scientific sources, as well as to identify stable patterns in the legal regulation of personal income tax in countries with large developing economies. The subject of the study is the norms of national tax legislation governing the taxation of personal income, as well as the legal mechanisms through which personal income tax affects private investment decisions, entrepreneurial activity and the distribution of the tax burden. The aim of the scientific article is to identify the extent to which the current structure of personal income tax in BRICS countries is capable of simultaneously performing fiscal, investment-stimulating, and social protection functions. The methodological basis of the study consists of formal-legal, comparative-legal, systemic, and logical

methods, applied in combination with the analysis of official statistics and modern scientific literature. The article substantiates the conclusion that an increase in the progression of personal income tax in itself is not a sufficient condition either for creating a favourable investment climate or for the sustainable reduction of social inequality. Of greater importance are the legal certainty of tax regulation, the predictability of the tax burden, the quality and targeted nature of tax deductions, the consideration of family and dependent burden, as well as the presence of long-term incentives for saving and investing. The scientific novelty of the article lies in the substantiation of a two-tier model for the development of personal income tax in Russia. The first tier of this model is focused on protecting taxpayers with low incomes and reducing social inequality, while the second tier is aimed at stimulating long-term private investment while maintaining certainty, stability, and neutrality of the tax regime.

KEYWORDS Personal income tax; BRICS; investment climate; social inequality; tax policy; progressive taxation; tax deductions; tax incentives.

FOR CITATION Kazakov V. A. Personal Income Tax as a Tool for Aligning Social and Investment Policy: A Comparative Legal Analysis of BRICS Countries. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 34—47. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.4.34-47.

Введение

Сегодня налог на доходы физических лиц уже нельзя рассматривать только как инструмент пополнения бюджета страны. Если раньше его основная роль сводилась к выполнению фискальной функции, то в современных условиях его значение стало значительно шире. Это связано в том числе с ростом социального неравенства среди населения, необходимостью стимулирования внутригосударственных инвестиций и повышением требований гражданского общества к справедливости и прозрачности налоговой системы. В этих условиях НДФЛ оказывает влияние не только на объем доходов, которыми располагают граждане, но и на их инвестиционное поведение, готовность заниматься предпринимательской деятельностью, а также влияет на уровень доверия налогоплательщиков к государству и проводимой им налоговой политике.

В связи с этим возникает вопрос, имеющий особую научную и практическую значимость. Способен ли НДФЛ выступать инструментом, который позволяет обеспечить баланс между двумя целями, на практике нередко, воспринимающиеся как взаимоисключающие. С одной стороны, государство будет заинтересовано в использовании НДФЛ для перераспределения доходов, снижения уровня бедности среди населения и обеспечения устойчивости бюджетной системы страны. С другой стороны, чрезмерная или непредсказуемая налоговая нагрузка приведет к снижению инвестиционной активности граждан, ослабит их заинтересованность в накоплении капитала и будет стимулировать уход части доходов населения в теневой сектор экономики. В этой связи ключевая проблема заключается не только в выборе между социальной справедливостью и инвестиционным развитием, а в поиске правовой конструкции НДФЛ, удовлетворяющей интересы всех сторон при этом, которая позволяла бы одновременно достигать обеих целей, обеспечивая их разумное и эффективное практическое сочетание.

Для стран БРИКС данная проблема имеет особое значение. Эти государства объединяет не тождество налоговых систем, а сходство ряда экономико-правовых вызовов, среди которых значительная социальная дифференциация, потребность в расширении внутренних источников инвестиций, высокая роль государства в регулировании экономики и необходимость поддержания устойчивых бюджетных доходов [7, с. 87—95]. При этом каждая из стран БРИКС по-своему решает вопрос о соотношении налоговой прогрессии, вычетов, льгот, инвестиционных стимулов и социальной защиты граждан. Такое разнообразие правовых решений делает сравнительно-правовой анализ особенно ценным, поскольку позволяет уви-

деть не только различия национальных моделей, но и общие закономерности развития НДФЛ в государствах с крупными развивающимися экономиками.

Теоретико-правовая постановка проблемы

В налоговом праве важно различать внешнюю форму налога и его реальное правовое воздействие. Применительно к НДФЛ это различие особенно заметно. На первый взгляд, основное значение имеет ставка, чем она выше, тем сильнее налоговое изъятие, а чем ниже, тем благоприятнее условия для налогоплательщика. Однако такой подход слишком упрощает содержание НДФЛ. Номинальная прогрессия показывает лишь то, как изменяется ставка по мере роста дохода, а фактическое же воздействие НДФЛ определяется всей конструкцией налогового режима, в том числе составом налоговой базы, системой вычетов и льгот, правилами учета семейной и иждивенческой нагрузки, режимом инвестиционных доходов, стабильностью законодательства и уровнем налоговой определенности [10, p. 22—23].

Именно поэтому одинаковая по размеру верхняя ставка НДФЛ в разных государствах может приводить к различным правовым и экономическим последствиям [13, p. 165—170]. В одной системе она способна восприниматься как элемент справедливого перераспределения, не подрывающий инвестиционную активность. В другой, как фактор неопределенности и дополнительного давления на легальные доходы. Решающее значение имеет не сама по себе прогрессия, а то, встроена ли она в понятный, устойчивый и сбалансированный налоговый режим. Если налогоплательщик заранее понимает объем своих обязательств, имеет доступ к разумным вычетам и видит долгосрочные стимулы к накоплению, прогрессивная модель может сочетаться с инвестиционной активностью. Если же правила часто меняются, льготы носят фрагментарный характер, а доходы от инвестиций облагаются без учета перспективы вложений, даже умеренная налоговая нагрузка может восприниматься как неблагоприятная.

В этом смысле проблема НДФЛ не сводится к выбору между плоской и прогрессивной шкалой. Такой выбор имеет значение, но он не исчерпывает содержания налогово-правового регулирования. Более существенным является вопрос об архитектуре режима в целом, кого налог фактически защищает, какие формы дохода стимулирует, какие виды поведения делает более выгодными, а какие, напротив, вытесняет в неформальную или менее прозрачную сферу [3, с. 68—79].

Современная российская и зарубежная научная литература исходит из того, что эффективность личного подоходного налогообложения определяется не только уровнем применяемых ставок, но и качеством налоговой конструкции в целом, включая систему вычетов и льгот, специальные налоговые режимы, механизмы администрирования и гарантии правовой определенности. Данный подход согласуется с положениями исследования «*Tax by Design*», в котором к основным признакам качественной налоговой системы отнесены эффективность, справедливость, прозрачность, простота, нейтральность и стабильность, а также приемлемый уровень издержек налогового администрирования и соблюдения законодательства [10, p. 22—23]. Тем самым оценка личного подоходного налога предполагает анализ всей совокупности элементов его правового и экономического устройства, а не сводится исключительно к характеристике шкалы налоговых ставок.

Применительно к развивающимся экономикам этот подход конкретизируют *D. Benedek, J. C. Benitez и C. Vellutini*. В проведенном ими исследовании показано, что реальное значение НДФЛ определяется не только формальной прогрессией, но также охватом налоговой базы, способностью государства администрировать различные категории доходов и фактическим перераспределительным эффектом налога [11, p. 4—8]. Для стран БРИКС данная позиция имеет особое значение, поскольку внешне сходные прогрессивные шкалы могут давать различные социальные и фискальные результаты в зависимости от качества всей налоговой конструкции.

Влияние НДФЛ на инвестиционный климат в юридическом смысле проявляется как минимум в трех взаимосвязанных плоскостях. Первая связана с налоговой стоимостью легального дохода, чем менее предсказуем режим налогообложения, тем выше для налогоплательщика риск официального получения и декларирования доходов. В такой ситуации усиливается заинтересованность в использовании обходных моделей, дроблении доходов, переводе их в иные правовые формы либо в уходе части экономической активности в тень. Следовательно, инвестиционный климат зависит не только от размера налогового изъятия, но и от того, насколько безопасным и понятным является легальное поведение налогоплательщика.

Вторая плоскость касается правового режима доходов от капитала. Для гражданина как потенциального инвестора имеет значение не только налог на заработную плату, но и поря-

док налогообложения дивидендов, процентов, доходов от ценных бумаг, индивидуальных инвестиционных счетов, пенсионных и страховых продуктов, а также иных форм долгосрочного накопления. Если законодатель последовательно поощряет длительное владение активами, предоставляет понятные вычеты и не ухудшает режим задним числом, НДФЛ может выполнять не только фискальную, но и инвестиционно-стимулирующую функцию [4, с. 20—25]. В этом случае налоговое право становится одним из инструментов формирования внутреннего инвестиционного ресурса.

А. О. Иншакова рассматривает государственное регулирование инвестиционных отношений как систему взаимосвязанных мер и инструментов, в которую входят косвенное стимулирование инвестиционной активности и инвестиционные налоговые льготы [6, с. 28—33]. Применительно к НДФЛ это позволяет рассматривать устойчивые вычеты и специальные правила налогообложения долгосрочных вложений как элементы правовой среды, непосредственно влияющей на частные инвестиционные решения.

Третья плоскость связана с бедностью и уровнем располагаемого дохода граждан. Инвестиционное поведение невозможно там, где у семьи не остается свободных средств после удовлетворения базовых потребностей. Поэтому НДФЛ влияет на инвестиционный климат не только через правила для состоятельных налогоплательщиков, но и через положение низко- и среднедоходных групп населения. Если налоговый режим не учитывает иждивенцев, расходы на образование, лечение, жилье и иные социально значимые обстоятельства, он фактически снижает способность граждан к накоплению. Напротив, адресные и доступные вычеты позволяют сохранить часть располагаемого дохода и тем самым создают предпосылки для будущего инвестирования в экономику страны.

О. О. Журавлева рассматривает налогово-правовые меры поддержки семей через призму принципов равенства, справедливости, личного обложения доходов физических лиц, семейного налогообложения и правовой определенности [5, с. 92—105]. Такой подход подтверждает, что социальная направленность НДФЛ не может оцениваться исключительно через размер налоговой ставки. Не менее важное значение имеет сама правовая конструкция НДФЛ, которая должна учитывать семейное положение налогоплательщика, уровень его фактической налоговой нагрузки, особенности потребления и реальную платежеспособность семьи. Именно такой подход позволяет обеспечить более справедливое распределение налоговой нагрузки, поскольку одинаковый размер дохода не всегда означает одинаковые финансовые возможности налогоплательщиков.

Из изложенного следует важный теоретико-правовой вывод. Влияние НДФЛ на инвестиционный климат не сводится исключительно к размеру налоговой ставки. В гораздо большей степени оно определяется качеством правового регулирования налогообложения в целом. Сама по себе налоговая ставка устанавливает лишь объем налогового изъятия, тогда как такие элементы правовой конструкции НДФЛ, как порядок определения налоговой базы, система налоговых льгот и вычетов, стабильность налогового законодательства, а также степень учета индивидуального положения налогоплательщика, во многом формируют восприятие налога как справедливого, понятного и предсказуемого. Именно это, в свою очередь, оказывает влияние на готовность граждан осуществлять долгосрочные инвестиции, заниматься предпринимательской деятельностью и добросовестно исполнять налоговые обязанности. Такой вывод согласуется с позицией российских исследователей, рассматривающих регулирующую функцию налогов и значение инвестиционно-налоговых льгот, а также с зарубежными исследованиями, посвященными развитию системы налогообложения доходов физических лиц в странах с развивающейся экономикой [10, p. 22—23].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о роли НДФЛ в снижении социального неравенства и поддержке граждан с невысоким уровнем доходов. В данном случае для налоговой системы имеет значение не только сам факт перераспределения доходов, но и то, каким образом построен механизм налогообложения. Одним из возможных подходов является разграничение налоговой и социальной политики, при котором поддержка социально уязвимых категорий населения осуществляется преимущественно посредством социальных выплат, а система налогообложения сохраняет относительную нейтральность по отношению к индивидуальной платежеспособности налогоплательщиков. В такой модели НДФЛ преимущественно выполняет фискальную функцию, лишь косвенно способствуя снижению уровня бедности и социального неравенства.

Вместе с тем существует и иной подход, предполагающий включение социальной составляющей непосредственно в конструкцию налога. В этом случае при определении налогового бремени учитываются обстоятельства, объективно влияющие на платежеспособ-

ность налогоплательщика, включая уровень дохода, семейное положение и иные социально значимые факторы. Такой подход позволяет более полно реализовать принцип справедливости в налогообложении, поскольку размер налоговой нагрузки соотносится не только с величиной полученного дохода, но и с реальными возможностями гражданина по исполнению налоговой обязанности.

Такой подход не означает превращения НДФЛ в замену социальной политики. Налог не может и не должен полностью брать на себя функции системы социального обеспечения, однако он способен предотвратить ситуацию, при которой налоговое изъятие усиливает уязвимость тех граждан, которые уже находятся в зоне низких доходов [2, с. 22—25]. В этом проявляется социально-защитный потенциал НДФЛ, при котором налоговая система не только собирает доходы бюджета, но и учитывает пределы реальной платежеспособности налогоплательщика.

В зарубежной литературе представлена и более сдержанная оценка возможностей личного подоходного налога. *R. M. Bird* и *E. M. Zolt* указывают, что в развивающихся государствах НДФЛ нередко имеет узкую налоговую базу, преимущественно охватывает трудовые доходы формального сектора и вследствие этого оказывает ограниченное влияние на общее распределение доходов, кроме того, усложненная прогрессивная конструкция создает дополнительные административные издержки [12, p. 625—633]. Эта позиция не опровергает социально-защитный потенциал НДФЛ, но показывает, что налог не должен рассматриваться как замена адресной социальной и бюджетной политики.

Не менее важное значение имеет доступность налоговых механизмов для самих налогоплательщиков. Налоговые льготы и вычеты способны выполнять свою социальную функцию лишь при условии, что воспользоваться ими можно без административных сложностей. Если получение соответствующих преференций связано с необходимостью представления большого количества документов, длительным взаимодействием с налоговыми органами или требует специальных знаний в области налогового законодательства, такая поддержка во многом приобретает формальный характер и не позволяет в полной мере достичь целей, ради которых она была предусмотрена.

В связи с этим современная научная дискуссия все чаще смещается от вопроса о степени прогрессивности налогообложения к вопросу о персонализации налоговой системы. Основное внимание уделяется тому, насколько действующий механизм налогообложения способен учитывать реальные обстоятельства, влияющие на положение налогоплательщика, включая состав семьи, структуру и источники доходов, обязательные социальные расходы и иные факторы, определяющие его фактическую платежеспособность. Именно такой подход позволяет не только обеспечить более справедливое распределение налоговой нагрузки, но и повысить доверие граждан к налоговой системе и эффективность ее функционирования в целом [5, с. 92—105].

Таким образом, теоретико-правовая постановка рассматриваемой проблемы позволяет сделать вывод о том, что НДФЛ представляет собой сложный инструмент публично-правового регулирования, значение которого не ограничивается выполнением исключительно фискальной функции и его эффективность не может оцениваться лишь через выбор между плоской и прогрессивной шкалой налогообложения. Принципиальное значение имеет способность правовой конструкции НДФЛ одновременно решать несколько взаимосвязанных задач, среди которых возможность обеспечивать стабильное поступление доходов в бюджетную систему, сохранять и стимулировать инвестиционную активность граждан, а также учитывать объективные различия в их социальном и имущественном положении. Именно достижение разумного баланса между этими задачами позволяет рассматривать НДФЛ не только как источник бюджетных доходов, но и как эффективный правовой инструмент, способный одновременно способствовать формированию благоприятного инвестиционного климата и снижению социального неравенства.

Анализ действующего законодательства и официальной статистики

С 1 января 2025 года российская модель налогообложения доходов физических лиц претерпела масштабные изменения. Действовавшая ранее система налогообложения была заменена пятиступенчатой прогрессивной шкалой НДФЛ, применяемой к основным доходам налогоплательщиков. Для граждан чей годовой доход не превышает 2,4 млн руб., установлена ставка 13 %. При доходе свыше 2,4 млн руб. установлена ставка 15 %, свыше 5 млн руб. — налогообложение исчисляется по ставке 18 %, свыше 20 млн руб. — по ставке 20 %, а при доходе более 50 млн руб. — установлена ставка 22 %. Введение пятиступенчатой шкалы свидетельствует об изменении общей направленности правового регулирования НДФЛ и усилении его перераспределительной функции [1, с. 12—15].

При анализе проведенной реформы важно учитывать не только сам переход к пятиступенчатой шкале, но и то, каким образом прогрессивное налогообложение было встроено в общую конструкцию НДФЛ. В российской модели прогрессия направлена преимущественно на граждан с высокими и сверхвысокими доходами и выражается прежде всего в увеличении применяемых к ним налоговых ставок. Вместе с тем сопоставимого развития механизмов, позволяющих учитывать семейное положение налогоплательщика, наличие у него иждивенцев, обязательные расходы и особенности инвестиционного поведения, пока не произошло. В результате действующая модель НДФЛ стала прогрессивной по ставкам, однако ее содержание по-прежнему нельзя признать в полной мере персонализированным. Данное обстоятельство имеет принципиальное значение при оценке влияния реформы как на уровень социального неравенства, так и на инвестиционное поведение граждан [2, с. 22 — 25].

Бразильская модель НДФЛ демонстрирует несколько иной подход. В ее основе лежит классическая прогрессивная шкала, предусматривающая необлагаемый минимум для граждан с невысокими доходами и последовательное повышение налоговой ставки по мере роста дохода. В 2026 году месячная налоговая база в размере до 2 428,80 бразильского реала освобождается от налогообложения. К доходам от 2 428,81 до 2 826,65 реала применяется ставка 7,5 %, от 2 826,66 до 3 751,05 реала — 15 %, от 3 751,06 до 4 664,68 реала — 22,5 %, а к доходам свыше 4 664,68 реала — 27,5 %[1].

Одновременно с 2026 года в Бразилии действует дополнительный механизм снижения налоговой нагрузки. Он обеспечивает фактическое освобождение от налогообложения граждан, чей доход не превышает 5 000 реалов в месяц. Для налогоплательщиков с доходами от 5 000,01 до 7 350 реалов предусмотрено постепенное уменьшение размера налоговой льготы по мере роста дохода. При превышении порога в 7 350 реалов такое уменьшение налога уже не применяется. Таким образом, социальная направленность бразильской модели выражается не только в наличии прогрессивных ставок, но и в установлении механизма, который позволяет полностью или частично снизить налоговую нагрузку для граждан с низкими и средними доходами.

Значение бразильского опыта состоит в том, что прогрессия здесь дополняется выраженным нижним защитным элементом. Налоговая система не только повышает нагрузку по мере роста дохода, но и стремится оставить за пределами налогообложения значительную часть низкооплачиваемых граждан. Снижение бедности достигается не только последующим перераспределением через бюджетные расходы, но и первоначальным ограничением налогового изъятия у граждан с невысокой платежеспособностью. Кроме того, бразильское право использует самостоятельные режимы для отдельных видов доходов от капитала, включая доходы по финансовым инструментам, что позволяет более гибко учитывать инвестиционное поведение физических лиц и не сводить всю конструкцию налогообложения к единой шкале трудовых доходов.

Бразильский опыт налогового стимулирования дополнительно раскрывается в работе О. И. Лютовой, где на примере мер налогово-правового стимулирования в условиях развития «зеленой» экономики показано, что налоговая льгота приобретает регулятивное значение только при ее связи с конкретной публичной целью и определенным сектором экономического развития [9, с. 41 — 44]. Этот подход позволяет уточнить значение НДФЛ, а именно специальные правила налогообложения доходов физических лиц, которые могут быть инвестиционно значимыми не сами по себе, а тогда, когда они направляют частные сбережения и доходы граждан в социально или экономически приоритетные формы.

Индийская модель, напротив, интересна прежде всего стремлением к упрощению. Так в Индии сохраняется возможность выбора между старым и новым налоговыми режимами, однако именно новый режим все более явно выступает базовой моделью для массового налогоплательщика. Индийская система налогообложения предусматривает прогрессивную шкалу, в которой нулевая ставка применяется к доходу до 400 000 рупий, а далее используются ставки 5 %, 10 %, 15 %, 20 %, 25 % и 30 % в зависимости от размера дохода. При этом предельная ставка 30 % применяется к доходам свыше 2,4 млн рупий[2].

[1] Tributação de 2026: tabelas de incidência mensal e anual do IRPF // Receita Federal do Brasil. — URL: https://www.gov.br/receitafederal/pt-br/assuntos/meu-imposto-de-renda/tabelas/2026 (дата обращения: 01.07.2026).

[2] Government of India. Salaried Individuals for AY 2026 — 27 // Income Tax Department. — URL: https://www.incometax.gov.in/iec/foportal/help/individual/return-applicable-1 (дата обращения: 01.07.2026).

Особое значение имеет механизм, который снижает фактическую налоговую нагрузку для налогоплательщиков с невысокими доходами. Официальный портал индийского налогового ведомства указывает, что резидент-физическое лицо вправе претендовать на соответствующее уменьшение налога при соблюдении установленного предела дохода[3]. В юридическом плане индийский подход показывает, что потенциал НДФЛ может выражаться не только в низких ставках, но и в сочетании понятной шкалы, налогового возврата и снижения административной сложности. Для инвестиционного климата это также имеет значение, чем проще налогоплательщику заранее оценить свои обязательства, тем выше уровень правовой определенности и тем ниже издержки легального экономического поведения.

Китайская модель индивидуального подоходного налога отличается более сложной внутренней структурой. После реформы 2018 года Китай перешел к смешанной системе, в которой заработная плата, вознаграждение за личные услуги, авторские вознаграждения и роялти объединяются в единую категорию. Данный доход облагается по прогрессивной шкале от 3% до 45%, при этом применяется базовый годовой вычет в размере 60 000 юаней, а также система специальных дополнительных вычетов, связанных, в частности, с образованием, лечением, жильем и содержанием пожилых родственников[4].

Китайский опыт важен не столько размером верхней ставки, сколько самой логикой правового регулирования. НДФЛ здесь тесно связан с процедурой ежегодного перерасчета и учетом фактических обстоятельств жизни налогоплательщика. Это делает налог более персонализированным, законодатель стремится учитывать не только номинальный доход, но и социальные расходы гражданина. Одновременно инвестиционный климат в Китае формируется не только через индивидуальный подоходный налог, но и через более широкую систему специальных экономических зон, региональных режимов и инвестиционных преференций. Поэтому НДФЛ в китайской модели не действует автономно, а включен в более широкую нормативную конструкцию экономического развития.

Данный вывод соотносится с подходом Ю. А. Крохиной, которая рассматривает свободные экономические зоны в Китае как самостоятельный объект правового регулирования, связанный с более широкой системой государственного воздействия на инвестиционную и миграционно-экономическую политику [8, с. 31 — 34]. В связи с этим налоговое регулирование доходов физических лиц не следует анализировать изолированно от иных правовых режимов развития. НДФЛ в такой системе выступает не единственным стимулом, а одним из элементов общей конструкции, включающей специальные территории, отраслевые преференции и долгосрочное планирование инвестиционной активности.

Южноафриканская модель подоходного налогообложения сохраняет наиболее выраженную вертикальную прогрессию среди рассматриваемых государств. По официальным данным для налогового 2027 года, начавшегося 1 марта 2026 года, действует семь ступеней налогообложения от 18% при доходе до 245 100 рандов, до 45% при доходе свыше 1 878 600 рандов[5]. Одновременно применяются налоговые льготы и сниженные пороги налоговой обязанности, например, для лиц моложе 65 лет такой порог установлен на уровне 99 000 рандов.

Южноафриканский пример показывает, что высокая прогрессия может сочетаться с достаточно заметным нижним защитным контуром. Однако он одновременно демонстрирует пределы самой налоговой прогрессии. Даже высокая предельная ставка и наличие налоговых порогов не способны сами по себе устранить структурную бедность или гарантировать устойчивый приток частных инвестиций. Для этого необходимы более широкие институциональные условия, среди которых стабильность экономики, доверие к правовой системе, качество администрирования, защита собственности и предсказуемость государственной политики. Следовательно, НДФЛ может участвовать в решении социальных и инвестиционных задач, но не способен заменить собой всю систему экономико-правового регулирования [12, p. 625 — 633].

[3] Government of India. Applicable rebate under section 87A for resident individuals // Income Tax Department. — URL: https://www.incometax.gov.in/iec/foportal/help/individual/return-applicable-1 (дата обращения: 01.07.2026).

[4] State Taxation Administration materials on China tax system and individual income tax // Individual Income Tax Law of the People's Republic of China. — URL: https://www.chinatax.gov.cn/eng (дата обращения: 01.07.2026).

[5] Rates of Tax for Individuals: 2027 tax year and tax thresholds // South African Revenue Service. — URL: https://www.sars.gov.za/tax-rates/income-tax/rates-of-tax-for-individuals (дата обращения: 01.07.2026).

Сопоставление пяти моделей позволяет сделать несколько промежуточных выводов. Во-первых, Россия после налоговой реформы 2025 года уже не является исключением среди государств БРИКС, так как все рассматриваемые страны используют прогрессивное налогообложение доходов физических лиц в той или иной форме, поэтому предметом сравнительно-правового анализа должен быть не сам факт наличия прогрессии, а качество ее юридического оформления. Во-вторых, наиболее значимыми становятся сопровождающие элементы налогового режима, а именно необлагаемый минимум, налоговые вычеты, льготы, учет семейной нагрузки, режим доходов от капитала и стабильность налоговых правил. В-третьих, разные страны делают акцент на разных сторонах баланса: Бразилия и Индия - на снижении нагрузки в нижних доходных группах, Китай — на персонализации налогообложения и включении НДФЛ в более широкий механизм развития, Южная Африка — на сильной вертикальной прогрессии и налоговых порогах, Россия — на усилении прогрессии в верхнем сегменте доходов [14, p. 731—750].

Проведенное сравнение имеет практическое значение для дальнейшего развития российской модели НДФЛ. Оно показывает, что совершенствование налогообложения доходов физических лиц не должно ограничиваться повышением ставок для граждан с высоким уровнем дохода. Более перспективным представляется формирование двух взаимосвязанных направлений правового регулирования. Первое направление должно обеспечивать защиту граждан с низким и средним уровнем доходов за счет более точного учета их фактической платежеспособности, семейного положения, наличия детей, обязательных расходов и иных социально значимых обстоятельств. Второе направление связано со стимулированием долгосрочной инвестиционной активности посредством понятных и устойчивых налоговых механизмов, применяемых к доходам от капитала, индивидуальным инвестиционным счетам, пенсионным накоплениям и другим инвестиционным инструментам. При таком подходе НДФЛ может выступать не только источником доходов бюджетной системы, но и полноценным правовым инструментом, способствующим улучшению инвестиционного климата и снижению социального неравенства.

Проблемы правоприменительной практики и доктринальные противоречия

Взаимосвязь НДФЛ и инвестиционного климата становится более наглядной, если рассматривать их не обособленно, а в совокупности со статистическими данными об инвестиционной активности и уровне бедности в стране. При этом такая статистика не должна использоваться для прямолинейного вывода о том, что определенная ставка налога автоматически ведет к росту инвестиций или снижению бедности. Напротив, сравнение показывает более сложную зависимость, так как инвестиционная привлекательность и социальная динамика определяются совокупностью правовых, институциональных и макроэкономических условий, а НДФЛ выступает лишь одним из элементов этой системы [11, p. 4—8].

Индийский опыт в этом отношении является показательным. По официальным данным Правительства Индии, общий приток прямых иностранных инвестиций в 2024—2025 финансовом году составил 81,04 млрд долл. США, что на 14% выше показателя предыдущего финансового года[6]. В первом квартале общий объем прямых иностранных инвестиций составил 25,178 млрд долл. США, а приток прямых иностранных инвестиций в акционерный капитал 18,628 млрд долл. США6. Эти данные свидетельствуют о сохранении значительного инвестиционного потенциала индийской экономики, однако сами по себе они не могут быть объяснены только параметрами подоходного налогообложения. Более важным является сочетание налоговой предсказуемости, либерализации инвестиционного режима, упрощения налоговой модели и общего курса на снижение административных барьеров для инвестора.

Социальная динамика Индии также подтверждает, что налоговая политика действует не сама по себе, а в составе более широкой системы публичного регулирования. По оценкам ведущего аналитического центра Индии, уровень бедности в Индии ежегодно снижается, но важно уточнить, что снижение бедности связано не только с налоговыми ставками, но и с адресными социальными программами, ростом доходов, инфраструктурными изменениями и расширением доступа к базовым услугам. Тем не менее конструкция НДФЛ, особенно наличие необлагаемых интервалов и налоговых возвратов для низко- и среднедоходных групп населения, помогает сохранить располагаемый доход граждан и тем самым поддерживает социально-защитный контур налоговой системы.

[6] Government of India. FDI Statistics, Financial Year 2024—2025 // Department for Promotion of Industry and Internal Trade. URL: https://dpiit.gov.in/publications/fdi-statistics (дата обращения: 01.07.2026).

Китайская статистика демонстрирует иную конфигурацию той же проблемы. В 2024 году фактическое использование прямых иностранных инвестиций в материковом Китае составило 826,25 млрд юаней[7]. За январь — май 2025 года фактически использованные иностранные инвестиции составили 358,19 млрд юаней, при этом в стране было создано более 24 тыс. предприятий с иностранным капиталом[8]. Эти данные показывают, что инвестиционная активность в Китае поддерживается не только налоговыми механизмами, но и более широкой системой правового регулирования, а именно специальными экономическими зонами, региональными режимами, отраслевыми преференциями, административным сопровождением инвестора и долгосрочным планированием экономической политики.

В социальной сфере Китай после объявления о ликвидации абсолютной сельской бедности перешел от прежней логики к более тонкому мониторингу доходов домохозяйств и развития ранее бедных территорий. Такой подход принципиально отличается от простого измерения налоговой нагрузки. Он показывает, что борьба с бедностью требует не только перераспределения доходов, но и устойчивого роста доходной базы населения. В этом контексте НДФЛ выполняет вспомогательную, но важную функцию и через систему вычетов и ежегодного перерасчета он позволяет учитывать реальные жизненные обстоятельства налогоплательщика, однако не заменяет собой инвестиционную, региональную и социальную политику государства.

Бразильский опыт также подтверждает отсутствие механической зависимости между прогрессией НДФЛ, инвестициями и бедностью. По данным Центрального банка Бразилии, за двенадцатимесячный период до мая 2026 года обязательства по прямым инвестициям составили 83,3 млрд долл. США, или 3,38% ВВП[9]. Одновременно бразильская статистика бедности демонстрирует положительную социальную динамику. Так по данным, основанным на материалах Бразильского института географии и статистики, между 2023 и 2024 годах из состояния бедности вышли 8,6 млн человек, а доля бедного населения снизилась до 23,1% в 2024 году[10]. Однако и здесь было бы неверно связывать эти изменения исключительно с конструкцией НДФЛ. Бразильская модель важна прежде всего тем, что сочетает прогрессию с выраженным нижним защитным элементом, а также использует специальные режимы и стимулы для отдельных видов доходов и секторов экономики.

Российская ситуация еще отчетливее показывает, что НДФЛ является значимым, но не единственным фактором инвестиционного климата. По данным Банка России за I квартал 2026 года, текущий счет платежного баланса сохранял профицит, финансовая положительная динамика формировалась за счет роста иностранных активов, а по прямым инвестициям было зафиксировано чистое заимствование в размере 1,7 млрд долл. США[11]. При этом внешние активы по прямым инвестициям снизились на 10,6 млрд долл. США, что Банк России связывает, в числе прочего, с изменением долларовой оценки стоимости долевых инструментов иностранных компаний[12]. Такая динамика, очевидно, объясняется более широким кругом обстоятельств, чем подоходное налогообложение, в том числе внешнеэкономическими ограничениями, изменением структуры трансграничных расчетов, переоценкой активов и общей политической ситуацией.

Вместе с тем недооценивать значение НДФЛ для российского инвестиционного климата также нельзя. Для частного инвестора, предпринимателя и высококвалифицированного работника подоходное налогообложение выступает не только финансовой обязанностью, но и индикатором правовой предска-

[7] Official foreign investment statistics for 2024 // Ministry of Commerce of the PRC. URL: https://english.mofcom.gov.cn (дата обращения: 01.07.2026).

[8] Official data on actually used foreign investment, January — May 2025 // Ministry of Commerce of the PRC. URL: https://english.mofcom.gov.cn (дата обращения: 01.07.2026).

[9] Direct investment liabilities, May 2026 // Banco Central do Brasil. External Sector Statistics. URL: https://www.bcb.gov.br/en/statistics/externalsectorstatistics (дата обращения: 02.07.2026).

[10] Poverty and inequality indicators, 2024 // Instituto Brasileiro de Geografia e Estatística (IBGE). Síntese de Indicadores Sociais. URL: https://www.ibge.gov.br/en/statistics/social/population.html (дата обращения: 02.07.2026).

[11] Платежный баланс, международная инвестиционная позиция и внешний долг Российской Федерации за I квартал 2026 года // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/p_balance/ (дата обращения: 02.07.2026).

[12] Комментарий к платежному балансу и международной инвестиционной позиции Российской Федерации за I квартал 2026 года // Банк России. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/external_sector/pb/p_balance/ (дата обращения: 02.07.2026).

зуемости. Если налоговая система понятна, стабильна и не создает чрезмерных различий между близкими по экономической природе доходами, налогоплательщик имеет больше оснований работать легально и планировать долгосрочные решения. Если же режим усложняется без достаточной логики, возрастает интерес к переквалификации доходов, дроблению налоговой базы и использованию альтернативных конструкций [6, с. 28 – 33].

Социальный аспект российской модели также требует осторожной оценки. По итогам 2024 года уровень бедности в России, по данным Росстата, снизился до 7,2%[13]. Однако снижение официального уровня бедности само по себе еще не означает, что НДФЛ уже выполняет полноценную социально-защитную функцию. Российская реформа 2025 года прежде всего изменила верхний сегмент ставок, тогда как вопросы необлагаемого минимума, семейного налогообложения, учета иждивенческой нагрузки и автоматической доступности вычетов остаются менее развитыми. Поэтому российская правоприменительная проблема состоит в том, что прогрессия усилилась быстрее, чем сформировался нижний защитный контур НДФЛ.

Южноафриканская статистика показывает обратную сторону той же проблемы. Налоговая система ЮАР характеризуется высокой вертикальной прогрессией, однако высокая предельная ставка сама по себе не устраняет структурную бедность. По данным Департамента статистики Южной Африки, минимальный уровень дохода в 2025 году составила 855 рандов на человека в месяц, средний уровень дохода 1 415 рандов, высокий уровень дохода 2 846 рандов[14]. При этом по материалам Департамента статистики Южной Африки уровень бедности снизился с 27,4 % в 2006 году до 17,6 % в 2023 году[15]. Следовательно, даже развитая прогрессивная шкала НДФЛ не способна самостоятельно преодолеть бедность, если она не сопровождается эффективной занятостью, ростом доходов, адресной социальной поддержкой и устойчивой инвестиционной средой.

Из сопоставления указанных данных вытекает важный правовой вывод, о том, что высокий инвестиционный потенциал не находится в простой зависимости ни от низких ставок НДФЛ, ни от их высокой прогрессии. Инвестиционный климат формируется шире через защиту собственности, стабильность правового режима, качество администрирования, доступность финансовых инструментов, предсказуемость налоговой нагрузки и доверие к государственным институтам.

Одной из основных правоприменительных проблем в Российской Федерации становится усложнение прогрессивной шкалы НДФЛ, связанное с различиями между налоговыми ставками, видами доходов и специальными налоговыми режимами. Чем больше таких различий предусматривает законодательство, тем выше риск налогового арбитража, при котором налогоплательщик стремится снизить налоговую нагрузку не за счет изменения экономического поведения, а посредством выбора более выгодной юридической формы получения дохода. На практике это может выражаться в переквалификации доходов в предпринимательские, дроблении налоговой базы, распределении доходов между несколькими лицами, переходе на иные налоговые режимы или использовании финансовых инструментов, предусматривающих более низкую ставку. В результате прогрессивное налогообложение, изначально направленное на более справедливое распределение налогового бремени, может частично утрачивать ожидаемый эффект, одновременно приводя к усложнению налогового контроля и росту расходов на администрирование НДФЛ.

Для инвестиционного климата данная проблема имеет непосредственное значение. При принятии инвестиционного решения налогоплательщик оценивает не только размер применяемой ставки, но и сложность налогового законодательства, предсказуемость его применения и затраты, связанные с соблюдением установленных требований. Если налоговый режим требует постоянного привлечения специалистов, сложного структурирования доходов, регулярного пересмотра налоговых рисков и продолжительного консультационного сопровождения, инвестиционная привлекательность такого режима снижается даже при сравнительно умеренном уровне налоговых ставок.

В связи с этим задача государства состоит не только в установлении справедливой шкалы налогообложения, но и в сокращении возможностей для искусственного выбора между различными правовыми режимами исключительно в целях снижения налоговой нагрузки

[13] Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности; итоги 2024 года // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13723 (дата обращения: 02.07.2026).

[14] National Poverty Lines, 2025 // Statistics South Africa. URL: https://www.statssa.gov.za (дата обращения: 03.07.2026).

[15] Poverty trends and poverty headcount statistics, 2006 – 2023 // Statistics South Africa. URL: https://www.statssa.gov.za (дата обращения: 03.07.2026).

[10, p. 332—334]. Чем яснее разграничены отдельные виды доходов, чем стабильнее и понятнее налоговое законодательство и чем меньше необоснованных различий между налогоплательщиками, тем выше уровень доверия граждан к государству и налоговой системе.

Таким образом, основные проблемы правоприменения и доктринальные противоречия в сфере НДФЛ в конечном счете сводятся к необходимости согласования нескольких целей. Налог должен быть достаточно прогрессивным, чтобы выполнять социальную функцию, но одновременно понятным и предсказуемым, чтобы не снижать инвестиционную активность граждан. Его правовая конструкция должна учитывать социальное неравенство и фактическую платежеспособность налогоплательщиков, не превращаясь при этом в чрезмерно сложную систему многочисленных исключений. Кроме того, НДФЛ должен создавать условия для долгосрочных инвестиций, не формируя необоснованных преимуществ для отдельных групп налогоплательщиков. Поэтому дальнейшее развитие российского законодательства в данной сфере целесообразно связывать не только с изменением налоговых ставок, но и с комплексным совершенствованием модели НДФЛ, объединяющей механизмы социальной защиты и стимулирования инвестиционной активности.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что оценивать НДФЛ в государствах БРИКС только по размеру ставок или наличию прогрессивной шкалы недостаточно. На практике значение имеет то, насколько понятна и устойчива вся система налогообложения доходов. Важно, может ли налогоплательщик без лишних сложностей воспользоваться льготами и вычетами, учитывается ли его семейное и социальное положение, насколько обременительны установленные процедуры и созданы ли в государстве понятные условия для долгосрочного инвестирования [5, с. 92—105].

Опыт Бразилии, Индии, Китая и Южной Африки также показывает, что изменение налоговых ставок само по себе не дает гарантированного результата. Невысокая налоговая нагрузка не всегда приводит к росту инвестиционной активности, а усиление прогрессии не обязательно влечет за собой заметное сокращение бедности и социального неравенства. Во многом результат зависит от того, насколько последовательно и качественно выстроено правовое регулирование. Когда прогрессивные ставки дополняются понятными порогами налогообложения, доступными льготами и вычетами, простыми процедурами и устойчивыми инвестиционными стимулами, НДФЛ действительно может выполнять не только фискальную, но также регулирующую и социальную функции.

Для России данный вывод приобретает особое значение после налоговой реформы 2025 года. Введение расширенной прогрессивной шкалы стало важным шагом к более справедливому распределению налоговой нагрузки между гражданами с разным уровнем доходов. Вместе с тем реформа в первую очередь затронула порядок налогообложения высоких доходов, тогда как механизмы поддержки граждан с невысокими доходами и стимулирования долгосрочных инвестиций получили значительно меньшее развитие. Иными словами, законодатель усилил перераспределительную роль НДФЛ, однако пока не в полной мере связал ее с фактической платежеспособностью населения, их семейными и социальными обстоятельствами, а также с долгосрочным инвестиционным поведением.

Таким образом, дальнейшее развитие НДФЛ в России целесообразно связывать не только с изменением ставок для граждан с высокими доходами, но и с формированием двухконтурной модели налогообложения. Первый контур должен иметь социально-защитную направленность. Он может предусматривать автоматическую индексацию стандартных налоговых вычетов с учетом роста прожиточного минимума или медианного дохода, более последовательный учет семейной нагрузки налогоплательщика, а также развитие механизмов, ориентированных на поддержку семей. Такой подход позволил бы точнее учитывать реальное положение граждан и воздействовать на социальное неравенство более адресно, чем простое повышение ставок для наиболее обеспеченных групп населения.

Второй контур должен быть связан со стимулированием долгосрочных инвестиций. Для этого необходима понятная, устойчивая и доступная система налоговых стимулов для граждан, вкладывающих средства на длительный срок. Речь может идти не только об отдельных льготах, но и о специальном порядке налогообложения долгосрочных сберегательных и инвестиционных продуктов, инфраструктурных облигаций, технологических проектов и иных инструментов, имеющих значение для развития российской экономики. При этом предоставление налоговых преимуществ следует связывать прежде всего со сроком владения активом, прозрачностью происхождения дохода и отсутствием искус-

ственного перераспределения доходов между различными налоговыми режимами. Это позволит поддерживать именно долгосрочную инвестиционную активность, а не краткосрочные операции, направленные преимущественно на получение налоговой выгоды [10, p. 284–285].

Не менее важным условием развития НДФЛ является правовая определенность для работников, предпринимателей и инвесторов. Для налогоплательщика имеет значение не только размер налога, но и возможность заранее понять, к каким последствиям приведет то или иное решение. Поэтому дальнейшие изменения законодательства целесообразно сопровождать переходными периодами и понятной разъяснительной работой. Граждане должны своевременно получать информацию о новых правилах, порядке их применения и возможных последствиях несоблюдения установленных требований. Одновременно необходимо более четко разграничивать отдельные виды доходов и не допускать резкого ухудшения положения налогоплательщиков. Это позволит снизить заинтересованность в искусственном дроблении налоговой базы, переквалификации доходов и их переводе в теневой сектор. Чем понятнее и стабильнее налоговое законодательство, тем выше доверие граждан к государству и тем больше вероятность добровольного и полного исполнения налоговых обязанностей.

Проведенный сравнительный анализ важен не как источник готовых решений, которые можно без изменений перенести в российское законодательство, а как способ определить возможные направления его дальнейшего развития. Бразильский опыт показывает, что прогрессивное налогообложение может сочетаться со снижением нагрузки на граждан с невысокими доходами. Индийская модель обращает внимание на значение простых правил и сокращения административных сложностей. Опыт Китая подтверждает, что НДФЛ следует рассматривать во взаимосвязи с общей социальной и инвестиционной политикой государства. Южноафриканская практика показывает важность налоговых порогов, льгот и вычетов, но одновременно свидетельствует о том, что высокая прогрессия сама по себе не способна решить проблему бедности.

С учетом этого оптимальная модель НДФЛ для России должна быть не просто более прогрессивной или предусматривать большее количество льгот. Она должна оставаться понятной и предсказуемой, учитывать фактическое положение налогоплательщиков и создавать условия для долгосрочного вложения средств в российскую экономику. Такой подход позволит одновременно обеспечивать устойчивые поступления в бюджетную систему, снижать социальное неравенство и поддерживать инвестиционное развитие страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Андриевский К. В. Прогрессивная система налогообложения как инструмент социальной справедливости: отечественный и зарубежный опыт // Финансовое право. — 2025. — № 11. — С. 12–15.
2. Андриевский К. В., Бондарчук И. В. Реализация принципа справедливости в налоговом праве Российской Федерации // Финансовое право. — 2025. — № 6. — С. 22–25.
3. Артемов Н. М., Пономарева К. А. Элементы прогрессивного налогообложения доходов физических лиц в контексте принципа прямых и обратных связей // Правоприменение. — 2021. — Т. 5, № 1. — С. 68–79.
4. Громов В. В. Налог на проценты по вкладам физических лиц как индикатор экономической ситуации // Налоги. — 2025. — № 4. — С. 20–25.
5. Журавлева О. О. Налогово-правовые меры поддержки семей // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 5. — С. 92–105.
6. Иншакова А. О. Особенности законодательного регулирования инвестиционных отношений в Российской Федерации // Финансовое право. — 2025. — № 12. — С. 28–33.
7. Килинкарова Е. В. БРИКС и межгосударственное сотрудничество по вопросам налогообложения: есть ли шанс на интеграцию? // Право между Востоком и Западом. — 2026. — № 2. — С. 87–95.
8. Крохина Ю. А. Свободные экономические зоны как особый объект правового регулирования в Китае // Миграционное право. — 2026. — № 2. — С. 31–34.
9. Лютова О. И. Меры налогово-правового стимулирования в условиях развития «зеленой» экономики: опыт Бразилии // Налоги. — 2026. — № 1. — С. 41–44.

10. Adam S., Besley T., Blundell R. et al. Tax by Design: The Mirrlees Review. — Oxford : Oxford University Press, 2011. — 552 p.
11. Benedek D., Benitez J. C., Vellutini C. Progress of the Personal Income Tax in Emerging and Developing Countries // IMF Working Papers. — 2022. — No. 2022/020. — 36 p.
12. Bird R. M., Zolt E. M. Redistribution via Taxation: The Limited Role of the Personal Income Tax in Developing Countries // Annals of Economics and Finance. — 2014. — Vol. 15, no. 2. — P. 625—683.
13. Diamond P., Saez E. The Case for a Progressive Tax: From Basic Research to Policy Recommendations // Journal of Economic Perspectives. — 2011. — Vol. 25, no. 4. — P. 165—190.
14. Kireenko A. P. Tax Convergence in BRICS: History and Perspectives // Journal of Tax Reform. — 2025. — Vol. 11, no. 3. — P. 731—750.

REFERENCES

1. Andrievsky K. V. Progressive taxation system as a tool for social justice: domestic and foreign experience. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2025, no. 11, pp. 12—15. (In Russian).
2. Andrievsky K. V., Bondarchuk I. V. Implementation of the principle of justice in the tax law of the Russian Federation. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2025, no. 6, pp. 22—25. (In Russian).
3. Artemov N. M., Ponomareva K. A. Elements of progressive taxation of individuals' income in the context of the principle of direct and inverse relationships. *Pravoprimenenie = Law Enforcement*, 2021, vol. 5, no. 1, pp. 68—79. (In Russian).
4. Gromov V. V. Tax on interest on deposits of individuals as an indicator of the economic situation. *Nalogi = Taxes*, 2025, no. 4, pp. 20—25. (In Russian).
5. Zhuravleva O. O. Tax and legal measures to support families. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2021, vol. 25, no. 5, pp. 92—105. (In Russian).
6. Inshakova A. O. Features of legislative regulation of investment relations in the Russian Federation. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2025, no. 12, pp. 28—33. (In Russian).
7. Kilinkarova E. V. BRICS and interstate cooperation on taxation issues: is there a chance for integration?. *Pravo mezhdu Vostokom i Zapadom = Law between East and West*, 2026, no. 2, pp. 87—95. (In Russian).
8. Krokhina Yu. A. Free economic zones as a special subject of legal regulation in China. *Migracionnoe pravo = Migration Law*, 2026, no. 2, pp. 31—34. (In Russian).
9. Lyutova O. I. Measures of tax and legal incentives in the context of the development of the "green" economy: the experience of Brazil. *Nalogi = Nalogi*, 2026, no. 1, pp. 41—44. (In Russian).
10. Adam S., Besley T., Blundell R. et al. Tax by Design: The Mirrlees Review. Oxford, Oxford University Press, 2011, 552 p. (In English).
11. Benedek D., Benitez J. C., Vellutini C. Progress of the Personal Income Tax in Emerging and Developing Countries. *IMF Working Papers*, 2022, no. 2022/020, 36 p. (In English).
12. Bird R. M., Zolt E. M. Redistribution via Taxation: The Limited Role of the Personal Income Tax in Developing Countries. *Annals of Economics and Finance*, 2014, Vol. 15, no. 2, pp. 625—683. (In English).
13. Diamond P., Saez E. The Case for a Progressive Tax: From Basic Research to Policy Recommendations. *Journal of Economic Perspectives*, 2011, vol. 25, no. 4, pp. 165—190. (In English).
14. Kireenko A. P. Tax Convergence in BRICS: History and Perspectives. *Journal of Tax Reform*, 2025, vol. 11, no. 3, pp. 731—750. (In English).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Казаков Владислав Анатольевич (Москва) – аспирант кафедры административного, финансового и информационного права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп., e-mail: director@vladkazakov.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazakov, Vladislav A. (Moscow) – is a postgraduate student at the Department of Administrative, Financial and Information Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) (117638, Russia, Moscow, Azovskaya Street, building 2, e-mail: director@vladkazakov.ru).

УДК 347

Е. В. Михайлова
Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023

ЗАЩИТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ ПО ИСКУ ПРОКУРОРА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 48—56.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.5.48-56
Дата поступления 15.05.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме определения процессуального статуса прокурора, предъявившего иск в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Отмечено, что право на судебную защиту принадлежит не только гражданам, но и публично-правовым образованиям. Однако его реализация нередко осложняется тем, что представляющий интересы публично-правового образования орган не хочет по каким-то причинам предъявлять и отстаивать в суде требования в защиту интересов публично-правового образования. Показано, что в основном суды определяют правовое положение прокурора как «процессуального истца», что создает условия для злоупотреблений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, которые могут иметь собственный интерес в деле, противоречащий интересам государства. Вместе с тем прокурор, как и любой другой орган публичной власти, является представителем публично-правового образования и носителем не только своего служебного интереса, но и интереса публично-правового образования в целом. Поэтому можно говорить о наличии у прокурора не только процессуальной, но и материальной заинтересованности в исходе дела. Также вскрыта проблема определения тождества исков, совпадающих по предмету и основанию, предъявленных прокурором и публично-правовым образованием к одному и тому же ответчику. Предложено закрепить в ГПК РФ и АПК РФ, что прокурор, предъявивший иск в защиту интересов государства, является истцом. Орган государственной власти, местного самоуправления должен привлекаться к участию в деле в качестве третьего лица на стороне прокурора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Имущественные интересы государства, частноправовые отношения, публично-правовые образования, иск прокурора, правовой статус истца, распорядительные права, процессуальный истец, третье лицо, тождественные иски.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Михайлова Е. В. Защита имущественных интересов российского государства в цивилистическом процессе по иску прокурора // Пролог: журнал о праве. — 2025. — № 3. — С. 48—56. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.5.48-56

UDC 347

E. V. Mikhailova
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023

PROTECTING THE PROPERTY INTERESTS OF THE RUSSIAN STATE IN CIVIL PROCEDURE AT THE CLAIM OF A PROSECUTOR

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 48—56.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.5.48-56
Received 15.05.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT This article examines the procedural status of a prosecutor who has filed a claim to protect the interests of the Russian Federation, constituent entities of the Russian Federation, and municipalities in civil and arbitration proceedings. It is noted that the right to judicial protection belongs not only to citizens but also to public entities. However, its implementation is often complicated by the fact that the body representing the interests of a public entity is, for whatever reason, reluctant to file and defend claims in court to protect the interests of that public entity. It is shown that courts generally define the legal status of the prosecutor as a "procedural plaintiff," which creates conditions for abuse by state and local government bodies that may have a vested interest in the case that conflicts with the interests of the state. At the same time, the prosecutor, like any other public authority, is a representative of a public entity and bears not only their own official interest but also the interests of the public entity as a whole. Therefore, it can be argued that the prosecutor has not only a procedural but also a material interest in the outcome of the case. The issue of determining the identity of claims with the same subject matter and grounds, filed by a prosecutor and a public-law entity against the same defendant, was also raised. It was proposed to stipulate in the Russian Federation's Civil Procedure Code and Arbitration Procedure Code that a prosecutor filing a claim in defense of state interests is the plaintiff. A state or local government body should be brought in as a third party on behalf of the prosecutor.

KEYWORDS State property interests, private law relations, public-law entities, prosecutor's claim, plaintiff's legal status, rights of disposal, procedural plaintiff, third party, identical claims.

FOR CITATION Mikhailova E. V. Protecting the Property Interests of the Russian State in Civil Procedure at the Claim of a Prosecutor. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 48—56. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.5.48-56

Право на судебную защиту, закрепленное в ст. 46 Конституции Российской Федерации, обращено к каждому, в силу чего говорят о его абсолютном характере. Однако создается впечатление, что речь идет о праве граждан обращаться к суду защитой своих прав, свобод и законных интересов. При этом к числу субъектов отечественного права, несомненно, относятся также само Российское государство, его субъекты и муниципальные образования (публично-правовые образования). Это прямо закреплено в ч. 1 ст. 2 ГК РФ[1] и в ч. 1 ст. 124 ГК РФ[2].

Так было и по дореволюционному праву, об этом писали многие видные российские правоведы, например, В. М. Хвостов[3], Е. В. Васьковский[4]. В силу этого, конституционное право на судебную защиту гражданских прав и законных интересов несомненно принадлежит и государству, его субъектам, а также муниципальным образованиям. Причем, принимая во внимание их законодательно закрепленное равенство с другими участниками гражданско-правовых отношений, в спорах частноправового характера, одной из сторон которых является Российская Федерация, ее субъект или муниципальное образование, рассматривать гражданина или организацию частного права как «слабую сторону правоотношения», наделяя ее процессуальными преференциями, нет никаких оснований.

Частноправовыми являются все споры, в которых публично-правовые образования выступают «на равных» с гражданами и организациями. Так, в исковом порядке рассматриваются требования о возмещении убытков, причиненных незаконными действиями или бездействиями органов публичной власти[5]. Подчеркну: спор должен касаться именно возмещения убытков, а не признания действий (бездействия), актов и решений публично-правовых образований незаконными или недействующими (такие требования — предмет административного судопроизводства).

Гражданское и арбитражное судопроизводство как процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав и законных

[1] Часть 1 ст. 2 ГК РФ устанавливает: «В регулируемых гражданским законодательством отношениях могут участвовать также Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования (статья 124)».

[2] Часть 1 ст. 124 ГК РФ закрепляет: «Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений — гражданами и юридическими лицами».

[3] Как писал В. М. Хвостов, «и государство может являться носителем частных прав: государство, как казна или фиск, обладает также имуществом и в своих отношениях по поводу этого имущества подлежит в развитом праве действию гражданско-правовых норм. В качестве субъекта публичного права государство стоит над частными лицами, а в качестве обладателя гражданских прав оно стоит рядом с ними» [6, с. 4—5].

[4] «Под делами казны понимаются дела, которые возникают из таких отношений, где одной из сторон являются органы государственной власти, вступающие не в качестве носителей государственного суверенитета, а в качестве представителей казны, как частноправового юридического лица, принимающего участие в гражданском обороте на правах обыкновенного частного лица» — указывал Е. В. Васьковский [2, с. 338].

[5] Так, согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации, «в соответствии со статьей 16 ГК РФ публично-правовое образование (Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование) является ответчиком в случае предъявления гражданином или юридическим лицом требования о возмещении убытков, причиненных в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов. Такое требование подлежит рассмотрению в порядке искового производства» / Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181602/ (дата обращения: 12.10.2025).

интересов в настоящее время не содержат специальных правил рассмотрения и разрешения споров частноправовой природы с участием государства, его субъектов и муниципальных образований. С принятием в 2015 г. Кодекса административного судопроизводства РФ все публично-правовые конфликты должны рассматриваться в рамках административного судопроизводства, а частноправовые споры с участием публичных образований подлежат разрешению по общим правилам ГПК РФ и АПК РФ. Соответственно, все они являются предметом искового производства.

Как известно, исковое производство представляет собой совокупность правил рассмотрения споров, основанных на равенстве и автономии воли участвующих в них лиц. Все участвующие в нем лица традиционно подразделяются на лиц, обладающих материальной заинтересованностью[6] в деле и процессуально заинтересованных лиц[7]. Понятие материальной заинтересованности в ГПК РФ и АПК РФ отсутствует, но ее наличие в научной литературе и судебной практике рассматривается как основание для наделения лица распорядительными процессуальными правами: правом отказаться от исковых требований полностью или в части, правом признать иск в полном объеме или в части, правом изменить предмет или основание иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, правом заключить мировое соглашение.

Закон не раскрывает понятие и признаки юридической заинтересованности[8] в деле. Однако сам термин «заинтересованность» используется как в законодательстве, так и в судебной практике[9]. Юридическая заинтересованность прямо связана с возможностью получения ее обладателем выгоды имущественного характера.

В юридической литературе материально-правовая заинтересованность также связывается с участием лица в спорном материальном правоотношении. По утверждению М. А. Гурвича, обращаться с иском в суд допускается лишь для защиты собственного права или юридического состояния [5, с. 75—76].

Установить, является ли гражданин или организация материально заинтересованными в деле довольно просто: для этого достаточно фактов, свидетельствующих, что они участвуют в гражданском правоотношении, из которого возник рассматриваемый судом спор о праве.

Сложнее дело обстоит с публично-правовыми образованиями[10]. Участие в гражданском споре органов государственной власти и местного самоуправления означает участие в нем Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования.

Одновременно с этим, согласно положениям ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ, в граждан-

---

[6] Так, В. С. Синенко пишет, что «...право может признать только такой интерес к исходу дела, который обусловлен возможным влиянием такого исхода (решения по делу) на соответствующие права либо обязанности определенного субъекта. Как правило, такой интерес называется материальным, поскольку судебное решение может оказать влияние на такие права лиц, участвующих в деле, которые вытекают из материальных отраслей права» [8, с. 198].

[7] Исследователи из Таджикистана пишут о таких случаях: «Итак, коль скоро иск предъявляется прокурором в чужом материальном интересе, его юридический интерес в этих делах чисто процессуальный и состоит в том, чтобы был вынесен законный и обоснованный судебный акт по иску, предъявленному во исполнение его полномочий по защите интересов других лиц («чужих интересов»)» [7, с. 711].

[8] А. В. Афтахова пишет об этом: «Большинство авторов полагают, что понятие юридической заинтересованности следует изучать, исходя из концепции наличия в праве на судебную защиту материальной и процессуальной стороны» [1, с. 21].

[9] Так, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил: «В соответствии с пунктом 1 статьи 81 Закона об акционерных обществах и пунктом 1 статьи 45 Закона об обществах с ограниченной ответственностью лица, указанные в данных положениях закона, признаются заинтересованными в совершении обществом сделки, в том числе если они, их супруги, родители, дети, полнородные и неполнородные братья и сестры, усыновители и усыновленные и (или) подконтрольные им организации являются выгодоприобретателем в сделке либо контролирующими лицами юридического лица, являющегося выгодоприобретателем в сделке, либо занимают должности в органах управления юридического лица, являющегося выгодоприобретателем в сделке, а также должности в органах управления управляющей организации такого юридического лица» (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8).

[10] Статья 125 ГК РФ устанавливает: «1. От имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. 2. От имени муниципальных образований своими действиями могут приобретать и осуществлять права и обязанности, указанные в пункте 1 настоящей статьи, органы местного самоуправления в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов».

ском и арбитражном судопроизводстве наряду с Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации и муниципальными образованиями могут также участвовать органы государственной власти и местного самоуправления и должностные лица.

Это означает, что интересы государства, субъектов государства и муниципальных образований могут не совпадать с интересами органов государственной власти и местного самоуправления и должностных лиц. Эта мысль в свое время была высказана выдающимся процессуалистом советского периода Р. Е. Гукасяном[11].

О том, что указанная опасность существует, и она очень велика, свидетельствует большое число так называемых «антикоррупционных исков», предъявляемых прокурором к лицам, занимавшим государственные и муниципальные должности и приобретшим имущество путем нарушения норм антикоррупционного законодательства. Об обращении этого имущества в собственность государства. Основная проблема, с которой сталкиваются суды при рассмотрении таких требований — это проблема определения надлежащих сторон в деле.

Согласно сложившейся к этому моменту судебной практике, истцом в этих делах признается орган государственной власти или местного самоуправления, уполномоченный на участие в спорном материальном правоотношении[12]. Такого рода правовая позиция закреплена, в частности, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 марта 2025 г. № 18-КГ24-369-К4.

В указанных случаях прокурор, предъявивший исковое требование имущественного характера от имени и в интересах государства, стороной в деле признан не был. Тем самым он был лишен права совершать процессуальные действия распорядительного характера (изменять исковые требования, увеличивать или уменьшать их размер, отказаться от них полностью или в части, заключить мировое соглашение), зато всеми этими правами был наделен признанный истцом орган государственной власти. Основанием для этого послужил вывод суда об отсутствии у прокурора материально-правовой заинтересованности в деле.

В другом деле Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила постановления судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, которыми были удовлетворены исковые требования прокурора, действующего в интересах неопределенного круга лиц, к гражданину, о признании деятельности предпринимательской и незаконной[13].

---

[11] Р. Е. Гукасян писал: «У государственного органа есть и свой собственный интерес... собственный интерес этих органов весьма прозаичен — достижение высоких показателей в работе. ... Наличие собственного интереса у государственных органов различных уровней таит в себе опасность того, что он войдет в противоречие с государственным интересом» [4, с. 417].

[12] Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что «прокурор просил признать право собственности на спорный земельный участок за Российской Федерацией, то есть иск фактически предъявлен в интересах Российской Федерации. Суд обязан был определить и привлечь к участию в деле в качестве истца соответствующий государственный орган, имеющий право выступать от имени Российской Федерации. Однако судом апелляционной инстанции этого сделано не было, дело рассмотрено без участия Российской Федерации как истца в спорных материально-правовых отношениях» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2025 г. № 18-КГ25-18-К4 // СПС «КонсультантПлюс»).

[13] Судебная коллегия указала, что «сторонами гражданского разбирательства являются истец и ответчик, имеющие равные права, включая право на юридическую помощь. Поддержка прокуратурой одной из сторон является оправданной при определенных обстоятельствах, например, для защиты прав уязвимых групп — детей, инвалидов и других, — которые считаются неспособными защитить свои интересы самостоятельно, или когда данным нарушением затронуты многие граждане, или если требуют защиты государственные интересы. Защита прав и интересов уязвимых общественных групп, не способных защитить свои права, может быть исключительной причиной вмешательства прокурора. С учетом изложенных принципов участия в деле лиц, наделенных полномочиями от имени государства надзирать за соблюдением законности, суду, разрешая настоящий спор, следовало установить полномочия прокурора Ставропольского района Самарской области на обращение с настоящим иском, в котором ставится вопрос о признании деятельности физического лица по заключению определенных сделок с определенными физическими лицами за определенный период времени. ... круг лиц, в защиту которых подано заявление прокурора, определен и ограничен лицами, заключившими сделки, зарегистрированные Росреестром в определенный период. При этом прокурором не представлено доказательств, а судом не установлено обстоятельств, подтверждающих невозможность предъявления иска самими лицами, заключившими договоры займа и залога с ответчиком, в защиту своих интересов. Разрешая спор, суду следовало учесть, что роль прокуроров в общей защите прав человека не должна порождать какой-либо конфликт интересов или препятствовать людям в обращении за государственной защитой их прав» (Определение

Между тем прокуратура Российской Федерации — единая федеральная централизованная система органов (ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»). В отличие от «отраслевых» органов государственной власти, она осуществляет особую, исключительную функцию по надзору за соблюдением законов всеми органами государственной власти и местного самоуправления, должностными лицами. Характер этой деятельности намного шире, чем у любого другого органа власти или должностного лица, что предопределяет право прокурора выступать в качестве стороны по любым гражданским делам, участником которых является Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование. В качестве предмета надзора выступают действия (бездействие) и решения органов государственной власти и местного самоуправления, участвующих в спорном материальном правоотношении, а потому истцом в указанных спорах должен признаваться именно прокурор[14].

Орган государственной власти или местного самоуправления, осуществляющий соответствующие государственные или муниципальные функции в спорном материальном правоотношении, возбужденном по иску прокурора, должен привлекаться к участию в деле в качестве третьего лица на стороне прокурора. Так, Петроградский районный суд Санкт-Петербурга правомерно привлек в качестве третьего лица Инспекцию Федеральной налоговой службы в дело по иску прокурора города, предъявленного в интересах государства, о возмещении вреда, причиненного совершением преступления[15]. В другом деле прокурор обратился в арбитражный суд с иском о снесении самовольной постройки, его требование было удовлетворено. Ответчик обжаловал решение в арбитражный апелляционный суд, и указал, что у прокурора отсутствует право по обращению в суд с данным требованием. Но арбитражный суд апелляционной инстанции правильно счел, что в данном случае затрагиваются публичные интересы и прокурор был вправе обратиться в суд в их защиту[16].

Правовая позиция органа государственной власти всегда основана на государственных интересах. Как указывала М. С. Шакарян, органы государственного управления в процессе всегда действуют от имени государства [10, с. 765—766]. Ученый подчеркивала, что органы государственной власти и управления, участвуя в гражданском процессе, имеют не личную заинтересованность в деле, а государственную, общественную [10, с. 769]. Современные авторы также отмечают, что, государству принадлежат законные интересы, реализацию которых обеспечивают его уполномоченные органы, а суд должен самостоятельно определить, конкретный законный интерес государства, подлежащий защите [9, с. 11]. Однако, на практике в целом ряде случаев мнение органов государственной власти и местного самоуправления вступает в противоречие с позицией прокурора. В этих случаях наиболее правильным, на мой взгляд, процессуальным решением является привлечение указанных органов к участию в деле в качестве соответчиков или третьих лиц на стороне ответчика (в зависимости от характера их заинтересованности в деле).

В целях исправления этой ситуации целесообразно закрепить в тексте ГПК РФ и АПК РФ, что прокурор, предъявивший гражданский иск в защиту имущественных прав и законных интересов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования, является в деле истцом. В настоящее время в ч. 2 ст. 45 ГПК РФ сказано, что прокурор, подавший заявление, пользуется всеми процессуальными обязанностями и несет все процессуальные обязанности истца, за исключением права на заключение мирового соглашения

Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2022 г. № 46-КГ22-16-К6 (УИД 63RS0027-01-2021-000500-38) // https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26072022-n-46-kg22-16-k6/ (дата обращения: 13.10.2025)).

[14] Так, И. И. Головко пишет: «Необходимо отметить значимость прокурорской деятельности по восстановлению нарушенной законности в правоотношениях с участием публичных правовых образований. Нередко органы государственной власти и местного самоуправления, их должностные лица, бездействуют либо стараются скрыть сведения о правонарушениях» [3, с. 127].

[15] Решение Петроградского районного суда Санкт-Петербурга от 20 января 2020 г. по Делу № 21496/2020 УИД : 0. URL: https://sudact.ru/regular/doc/HtjZSBhDnsUC/ (дата обращения: 13.10.2025).

[16] Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 1 июня 2023 г. по делу № А41-40257/2022. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/DZnTsEJxSQQO/ (дата обращения: 13.12.2023).

и обязанности по уплате судебных расходов; а в ч. 4 ст. 52 АПК РФ закреплено, что отказ прокурора от предъявленного им иска не лишает истца права требовать рассмотрения дела по существу, если истец участвует в деле. Как видно, законодатель прямо указывает на то, что прокурор, предъявивший иск, истцом в деле не является. А учитывая то, что в арбитражном судопроизводстве все иски прокурора связаны с защитой имущественных интересов государства, процессуальный статус прокурора полностью нивелируется наделением его ролью «процессуального истца», а на первый план выводится воля органов государственной власти и местного самоуправления. В случае, если последний допускает злоупотребления, защитить имущественные интересы государства становится просто невозможно.

Помимо этого, проблема определения надлежащего истца в гражданско-правовых спорах, рассматриваемых на основании предъявленного прокурором иска в защиту государства, субъекта государства или муниципального образования, чревата не только возможностями злоупотреблений со стороны органов государственной власти и местного самоуправления, имеющими в деле собственный, отличный от государственного интерес, но и проблемой тождественных исков. Как известно, тождественными уже разрешенным судом искам являются требования, заявленные по тому же предмету и основанию, между теми же сторонами. Суд отказывает в принятии таких исковых заявлений (ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ).

В судебной практике встал вопрос о том, является ли требование, совпадающее по предмету и основанию, предъявленное прокурором в интересах публичного-образования, тождественным иску, предъявленному этим публично-правовым образованием к тому же ответчику. Так, прокурором было предъявлено требование к гражданину о взыскании определенной денежной суммы в счет возмещения ущерба, причиненного в результате совершенного преступления в интересах муниципального образования, при том, что вступившим в законную силу решением суда рассмотрены аналогичные исковые требования администрации сельского поселения и удовлетворены с учетом уменьшения их размера представителем истца. Суд первой инстанции не усмотрел тождественности исков, поскольку они были поданы разными лицами: администрацией сельского поселения и прокурором. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ посчитала иначе[17]. В результате, дело было направлено на новое рассмотрение.

Итак, одним из наиболее острых и совершенно не урегулированных нормами процессуального законодательства вопросов является проблема процессуального положения прокурора, предъявившего иск в гражданском или арбитражном процессе в защиту интересов Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или муниципального образования. Суды в подавляющем большинстве случаев рассматривают прокурора, предъявившего такой иск, в качестве «процессуального истца», лишая его тем самым распорядительных процессуальных прав. Этот подход основан на нормах действующего процессуального законодательства, поэтому правильно будет внести изменения в редакцию ст. 45 ГПК РФ и ст. 52 АПК РФ, закрепив, что прокурор, предъявивший иск в защиту Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, является истцом в деле.

---

[17] Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ по данному делу постановила: «Прокурор, предъявляющий иск, является процессуальным истцом. При этом процессуальный истец определяется как лицо, выступающее от своего имени в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц. Юридический (процессуальный) интерес процессуального истца — это предусмотренная законом возможность требовать от своего имени защиты права другого лица. В то время, как прокурор в гражданском процессе занимает положение процессуального истца, истцом в материальном смысле является то лицо, в защиту прав, свобод или законных интересов которого прокурором предъявлен иск. Придавая прокурору статус процессуального истца, действующее гражданское процессуальное законодательство не отрицает его роли как представителя государства, однако такой статус служит лишь формой для надлежащего осуществления прокурором своих функций по защите прав других лиц. Суды не дали оценки тому, что обращение в суд с иском прокурора в интересах муниципального образования не меняет фактический субъектный состав спора, а изменение количественной стороны материального объекта спора не изменяет предмет иска» (Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2022 г. № 50-КГ22-4-К8 (УИД 55RS0026-01-2020-003248-82). URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-22112022-n-50-kg22-4-k8/ (дата обращения: 15.10.2025)).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афтахова А. В. К вопросу о личной заинтересованности в исходе дела как критерии для классификации участников гражданского процесса // Интерес вчера, сегодня и навсегда... : сборник научных работ. Выпуск 3. — Тверь : Изд-во ТвГУ, 2024. — С. 20—24.

2. Васьковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. — Москва : Зерцало, 2003. — 464 с.

3. Головко И. И. К вопросу реализации прокурором полномочий по участию в рассмотрении судом дел об истребовании имущества из чужого незаконного владения // Право и государство: теория и практика. — 2015. — № 9(129). — С. 121—127.

4. Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. — Москва : Проспект, 2008. — 480 с.

5. Гурвич М. А. Избранные труды. — Краснодар : Совет. Кубань, 2006. — 672 с.

6. История римского права : пособие к лекциям профессора Московского университета В. М. Хвостова. — 3-е изд. (испр. и доп.). — Москва : Тип. И. Д. Сытина, 1907.

7. Музафарова Н. С., Давлатзода Ф. М. Процессуальное положение прокурора в судопроизводстве по разрешению публично-правовых споров в Республике Таджикистан // Вестник Санкт-Петербургского университета. — Серия: Право. — 2020. — Т. 11, № 3. — С. 705—717.

8. Синенко В. С. Понятие и виды юридической заинтересованности в исходе дела // Научные ведомости Белгородского государственного университета. — Серия: Философия. Социология. Право. — 2011. — № 20 (115). — С. 196—200.

9. Смагина Е. С. Теоретико-практические проблемы участия государства в современном цивилистическом процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Саратов, 2022. — 49 с.

10. Шакарян М. С. Избранные труды. — Санкт-Петербург : Издательский Дом Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.

REFERENCES

1. Aftakhova A. V. On the Issue of Personal Interest in the Outcome of the Case as Criteria for Classifying Participants in Civil Proceedings. *Interes vchera, segodnya i navsegda... = Interest Yesterday, Today and Forever...,* Tver, Tver State University, 2024, pp. 20—24. (In Russian).

2. Vas'kovsky E. V. *Uchebnik grazhdanskogo processa* [Textbook of Civil Procedure]. Moscow, Zertsalo Publishing House, 2003, 464 p. (In Russian).

3. Golovko I. I. On the Issue of the Prosecutor's Exercise of Powers to Participate in the Court's Consideration of Cases of Recovering Property from Someone Else's Illegal Possession. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*, 2015, no. 9(129), pp. 121—127. (In Russian).

4. Gukasyan R. E. *Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu processu* [Selected Works on Civil Procedure]. Moscow, Prospect, 2008, 480 p. (In Russian).

5. Gurvich M. A. *Izbranny`e trudy`* [Selected Works]. Krasnodar, Soviet. Kuban, 2006, 672 p. (In Russian).

6. *Istoriya rimskogo prava : posobie k lekciyam professora Moskovskogo universiteta V. M. Xvostova* [History of Roman Law. Lecture Guide by Moscow University Professor V. M. Khvostov]. Third Ed. (revised and supplemented). Moscow, I. D. Sytin Printing House, 1907. (In Russian).

7. Muzafarova N.S., Davlatzoda F. M. Procedural Status of the Prosecutor in Public Dispute Resolution Proceedings in the Republic of Tajikistan. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta = Bulletin of St. Petersburg University*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 705—717. (In Russian).

8. Sinenko V. S. Concept and Types of Legal Interest in the Outcome of the Case. *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Bulletin of Belgorod State University*, 2011, no. 20(115), pp. 196—200. (In Russian).

9. Smagina E. S. *Teoretiko-prakticheskie problemy` uchastiya gosudarstva v sovremennom civilisticheskom processe. Avtoref. Doct. Dis.* [Theoretical and Practical Problems of State Participation in the Modern Civil Procedure. Doct. Dis. Thesis]. Saratov, 2022. 49 p. (In Russian).

10. Shakaryan M. S. *Izbranny`e trudy`* [Selected Works]. St. Petersburg, R. Aslanov Publishing House "Legal Center", 2014. 880 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна (Москва) – доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10), e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova, Ekaterina V. (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Docent, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher (119019, Russia, Moscow, Znamenka St., 10), e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

УДК 347.441.44

В. Г. Нестолий
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-201

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ О ПОНУЖДЕНИИ К ДОГОВОРУ НА РОЗНИЧНЫХ РЫНКАХ ЭЛЕКТРОЭНЕРГИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 57—71.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.6.57-71
Дата поступления 10.06.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Научная новизна статьи заключается в предположении о том, что разбираемое арбитражным судом в административном судопроизводстве требование антимонопольного органа о понуждении к исполнению предписания о заключении договора может быть оформлено встречным заявлением по отношению к заявлению об оспаривании предписания антимонопольного органа заключить договор. Также в статье высказывается мысль о том, что после объявления решения суда по иску о понуждении к заключению договора истец и ответчик могут подписать договор на иных условиях в сравнении с условиями, определенным решением суда, но с их учетом. Статья продолжает работы автора по правовому регулированию снабжения электроэнергией на розничных рынках электроэнергии, об арбитрировании при совершении судом процессуальных действий в производстве по преддоговорному спору. Автор принимает во внимание, что на основании преобразовательных решений суды могут выдавать исполнительные листы, но подчеркивает, что по решениям об обязании заключить договор, которые принимаются по искам о понуждении к заключению договора, необходимость принудительного исполнения отсутствует. Кроме того, автор утверждает, что содержание иска — это не только форма испрашиваемой у суда материальной защиты (признание, присуждение, преобразование), но и форма, в которой суд предоставляет стороне исковую процессуальную защиту.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Обязание заключить договор; понуждение заключить договор; предписание заключить договор; притязание; иск; преобразовательные и конститутивные решения суда; кредиторские обязанности; розничный рынок электроэнергии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Нестолий В. Г. Судебное решение о понуждении к договору на розничных рынках электроэнергии // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3 — С. 57—71. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.6.57-71

UDC 347.441.44

V. G. Nestoli
Irkutsk Institute (branch)
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7927-1994
ResearcherID: J-8536-2016

COURT DECISION ON COMPELLING A CONTRACT IN RETAIL ELECTRICITY MARKETS

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 57—71.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.6.57-71
Received 10.06.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT The scientific novelty of the article lies in the assumption that the claim of the antimonopoly authority regarding the enforcement of a directive to conclude a contract, which is being considered by the arbitration court in administrative proceedings, may be formulated as a counter-statement in relation to the application challenging the antimonopoly authority's directive to conclude a contract. The article also puts forward the idea that after the court's decision on the claim to compel the conclusion of a contract has been announced, the plaintiff and the defendant may sign a contract on different terms compared to those determined by the court's decision, but taking those terms into account. It is taken into account that, on the basis of transformative decisions, courts may issue writs of execution, but it is emphasized that in the case of decisions to compel the conclusion of a contract, which are adopted in lawsuits seeking to compel the conclusion of a contract, there is no need for enforcement. Furthermore, the author argues that the content of the claim is not only the form of material protection sought from the court (recognition, award, transformation), but also the form in which the court provides the party with procedural protection.

KEYWORDS Obligation to conclude a contract; coercion to conclude a contract; an order to conclude a contract; claim; lawsuit; transformative and constitutive court rulings; creditor obligations; retail electricity market.

FOR CITATION Nestoliy V. G. Court decision on compelling a contract in retail electricity markets. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 57—71. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.6.57-71

Тема и предмет настоящей статьи — решение суда об обязании заключить договор, а также иск о понуждении и обязании заключить договор. Иск о понуждении заключить договор и иск об обязании заключить договор есть один и тот же иск, направленный на получение решения суда об обязании заключить договор. Задача статьи заключается в обосновании указанного выше тезиса.

Вместе с тем, в статье показано, что решение суда об обязании заключить договор может быть результатом судебного разбирательства по заявлению об исполнении предписания антимонопольного органа о заключении договора. Такое разбирательство в арбитражном суде идет по форме административного судопроизводства.

Вопросы, связанные с принятием судом решения о признании права на удовлетворение иска о понуждении заключить договор, предметом статьи не охватываются.

Иск и притязание. Теоретическая основа статьи — мысль о том, что следует различать иск и притязание. Иск представляет собой материальное правовое требование, с которым обращаются к суду (*Actio, Klage*), притязание есть требование, которое обращено к ответчику (*Anspruch*)[1]. Генрих Дернбург (1829—1907), знаток пандектов, определил притязание как фактическое преследование действительно или предположительно принадлежащего нам правомочия [6, с. 102].

Представляется неверным говорить о притязании как о праве на иск. «Право на иск, или, что одно и то же, притязание, — это охранительное право требования, обязывающее определенное лицо к совершению известного действия и обладающее способностью подлежать принудительному осуществлению юрисдикционным органом», — писал доцент Е. А. Крашенинников [11, с. 355]. Почему можно сомневаться в правильности процитированного определения? Ответчик, к которому обращено притязание, может его удовлетворить добровольно, даже после того, как суд откажет в иске к ответчику. Это говорит о том, что притязание может существовать и тогда, когда отсутствует право на предъявление иска или на его удовлетворение.

С другой стороны, притязание не является «охранительным правом требования». Охранительное право, например, право требовать возмещения убытков, существует и тогда, когда кредитор не осуществляет преследования своего права, не предъявляет к должнику своего притязания.

Отметим, что мысль о разграничении иска и притязания высказывали советские процессуалисты. Профессор Н. Б. Зейдер считал, что «вместо термина «иск», понимаемого в материально-правовом смысле, допустимо употреблять термин «требование» или «притязание», а термин «иск» оставить только в его процессуальном понимании» [9, с. 203]. Профессор К. С. Юдельсон писал «притязание остается подлежащим защите субъективным материальным правом независимо от того, было ли обращение в суд или его еще не было» [21, с. 200]. В связи с приведенными суждениями следует сказать, что заинтересованное лицо может осуществлять притязание при отсутствии у него субъективного материального права, когда имеющийся у него интерес не охраняется законом.

Предположения и правдоподобные рассуждения. Автор статьи осведомлен, что знания за пределами математики являются только предположениями, но есть предположения достоверные и есть предположения, которые достоверными трудно считать («есть предположения и предположения»). Достоверные предположения именуются правдоподобными рассуждениями. Правдоподобными, т. е. надежными и достоверными, именуют рассуждения, подтверждаемые практикой [13, с. 15]. Отсюда следует, что предположения, излагаемые в статье, должны опираться на практику.

Эмпирической базой выдвинутого предположения (тезиса) выступают судебные акты по преддоговорным искам на розничных рынках электроэнергии.

Понятие о понуждении заключить договор есть предмет познания объекта, таковым объектом для настоящего исследования является розничный рынок электроэнергии.

Определение розничного рынка содержится в п. 9 ст. 3 Федерального закона от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[2].

[1] В современном учебнике немецкого гражданского права сказано, что термин «правопритязание» восходит к сочинению проф. Бернхарда Виндшайда (1817—1992) «Die Actio des Römischen Civilrechts vom Standpunkte des heutigen Rechts» [19, с. 44; 24], что означает «Иск в римском гражданском праве с точки зрения современного права». Профессор Генрих Дернбург, впрочем, заметил, что современное право вряд ли выигрывает в связи с трактовкой притязания, принадлежащей Б. Виндшайду, и рекомендовал для изучения вопроса работу проф. Конрада Хельвига (1856-1913) «Anspruch und Klagerecht» («Притязание и право на иск») [24].

[2] Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ (ред. от 26. 06. 2026) // Собр. законодательства РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

Розничный рынок, согласно названному закону, есть сфера обращения электрической энергии вне оптового рынка с участием потребителей электроэнергии. Понятие розничного рынка, таким образом, дополняет понятие оптового рынка, где обращаются особые товары: электроэнергия и мощность; участники оптового рынка — субъекты, обладающие специальным статусом[3]. На оптовом рынке формируются объемы электроэнергии и мощности, на розничном — электроэнергия распределяются среди потребителей. Утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2012 г. № 442 Основные положения функционирования розничных электрической энергии — основной источник правового регулирования отношений с участием потребителей на розничном рынках[4].

Элементами системы розничного рынка являются его субъекты, существующие между субъектами технологические и правовые связи и взаимозависимости, опосредуемые обязательствами и договорами. Поиск названных связей и взаимозависимостей осуществляется посредством обращения к понятию преддоговорного иска и его видам: иску о понуждении заключить договор, иску об урегулировании разногласий на розничном рынке электроэнергии.

Иск о понуждении, или об обязании заключить договор. В п. 4 ст. 445 Гражданского кодекса Российской Федерации[5] говорится о требовании о понуждении заключить договор. К должнику по обязательству заключить договор обращаются не с требованием о понуждении заключить договор, а с требованием о заключении договора[6]. К должнику не обращаются с требованием о понуждении к заключению договора или с требованием о понуждении к исполнению денежного обязательства в натуре, поскольку должник не может понуждать себя самого. Зачастую ответчик не может добровольно удовлетворить требование истца[7], поскольку право не дает ответчику такой возможности, согласие ответчика с иском, признание иска ответчиком не является для суда определяющим и не предопределяет судебного решения. Понуждением должника к заключению договора занимается суд, совершая процессуальные действия по предъявленному иску.

В ст. 173 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации[8] сказано, что в решении суда по спору о понуждении заключить договор указываются условия, на которых стороны обязаны заключить договор. Поэтому иск о понуждении заключить договор могут именовать и именуют иском об обязании заключить договор.

Так, например, электросетевая организация обратилась в арбитражный суд с иском о понуждении смежной сетевой компании к заключению договора технологическо-

---

[3] Порядок получения статуса субъекта оптового рынка определен Правилами оптового рынка электрической энергии и мощности от 27 декабря 2010 г. № 1172. См.: Об утверждении Правил оптового рынка электрической энергии и мощности и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам организации функционирования оптового рынка электрической энергии и мощности: постановление Правительства РФ от 27 дек. 2010 г. № 1172 (ред. от 04. 07. 2026) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1916. Далее названные правилами именуются Правилами оптового рынка.

[4] О функционировании розничных рынков электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») : постановление Правительства РФ от 4 апр. 2012 г. № 442 (ред. от 04. 07. 2026) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10. 06. 2026) // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. Далее — ГК РФ.

[6] Трудно согласиться с позицией, согласно которой «Иском следует называть предъявленное в суд или иной юрисдикционный орган для рассмотрения и разрешения в определенном процессуальном порядке материально-правовое требование одного лица к другому...» [7, с. 423; 8, с. 17; 3, с. 342]. Ответчик не может удовлетворить добровольно иск об установлении отцовства, а его согласие с иском, добровольное признание ответчиком иска об установлении отцовства не является для суда определяющим. Иск об установлении отцовства — требование, обращенное к суду, а не к ответчику, в противном случае суд был бы обязан принять признание иска ответчиком. См. об этом: О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 (ред. от 26. 12. 2017) пункт 28 // Российская газета. 2017. 24 мая.

[7] Таковым требованием, например, является иск о расторжении брака при наличии общих несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 21 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23. 03. 2026) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16).

[8] Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012. Далее — АПК РФ.

го присоединения к электрическим сетям. В ходе рассмотрения дела, истец уточнил исковое требование и просил обязать ответчика в течение десяти рабочих дней после вступления решения суда в законную силу подписать разработанный истцом проект договора и направить его истцу. Постановлением арбитражного апелляционного суда иск был удовлетворен [9]. Смежная электросетевая компания была присуждена к обязанности в течение десяти дней со дня вступления постановления в законную силу подписать и направить электросетевой организации договор об осуществлении технологического присоединения. Арбитражный суд округа согласился с решением суда апелляционной инстанции[10].

Такова традиция. В первых трудах о преддоговорных спорах иск о понуждении заключить договор именовали иском об обязании заключить договор. «Основными видами преддоговорных споров являются: а) споры о понуждении заключить договор и б) споры о содержании договора (по протоколам разногласий)», — писал Г. С. Амерханов [2, с. 27]. И, далее, «каковы материально-правовые последствия решения арбитража об обязании заключить договор? Практикой арбитража установлено следующее, если сторона, уклоняющаяся от заключения договора, не выполнит решения арбитража, обязывающего заключить договор, и не подпишет его, то договор, несмотря на неподписание его одной из сторон, считается заключенным и каждая сторона вправе предъявлять к другой стороне претензии и иски, вытекающие из неисполнения или ненадлежащего исполнения договора» [2, с. 34].

Ремарка: источники права. Термин «источник права», как указывал профессор Г. Ф. Шершеневич, может быть использован для обозначения материалов, положенных в основу того или иного законодательства [20, с. 321]. Материалом для ст. 173 АПК РФ послужила арбитражная практика Советского государства. В п. 16 Инструктивного письма Госарбитража при Совете Министров СССР от 31 октября 1975 г. № И-1-26 изложено следующее предписание: «В решении о понуждении заключить договор должно быть указано, что он заключается на условиях проекта договора, представленного истцом, срок его подписания, а также что при уклонении другой стороны от подписания договора в установленный арбитражем срок договор считается заключенным» [11]. Профессор П. Г. Виноградов писал: «Мы можем говорить о трактате Брактона [12] или о годичных книгах (*Year Books*) [13] как об источниках английского средневекового права, в том смысле, что из них мы черпаем значительную часть наших познаний относительно английского средневекового права. В этом же смысле и историки говорят об источниках, касающихся царствования Елисаветы; под ними они подразумевают различные повествования и документы того времени» [4, с. 73]. Практика государственного арбитража, таким образом, не только источник законодательной конструкции о решении арбитражного суда по иску о понуждении заключить договор, но и источник знаний о данной конструкции.

Ремарка: реликвиальные обычаи. Отметим, что отечественное учение об источниках права пребывает в развитии. Ю. А. Тарасенко высказана мысль о существовании в российской правовой системе реликвиальных правовых обычаев, представляющих собой наследие советского правового порядка [18, с. 425 — 426] . К числу таковых, Ю. А. Тарасенко относит, например, инструкции о приемке продукции по количеству и качеству, утвержденные Госарбитражем РСФСР[14]. Он отмечает, что о данных инструкциях есть разъяснение Пленума Высшего Арбитраж-

[9] См.: Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 11 сент. 2025 г. № 04АП-1598/2025 по делу № А19-16046/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] См.: Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 дек. 2025 г. № Ф02-3848/2025 по делу № А19-16046/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

[11] О работе органов арбитража по разрешению споров, возникающих при заключении, изменении и расторжении договоров на поставку продукции и товаров: инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 31 октября 1975 г. № И-1-26 [21, с. 583-605]. См. также [12, с. 127]. Далее — Инструктивное письмо от 31 октября 1975 г. № И-1-26.

[12] Речь идет о сочинении Генри де Брактона (1210-1267) «О законах и обычаях Англии» (около 1256 г.). Критическое академическое издание текста [см.: 26].

[13] Ежегодные сборники английских судебных прецедентов (1268 — 1535).

[14] Речь идет об Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству, утвержденной Постановлением Госарбитража СССР от 15 июня 1965 г. № П-6, а также об Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по качеству, утвержденной Постановлением Госарбитража СССР от 25 апреля 1966 г. № П-7. (СПС «КонсультантПлюс»).

ного Суда РФ от 22 октября 1997 г. № 18[15]. Согласно разъяснению, арбитражные суды могут применять названные инструкции, если стороны условились о том в договоре. Но если стороны условились в договоре о применении утративших силу инструкций, не означает ли это, что порядок, предусмотренный инструкциями, определен условиями договора, а не правовым обычаем? Представляется, что о правовом обычае может идти речь только тогда, когда он применяется судами, если стороны умолчали о нем в договоре, либо когда договор между сторонами не заключался. Стороны могут исключить действие обычая, но если они предусмотрели его действие в договоре, то перед нами договор, а не обычай.

Суд может руководствоваться обычаем, даже если сторонам он неизвестен, а суд знает о его существовании. В этом случае, не условие договора перед нами, а обычное правило. Предписание п. 16 Инструктивного письма от 31 октября 1975 г. № И-1-26 никогда рассматривалась в судах качестве обязательного к применению нормативного правового предписания, однако данным правилом руководствовались арбитражные суды, если оно было им знакомо.

Решение суда. Статья 173 АПК РФ не предписывает указывать в резолютивной части решения по иску о понуждении заключить договор, что договор заключается на условиях проекта, представленного истцом, но арбитражные суды могут подчеркивать это обстоятельство в своих резолюциях Так, например, гарантирующий поставщик электрической энергии предъявил в арбитражный суд иск о понуждении электросетевой организации к заключению договора оказания услуг по передаче электроэнергии, обязании предоставить подписанный договор. По делу было установлено, что гарантирующий поставщик обратился к ответчику с письмом, в котором изложил просьбу о заключении договора. К письму истец приложил проект договора с необходимыми документами. Электросетевая организация от заключения договора уклонилась. Арбитражный суд обязал ответчика в течение десяти дней со дня вступления решения суда в законную силу заключить с гарантирующим поставщиком договор оказания услуг по передаче электроэнергии в редакции и на условиях проекта договора, приложенного к письму, в котором гарантирующий поставщик просил заключить с ним договор[16]. Вышестоящие инстанции оставили решение без изменений, а жалобы без удовлетворения[17]. Представляется, что такое решение, с точки зрения техники его изложения, правильным не является.

Правильным решением по иску о понуждении заключить договор следует считать решение, в резолютивной части которого изложена принятая судом редакция договора. Садоводческое товарищество обратилось в арбитражный суд с иском об обязании электросетевой организации заключить договор об осуществлении технологического присоединения к электрическим сетям. Суд иск удовлетворил. Апелляционная инстанция в постановлении по данному делу подчеркнула, что в соответствии с п. 42 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 49[18] в резолютивной части решения следует указывать условия договора, который считается заключенным с момента вступления решения суда в законную силу. Данное предписание суд первой инстанции не выполнил. *Поэтому суд апелляционной инстанции в ходе судебного разбирательства предложил сторонам предоставить проект договора, который будет подписан сторонами по итогам судебного разбирательства.* При обсуждении проекта договора между сторонами возникли разногласия, которые были урегулированы судом. Арбитражный апелляционный суд своим постановление изменил судебное решение, принял его в новой редакции. В резолютивной части постановления суд изложил все условия договора между садоводческим товариществом и электросетевой организацией, который

[15] О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 окт. 1997 г. № 18 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1998. № 3 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] См.: Решение Арбитражного суда Республики Дагестан от 21 дек. 2023 г. по делу № А15-7565/2022 // Мой арбитр. Банк решений арбитражных судов (дата обращения 15. 03. 2026).

[17] См.: Определение Верховного Суда РФ от 7 апр. 2025 г. № 308-ЭС25-2406 по делу А15-7565/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[18] О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49 // Российская газета. 2019. 11 янв.

действует со дня его вступления в законную силу, т. е. со дня его принятия[19].

Словесная формула ст. 173 АПК РФ, согласно которой стороны обязаны заключить договор на условиях, указанных в решении суда, есть специальное технико-юридическое выражение, для понимания которого следует обратить внимание на литературу по преддоговорным спорам и советскую арбитражную практику[20].

Формула ст. 173 АПК РФ не означает, что стороны, истец или ответчик, приобретают право на принудительное исполнение решения по спору о понуждении к заключению договора.

Решение подтверждает, что после объявления решения стороны могут продолжить обсуждение вопроса об условиях спорного договора между ними. Если достигнуто согласие по содержанию отдельных пунктов договора и редакция согласованных пунктов будет отличаться от редакции, утвержденной решением суда, это не говорит, что стороны «отменили» решение или «изменили» его. В законную силу вступит редакция, утвержденная судом. Решение по спору о понуждении заключить договор подтверждает, что стороны могут самостоятельно распоряжаться субъективным правом на изменение условий договора по взаимному согласию, в соответствии с правилом п. 1 ст. 450 ГК РФ.

Если стороны не придут к согласию и не подпишут текст договора, отражающий его условия, может быть, в редакции, согласованной сторонами, то договор будет считаться заключенном на условиях, указанных в решении суда.

Решение, о котором сказано в ст. 173 АПК РФ, относится к числу преобразовательных решений, которые иначе именуются конститутивными решениями. Это решения, создающие новые правовые состояния, новые правоотношения или прекращающие правоотношения прежние. Положительное решение по иску о понуждении заключить договор пре-кращает ранее существовавшее обязательство заключить договор и создает новое правоотношение по договору.

Для сравнения, в работе, посвященной законной силе судебных решений, профессор Конрад Хельвиг писал: «Непосредственное содержание конститутивного решения — если говорить на примере, не вызывающем сомнений, — это заявление о том, что суд расторгает брак». И, далее, «в этом заключается проявление государственной властной силы, своего рода принудительное исполнение, отрицать которое нельзя только потому, что речь идет не о процессуальном законодательстве, а о регулировании тех материальных правоотношений, в отношении которых судебному решению придается правоустанавливающее значение, сила *jus facere*» [23, s. 2—3]. Следовательно, содержание конститутивного решения по иску о понуждении к заключению договора — это заявление (декларация) суда о том, что договор заключен и заключен на условиях, которые определены судом. В декларации государство изъявляет свою волю, с которой должна считаться сторона договора, ранее отрицавшая наличие у нее обязанности заключить договор вообще или на определенных условиях[21]. Однако тем же самым решением суд говорит о том, что стороны могут свободно прийти к соглашению по условиям договора и после того, как решение объявлено, или после его вступления в законную силу. Таким образом, трудно говорить, что государство решением суда навязывает свою волю сторонам спорного договора, коль стороны могут изменить его условия своим соглашением, которое учитывает законную силу решения суда.

Контраверза. В литературе было высказано мнение о том, что решение по иску о понуждении заключить договор подлежало принудительному исполнению в порядке исполнительного производства вплоть до вступления в силу Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ[22]. Названным законом п. 4 ст. 445 ГК РФ был дополнен новеллой «договор счи-

---

[19] Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18 сент. 2024 г. по делу № А33-2986/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[20] Данное предложение появляется в результате восприятия следующих слов из учебника Генриха Дернбурга: «Прежде всего важно понимание технических юридических выражений, употребляемых законодателем. В таких выражениях, как, например, завещание, мировая сделка, алименты, заключается в сжатой форме богатое идейное содержание. Преимущественное внимание следует обращать на особенности словоупотребления закона. Материалом могут также служить раньше, позже или одновременно изданные законы и юридическая литература времени возникновения закона» [6, с. 88].

[21] Чуть иначе излагая слова из монографии Конрада Хельвига, можно сказать, что стороны, истец и ответчик, обязаны признавать правообразующее действие решения суда («Die rechtsgestaltende Wirkung des Urteils anerkennen muss») [23, s. 4].

[22] О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2015. № 10. Ст. 1412.

тается заключенным на условиях, указанных в решении суда, с момента вступления в законную силу соответствующего решения суда».

Сравнивая решение по иску о понуждении заключить договор и решение по иску об урегулировании разногласий по условиям договора, о которых говорится в ст. 173 АПК РФ, юристы писали: «Получалось, что в первом случае, необходимо было посредством исполнительного производства добиваться исполнения решения, что могло быть не всегда эффективным. Обязанное лицо (должника в исполнительном производстве) санкция за неисполнение судебного решения могла устрашать меньше, чем вступление в силу договора, который он принужден заключить» [10, с. 1031]. Обращение к советской арбитражной практике и литературе по преддоговорным спорам показывает, что специальная технико-юридическая формула, изложенная в ст. 173 АПК РФ, не дает оснований утверждать о том, что иск о понуждении заключить договор является иском о присуждении, целью которого является получение защиты в форме принудительного исполнения.

Кредиторские обязанности и свобода договора. Косвенно этот тезис подтверждается следующими соображениями: во-первых, о решениях по искам о присуждении сказано в ст. 171 АПК РФ и ст. 174 АПК РФ, но не в ст. 173 АПК РФ. Во-вторых, формула ст. 173 АПК РФ обязывает заключить договор стороны, но в соответствии с данной формулой ни одна из сторон не выступает в качестве кредитора по отношению к другой стороне. Было бы наивным полагать, что суд выдает каждой стороне исполнительный лист для принуждения другой стороны к заключению договора на определенных судом условиях. Обязанность заключить договор, установленная судебным решением в соответствии со ст. 173 АПК РФ, подобна кредиторской обязанности, к исполнению которой кредитор не может быть принужден. Суть кредиторской обязанности профессор М. М. Агарков определил следующим образом: «Кредитор обязан совершить со своей стороны все действия, без которых должник не может исполнить обязательство. Если обязательство заключается в передаче вещей, кредитор обязан принять вещи, предложенные должником в соответствии с обязательством» [1, с. 96—97]. Данная формула предложена М. М. Агарковым для обязательства по передаче вещей. Если же исполнение обязательства заключается в заключении договора по предложению управомоченной стороны, то должник по данному обязательству не имеет иска к своему кредитору о заключении договора. Исключение составляют случаи, в которых должник по обязательству заключить договор выступает в качестве кредитора по тому же обязательству, как это имеет место между смежными сетевыми организациями[23].

Подобие не означает тождества. Формула ст. 173 АПК РФ, обязывающей стороны заключить договор, не есть формула кредиторской обязанности. Это формула обязанности должников в отношении друг друга, тех должников, которые не выступают в качестве кредиторов по обязательству между собой. Ни один должник не вправе принуждать другого к заключению договора. Если стороны не придут к соглашению, то действует редакция, установленная решением суда. Таким образом, ст. 173 АПК РФ и п. 4 ст. 445 ГК РФ связаны с принципом свободы договора, подобно тому, как с данным принципом связаны диспозитивные нормы гражданского права. Решение суда, вступившее в законную силу, принято на случай, если стороны не примут иного решения о заключении договора в иной редакции[24].

Теория. Если аргументы, изложенные выше, кажутся слишком громоздкими, то остается обратиться к теории. Право требовать заключения договора есть право на изменение существующего обязательства заключить договор. Цель обязательства заключить договор есть цель юридическая. В результате заключения договора происходят изменение только в правовой реальности. Поэтому если обязанная сторона отказывается от заключения договора, достаточно принять судебное

[23] В п. 6 Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям (утв. постановлением Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 861) сказано: «Заключение договора является обязательным для сетевой организации». Следовательно, если с просьбой о заключении договора обращается сетевая организация к смежной сетевой организации, то заключение договора является обязательным для смежной сетевой организации. Каждая сетевая организация выступает в данном правоотношении в качестве должника и, одновременно, кредитора по отношению к другой смежной сетевой организации. См.: Постановление Правительства РФ от 27 дек. 2004 г. № 861 (ред. от 01.07.2026) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 52 (часть 2). Ст. 5525.

[24] Тезис сформулирован автором статьи в результате переработки слов Б. М. Рубинштейна: «Постановления закона, установленные только на случай, если стороны сами не решили иначе, называются диспозитивными нормами; эти нормы неразрывно связаны с принципом свободы договоров» [15, с. 138].

решение, заменяющее собой волеизъявление обязанной стороны, при этом на суд возлагается обязанность гарантировать интересы должника, отказывающегося от заключения договора или не согласного с условиями договора, который предлагается к заключению[25].

Принудительное исполнение преобразовательных решений. Следует также вспомнить о том, что положительное решение суда по иску о понуждении заключить договор есть решение преобразовательное. В науке гражданского процесса существует позиция, согласно которой возможно принудительное исполнение судебных решений по искам о признании или о преобразовании. Правильность данной позиции может быть подтверждена практикой. «Мы сталкиваемся со случаями, когда исполнительные листы выдаются и по решениям, не связанным с исками о присуждении (о восстановлении в ЖСК, о разделе земельных участков, о разделе лицевых счетов и др.), что свидетельствует о существовании практической потребности в мерах принудительного исполнения по таким делам», — писала профессор А. К. Сергун [17, с. 252]. Соглашаясь с изложенной позицией, отметим, что не существует практической потребности в принудительном исполнении положительного решения по иску о понуждении к заключению договора. Потребности не существует, поскольку такое решение относится к сфере правовой, а не фактической реальности[26], в отличие, например, от решения суда о разделе совместно нажитого имущества или решения о расторжении договора найма жилого помещения.

Иски и решения суда. Автор настоящей статьи, таким образом, привел убедительные доказательства, подтверждающие тезис о том, что иск о понуждении заключить договор, а также иск об обязании заключить договор, есть один и тот же иск.

Почему же используются для обозначения одного и того же иска два разных термина? Первое наименование делает акцент на процессуальных последствиях возбуждения производства по делу: суд понуждает к заключению договора или к признанию права истца заключить договор, например, обязывает ответчика предоставить суду возражения против условий договора, предлагаемых истцом, либо предлагает ответчику предоставить суду свой проект договора [27]. Второе наименование предлагает обратить внимание на материальные последствия вступления в законную силу решения суда по соответствующему иску: суд возлагает на стороны обязанность заключить договор, но это не обязанность в подлинном смысле этого термина.

Своим решением суд не приказывает сторонам, а предлагает оформить обязательственное отношение договором; стороны должны учесть, что если они договор не подпишут, то будет действовать договор в редакции, утвержденной судом. Решение суда не вступает в законную силу вплоть до истечения срока апелляционного обжалования / до рассмотрения жалобы судом апелляционной инстанции. При этом не вступившее в законную силу решение суда следует считать законным, пока презумпция законности не будет опровергнута в суде апелляционной инстанции[28].

Суррогаты договора и квазидоговор. Существует ли различие между договором, который считается заключенным со дня вступления в законную силу решения суда, и договором, который стороны заключили по предложению суда, изложенному в решении? Первый договором не является, а считается

---

[25] Парафраз разъяснений проф. А. К. Сергун: «В материальном гражданском праве права на одностороннее волеизъявление почти всегда являются правами на изменение или прекращение существующих правоотношений. Эффект и цель их реализации чисто юридические, а именно — изменение в правовой сфере. Поэтому они не требуют для своего осуществления действий других лиц ... Механизм реализации секундарного права не меняется: никакого поведения, никаких действий другой стороны материального правоотношения для того, чтобы оно считалось измененным или прекращенным, не требуется» [16, с. 212—213].

[26] Примечание: фактическая реальность — реальность, которая может существовать без своей правовой формы. Если законный представитель несовершеннолетнего возвращает гражданину-продавцу товар, купленный несовершеннолетним, то все субъекты существующего отношения живут в фактической, а не в правовой реальности, не принимая во внимание недействительность сделки, дееспособность несовершеннолетнего, а также право потребителя на возврат товара. Одновременно, надо учитывать, что продавец, принимающий товар обратно, скорее всего, осведомлен о том, что такое решение есть наилучший выход в данной правовой ситуации.

[27] См., например, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 18 сент. 2024 г. по делу № А33-2986/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[28] Здесь уместно привести следующее разъяснение проф. В. В. Ровного: «Всякая презумпция — лишь предположение, основанный на ней вывод, будучи условным и «неустойчивым» может соответствовать или противоречить действительности. Заинтересованные лица могут опровергать презумпции» [14, с. 105].

таковым[29]. Это не договор, а *суррогат* договора, который невозможно признать недействительным, в том числе и на будущее время (п. 3 ст. 167 ГК РФ).

Второй действует, если даже в установленном порядке будет отменено решение суда, в соответствии с которым стороны заключили договор.

Назначение технического приема, согласно которому договор считается заключенным, заключается в том, что *квазидоговорное* обязательство, правовая форма которого определена судебным решением, регламентируется теми же нормами права, что и договорное обязательство, порождаемое соглашением между сторонами[30].

Термин «суррогат договора» не следует сопровождать отрицательными коннотациями. Профессор М. А. Гурвич писал: «Было бы неправильно рассматривать решение о замещении волеизъявления как некий юридический суррогат: оно обладает самостоятельным значением и не является «заменителем» (наподобие «кожзаменителя» с его особым, как правило, пониженным качеством); напротив, по своим последствиям оно обладает повышенной силой (неоспоримостью, неизменяемостью)» [5, с. 307]. Соглашаясь с профессором, отметим, что термин «суррогат» используется за неимением другого термина, который бы позволил подчеркнуть, что решение суда, обязывающее стороны заключить договор, заменяет собой договор, не будучи таковым.

Предварительный итог. Положительное решение суда по иску о понуждении заключить договор, таким образом, может не исчерпывать взаимных притязаний сторон о содержании договора, которые могут быть ими урегулированы посредством его подписания в новой редакции, согласованной сторонами.

Требование о понуждении к исполнению предписания заключить договор. Тезис о том, что иск об обязании заключить договор, а также иск о понуждении к заключению договора, есть один и тот же иск, может быть поставлен под сомнение. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 марта 2021 г. № 2 в п. 57 и п. 58 упоминает об исках, предъявляемых антимонопольным органом. Это иск об обязательном заключении договора, иск об обязании заключить договор[31]. В п. 61 названного постановления Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъясняет, что в связи с нарушением антимонопольного законодательства, лица, чьи права были нарушены, могут самостоятельно обращаться в суд с исками о восстановлении нарушенных прав, в том числе с исками о понуждении к заключению договора. Отсюда следует, что под иском об обязании заключить договор надо понимать преддоговорный иск, предъявляемый антимонопольным органом в защиту интересов субъекта розничного рынка (ч. 2 ст. 53 АПК РФ). Кроме того, постановление говорит об иске (заявлении) о понуждении лица к исполнению предписания антимонопольного органа о заключении договора (п. 59). Этот иск (требование, заявление) арбитражный суд рассматривает и разрешает в порядке административного судопроизводства (глава 22 АПК РФ).

Следует отметить, что упоминание в постановлении пленума конструкция требования о понуждении соответствующего лица к исполнению предписания о заключении договора есть отражение п. 7 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства от 30 марта 1998 г. № 32[32]. В обзоре было ска-

---

[29] Законодатель может прибегать к юридическим фикциям (признавать несуществующее за существующее), на фикции указывают специфические слова и сочетания слов, например, считаются [см., например, 14, с. 34]. Для сравнения, в обыденной речи: «Иван считается Майклу другом», что означает: Иван вовсе не друг, однако будем исходить из того, что они друзья ...

[30] Для сравнения, согласно ст. 6 Федерального закона от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ, юридические лица считаются авторами произведений для цели применения части четвертой ГК РФ, однако не являются таковыми. См.: О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 231-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5497; О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 п. 30 // Российская газета. 2019. 6 мая.

[31] В ст. 23 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ сказано, что антимонопольный орган имеет полномочия: возбуждать и рассматривать дела о заключении договоров; обращаться в арбитражный суд с исками об обязательном заключении договора; о понуждении к исполнению решений и предписаний антимонопольного органа. См.: О защите конкуренции от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 08. 03. 2026) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.

[32] Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 марта 1998 г. № 32 // СПС «КонсультантПлюс».

зано о то, что антимонопольный орган обязал основное и дочернее общество принять меры к заключению договора о передаче электроэнергии по сетям дочернего общества. Основное общество оспаривало предписание антимонопольного органа, указывая на то, что не осуществляет передачи электроэнергии, не обладает электрическими сетями, которые необходимы для передачи электроэнергии. Арбитражный суд оставил требование основного общества без удовлетворения, поскольку основное и дочернее общества входят в группу лиц, доминирующих на рынке электроэнергии. Дочернее общество является компанией одного лица («*one man company*», «*single-member corporation*»), принадлежащей основному обществу. Условия хозяйствования дочерней организации, в том числе политику в сфере договорной работы, определяет основное общество[33]. Поэтому антимонопольный орган предписал материнской компании обеспечить надлежащее поведение дочернего общества.

Управляющие и управляемые организации. В цитируемом обзоре сказано, что с требованием об оспаривании предписания антимонопольного органа обратилось не дочернее общество, обладающее электрическими сетями, а материнская компания, которой принадлежала сетевая организация. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 марта 2021 г. № 2 описывает обратную ситуацию, в которой требование о понуждении к исполнению предписания заключить договор предъявляет антимонопольный орган к материнской организации и подконтрольному ей дочернему обществу. Вне всякого сомнения, при разработке проекта постановления пленума, учитывалась практика рассмотрения и разрешения исков о понуждении к заключению договора, предъявляемых материнскими и дочерними компаниями к организациям электрических сетей. Так, например, управляющая компания энергосбытовой организации предъявила иск к предприятию электрических сетей о понуждении к заключению договора на условиях, указанных в оферте. Арбитражный суд привлек энергосбытовую организацию к участию в деле в качестве соистца. В иске было отказано, поскольку управляющая компания не является энергосбытовой организацией — гарантирующим поставщиком, обладающим правомочием требовать заключения договора о передаче электроэнергии по электрическим сетям, а проект договора, направленный предприятию электрических сетей, содержит множество положений, не соответствующих действующему законодательству. Оферта была направлена не гарантирующим поставщиком (энергосбытовой организацией), а управляющей компанией. Суд кассационной инстанции отметил, что управляющая компания и энергосбытовая организация являются «профессиональными участниками в сфере электроэнергетики», поэтому они обязаны действовать в соответствии с правилами, согласно которым проекты договоров составляются и направляются лицам, обязанным заключать договоры на передачу электроэнергии[34].

Сказанное означает, что субъектами рынка электроэнергии выступают не только энергосбытовые компании и электросетевые организации, но и хозяйственные общества (товарищества) выполняющие функции единоличных исполнительных органов названных компаний и организаций[35]. Таковые общества обладают преобладающим участием в уставном капитале энергосбытовых компаний и электросетевых организаций, т. е. являются материнскими обществами либо контролируются ими. В отношениях между управляющими и управляемыми организациями последние не выступают в качестве самостоятельных субъектов права, поскольку воля управляемых организаций определяется управляющими. Правосубъектность управляемых организаций проявляется в отношениях с собственными работниками, контрагента-

[33] В п. 2 ст. 6 Федерального закона от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ сказано, что основное хозяйственное общество (товарищество) имеет возможность определять решения, принимаемые дочерним обществом. Такая возможность определяется либо договором, либо в силу преобладающего участия основного общества в капитале общества дочернего, либо иными основаниями. См.: Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 04. 08. 2026) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1. Далее — Закон об акционерных обществах, Акционерный закон.

[34] См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20 февр. 2018 г. по делу № А56-38459/2016 // СПС «КонсультантПлюс». См. также постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 27 июля 2017 г. по делу № А56-59871/2016 // Консультант Плюс: информационная правовая система.

[35] В п. 1 ст. 69 Закона об акционерных обществах установлено, что функции единоличного исполнительного органа общества могут быть переданы по договору другой коммерческой (управляющей) организации или индивидуальному предпринимателю (управляющему).

ми, но не по отношению к управляющим организациям. Управляемые организации в отношениях с организациями управляющими есть структурные подразделения, а не юридические лица. Поэтому управляемая организация может не заключать договор вопреки собственным экономическим интересам, поскольку у нее отсутствуют собственные интересы с точки зрения управляющей организации. Такая организация есть инструмент для достижения интересов управляющей организации. Отсюда следует, что правильной является правовая позиция, согласно которой антимонопольный орган может предъявить предписание о заключении договора одновременно не только к дочернему обществу, но и к той организации, которая данным обществом управляет.

Вывод. Предписание антимонопольного органа о заключении договора может быть оспорено в арбитражном суде организациями, которым предписание адресовано. В таком случае, антимонопольный орган защищаться посредством предъявления встречного заявления о понуждении к исполнению предписания о заключении договора. В случае удовлетворения заявления антимонопольного органа договор будет считаться заключенным со дня вступления в законную силу решения арбитражного суда. Поэтому предписание антимонопольного органа должно содержать условия, на которых следует заключить договор.

С другой стороны, антимонопольный орган может предъявить в арбитражный суд требование не только к стороне, обязанной заключить договор, но и к лицу, которое управляет обязанной стороной. В таком случае, дело по соответствующему заявлению следует рассматривать в самостоятельном производстве.

После завершения судебного разбирательства и оглашения судом решения, лицо, имеющее право на заключение договора, а также лицо, обязанное заключить договор, могут продолжить переговоры и достичь соглашения об условиях договора между собой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2 : Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. — Москва : Статут, 2012. — С. 7—243. (Серия: Классика российской цивилистики).

2. Амерханов Г. С. Понятие преддоговорного спора и основные виды преддоговорных споров в практике арбитража // Вопросы гражданского права / под ред. проф. И. Б. Новицкого. — Москва: Изд. Московского университета, 1957. — С. 3—55.

3. Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. — 7 изд., перераб. — Москва : Городец, 2020. — С. 340—372. (Автор главы — Бочарова Н. С.).

4. Виноградов П. Г. Очерки по теории права / П. Г. Виноградов, акад. Императорской Академии наук, профессор Оксфордского университета. — Москва : Склад издательства товарищества скоропечатни А. А. Левенсон, 1915. — 153 с.

5. Гурвич М. А. Учение об иске (состав, виды) : учебное пособие // Гурвич М. А. Избранные труды. Т. 1. — Краснодар : Советская Кубань, 2006. — С. 265—316. (Серия: Классика российской процессуальной науки).

6. Дернбург Г. Пандекты. Т. 1: Общая часть / пер. Г. фон Рехенберга ; под руководством и ред. П. Соколовскаго, проф. Моск. ун-та. — Санкт-Петербург, 1906. — XVI. — 465 с.

7. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права // Добровольский А. А. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. Краснодар : [Б. и.]. — С. 405—596. (Серия: Классика российской процессуальной науки).

8. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1979. — 159 с.

9. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права (Основные вопросы учения об иске) // Добровольский А. А. Избранные труды : в 2 т. Т. 1. — Краснодар : [Б. и.]. — С. 191—404.

10. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307—453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва : М-Логос, 2017. — (Серия комментариев к гражданскому законодательству # Глосса). — С. 1028—1034. — (Авторы главы — Карапетов А. Г., Церковников М. А.).

11. Крашенинников Е. А. Понятие и предмет исковой давности // Крашенинников Е. А. Гражданское право и процесс. Избранные труды / отв. ред. Ю. В. Байгушева. — Москва : Юрайт, 2020. — С. 355—398. (Серия: Антология мысли).

12. Либерман Ф. Х. Разрешение преддоговорных споров // Советское государство и право. — 1972. — № 10. — С. 127—129.

13. Пойа Дж. Математика и правдоподобные рассуждения / пер. с англ. И. А. Вайнштейна ; под ред. С. А. Яновской. — 2 изд., испр. — Москва : Наука, 1975. — 463 с.

14. Ровный В. В. Прием приравнивания в частном праве (понятие и особенности реализации) : монография. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. — 133 с.

15. Рубинштейн Б. М. Советское хозяйственное и гражданское право : учебник для юридических школ и пособие для вузов. — 2 изд., перераб. и доп. — Москва : Советское законодательство, 1936. — 302 с.

16. Сергун А. К. Принудительное исполнение судебных решений в общем процессе реализации норм права // Сергун А. К. Избранные работы профессора А. К. Сергун / сост. Д. А. Туманов, Д. Ю. Ионова, А. В. Чайкина. — Москва : Городец, 2026. — С. 145—235. (Серия: Библиотека профессора М. К. Треушникова).

17. Сергун А. К. Проблемы исполнительного производства в советском гражданском процессе // Сергун А. К. Избранные работы профессора А. К. Сергун / сост. Д. А. Туманов, Д. Ю. Ионова, А. В. Чайкина. — Москва : Городец, 2026. — С. 236—270. (Серия: Библиотека профессора М. К. Треушникова).

18. Тарасенко Ю. А. К вопросу о введении в научный оборот реликвиальных и нормативно-правовых обычаев // Байкальские компаративистские чтения : материалы Международной науч.-практ. конференции, Иркутск, 26—27 марта 2026 г. / отв. ред. И. А. Минникес. — Иркутск : Изд. дом БГУ, 2026. — С. 422—428.

19. Шапп Ян. Система германского гражданского права : учебник / пер. с нем. С. В. Королева. — Москва : Международные отношения, 2006. — 360 с.

20. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права // Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. / вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. — Москва : Статут, 2016. — Т. 4. — С. 8—696.

21. Юдельсон К. С. Советский гражданский процесс : учебник. — Москва : Государственное издательство юридической литературы, 1956. — 439 с.

22. Яковлев В. Ф., Семигин Г. Ю. Экономическое (коммерческое) правосудие в России : в 4 т. / науч. консультант акад. Кудрявцев. — Т. 3 : Правовое разрешение хозяйственных споров в СССР / отв. ред. И. А. Исаев. — Москва : Мысль, 2005. — 830 с.

23. Hellwig K. Wesen und subjektive Begrenzung der Rechtskraft: eine prozessuale Abhandlung mit Beiträgen zum bürgerlichen Recht, insbesondere zur Lehre von der Rechtsnachfolge und der Verfügungsmacht der Nichtberechtigten / Konrad Hellwig. — Leipzig : A. Deichert, 1901. — XV, 527 s.

24. Hellwig K. Anspruch und Klagerecht: Beiträge zum bürgerlichen und zum Prozessrecht / Konrad Hellwig. — Jena : Gustav Fischer Verlag, 1900. — 530 s. (Abhandlungen zum Privatrecht und Civilprozeß des Deutschen Reiches ; Bd. 5, H. 1).

25. Windscheid B. Die Actio des Römischen Civilrechts vom Standpunkte des heutigen Rechts / Bernhard Windscheid. — Düsseldorf : Verlag von Julius Buddeus, 1856. — 238 s.

26. Bracton H. de. De legibus et consuetudinibus Angliæ / Henry de Bracton ; ed. George E. — Woodbine, New Haven, Conn. : Yale University Press ; London : Humphrey Milford, Oxford University Press, 1915. — Vol. 1. — XVI, — 336 p. (Yale Historical Publications. Manuscripts and Edited Texts ; III). (*Примечание: Yale University Press относится к числу организаций, признанных нежелательными на территории РФ (по состоянию на 2024 г.*).

REFERENCES

1. Agarkov M. M. *Obyazatel`stvo po sovetskomu grazhdanskomu pravu* [Obligation under Soviet Civil Law]. In: Agarkov M. M. *Izbranny`e trudy` po grazhdanskomu pravu* [Selected Works on Civil Law, Vol. 2: General Doctrine of Obligations and Its Individual Types], Moscow, Statut, 2012, pp. 7—243. (*Series: Classics of Russian Civil Law*). (In Russian).

2. Amerkhanov G. S. The Concept of a Pre-Contractual Dispute and the Main Types of Pre-Contractual Disputes in Arbitration Practice. *Voprosy` grazhdanskogo prava* [Issues of Civil Law]. Moscow, Moscow University Press, 1957. pp. 3—55. (In Russian).

3. *Grazhdanskij process* [Civil Procedure: Textbook]. 7th ed., revised. Moscow, Gorodets, 2020, pp. 340—372. (*The author of the chapter is N. S. Bocharova*). (In Russian).

4. Vinogradov P. G. *Ocherki po teorii prava* [Essays on the Theory of Law]. Moscow, Publishing house warehouse of the partnership of the A. A. Levenson printing house, 1915. 153 p. (In Russian).

5. Gurvich M. A. *Uchenie ob iske (sostav, vidy`)* [The Doctrine of the Claim (Composition, Types)]. In: Gurvich M. A. Izbranny`e trudy` [Selected Works], vol. 1, Krasnodar, Sovetskaya Kuban, 2006. pp. 265—316. (*Series: Classics of Russian Procedural Science*). (In Russian).

6. Dernburg G. *Pandekty`* [Pandects], Vol. 1, *Obshhaya chast`* [General Part]. St. Petersburg, 1906. XVI, 465 p. (In Russian).

7. Dobrovolsky A. A., Ivanova S. A. *Osnovny`e problemy` iskovoj formy` zashhity` prava* [The main problems of the claim form of legal protection]. In: Dobrovolsky A. A. Izbranny`e trudy` [Selected works]. In 2 volumes, vol. 1. Krasnodar, pp. 405—596. (Series: Classics of Russian Procedural Science). (In Russian).

8. Dobrovolsky A. A., Ivanova S. A. *Osnovny`e problemy` iskovoj formy` zashhity` prava* [The main problems of the claim form of legal protection]. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1979. 159 p. (In Russian).

9. Dobrovolsky A. A. *Iskovaya forma zashhity` prava (Osnovny`e voprosy` ucheniya ob iske)* [The Claim Form of Protecting Rights (Basic Issues in the Doctrine of the Claim)]. In: Dobrovolsky A. A. *Izbranny`e trudy`* [Selected Works]. In 2 vols., vol. 1. Krasnodar, pp. 191—404. (In Russian).

10. *Dogovornoe i obyazatel`stvennoe pravo (obshhaya chast`): postatejny`j kommentarij k stat`yam 307—453 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii* [Contract and Obligations Law (General Part): Article-by-article commentary to Articles 307—453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos, 2017. (*Series of commentaries on civil legislation # Glossa*). pp. 1028—1034. (*The authors of the chapter are Karapetov A. G., Tserkovnikov M. A.*). (In Russian).

11. Krasheninnikov E. A. *Ponyatie i predmet iskovoj davnosti* [The Concept and Subject of Statute of Limitations]. In: Krasheninnikov E. A. *Grazhdanskoe pravo i process. Izbranny`e trudy`* [Civil Law and Procedure. Selected Works]. Moscow, Yurayt, 2020, pp. 355—398. (*Series: Anthology of Thought*). (In Russian).

12. Liberman F. Kh. Resolution of Pre-Contractual Disputes. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1972, no. 10, pp. 127—129. (In Russian).

13. Póiya G. *Matematika i pravdopodobny`e rassuzhdeniya* [Mathematics and Plausible Reasoning]. 2nd ed., revised. Moscow, Nauka, 1975. 463 p. (In Russian).

14. Rovny V. V. *Priem priravnivaniya v chastnom prave (ponyatie i osobennosti realizacii)* [The Technique of Equating in Private Law (Concept and Features of Implementation)]. Irkutsk, Publishing House of Irkutsk State University, 2014. 133 p. (In Russian).

15. Rubinstein B. M. *Sovetskoe xozyajstvennoe i grazhdanskoe pravo* [Soviet Economic and Civil Law]. 2nd ed., rev. and add., Moscow, Soviet Legislation, 1936. 302 p. (In Russian).

16. Sergun A. K. *Prinuditel`noe ispolnenie sudebny`x reshenij v obshhem processe realizacii norm prava* [Forced Execution of Court Decisions in the General Process of Implementing Legal Norms]. In: Sergun A. K. *Izbranny`e raboty` professora A. K. Sergun* [Selected Works of Professor A. K. Sergun]. Moscow, Gorodets, 2026. pp. 145—235. (Series: Library of Professor M. K. Treushnikov). (In Russian).

17. Sergun A. K. *Problemy` ispolnitel`nogo proizvodstva v sovetskom grazhdanskom processe* [Problems of Enforcement Proceedings in Soviet Civil Procedure]. In: Sergun A. K. *Izbranny`e raboty` professora A. K. Sergun* [Selected Works of Professor A. K. Sergun]. Moscow, Gorodets, 2026. pp. 236—270. (Series: Library of Professor M. K. Treushnikov). (In Russian).

18. Tarasenko Yu. A. On the issue of introducing relic and regulatory-legal customs into scientific circulation. *Bajkal`skie komparativistskie chteniya : materialy` Mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konferencii, Irkutsk, 26—27 marta 2026 g.* [Baikal Comparative Studies: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Irkutsk, March 26—27, 2026]. Irkutsk, Publishing House of BSU, 2026. pp. 422—428. (In Russian).

19. Schapp Jan. *Sistema germanskogo grazhdanskogo prava* [The System of German Civil Law]. Moscow, International Relations, 2006. 360 p. (In Russian).

20. Shershenevich G. F. *Obshhaya teoriya prava* [General Theory of Law]. In: Shershenevich G. F. *Izbrannoe* [Selected Works], in 6 vols., vol. 4, Moscow, Statut, 2016. pp. 8—696. (In Russian).

21. Yudelson K. S. *Sovetskij grazhdanskij process* [Soviet Civil Procedure]. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1956. 439 p. (In Russian).

22. Yakovlev V. F., Semigin G. Yu. *E`konomicheskoe (kommercheskoe) pravosudie v Rossii* [Economic (commercial) justice in Russia]. In 4 vols., vol. 1. *Legal resolution of economic disputes in the USSR.* Moscow, Mysl, 2005. 830 p. (In Russian).

23. Hellwig Konrad. Wesen und subjektive Begrenzung der Rechtskraft: eine prozessuale Abhandlung mit Beiträgen zum bürgerlichen Recht, insbesondere zur Lehre von der Rechtsnachfolge und der Verfügungsmacht der Nichtberechtigten. Leipzig, A. Deichert, 1901. XV, 527 S. (In German).

24. Hellwig Konrad. Anspruch und Klagerecht: Beiträge zum bürgerlichen und zum Prozessrecht. Jena, Gustav Fischer Verlag, 1900. 530 S. (Abhandlungen zum Privatrecht und Civilprozeß des Deutschen Reiches ; Bd. 5, H. 1). (In German).

25. Windscheid Bernhard. Die Actio des Römischen Civilrechts vom Standpunkte des heutigen Rechts. Düsseldorf, Verlag von Julius Buddeus, 1856. 238 S. (In German).

26. Bracton Henry de. De legibus et consuetudinibus Angliæ; ed. George E. Woodbine. New Haven, Conn.,: Yale University Press; London, Humphrey Milford, Oxford University Press, 1915, vol. 1. XVI, 336 p. (Yale Historical Publications. Manuscripts and Edited Texts ; III). (*Примечание: Yale University Press относится к числу организаций, признанных нежелательными на территории РФ (по состоянию на 2024 г.*).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестолий Вячеслав Геннадьевич (Иркутск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nestoliy, Vyacheslav G. (Irkutsk) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasov St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: nestoliy1@yandex.ru).

УДК 349.444

С. И. Суслова
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Байкальский государственный университет
г. Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3809-1764
ResearcherID: R-7761-2016

С. А. Киракосян
РАНХиГС при Президенте РФ, Комитет ТПП РФ
по предпринимательству в сфере ЖКХ
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1390-9515

Е. М. Сенотрусова
Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-8292-1193
ResearcherID: rid97982

ОБЪЕДИНЕНИЯ СОБСТВЕННИКОВ ЖИЛЬЯ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: ОТ ДОБРОВОЛЬНОСТИ ЧЛЕНСТВА ДО ПРОЦЕДУР НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 72—89.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.7.72-89
Дата поступления 11.06.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена актуальным вопросам нормативно-правового регулирования статуса товариществ собственников жилья в Российской Федерации. Авторами раскрываются такие проблемные аспекты как добровольность / обязательность членства собственников жилья в товариществе, неопределенность структуры органов управления товарищества собственников жилья, допустимость / недопустимость применения по отношению к данной некоммерческой организации процедур несостоятельности. Особое внимание уделено правовой неопределенности статуса председателя правления и возможности его привлечения к субсидиарной ответственности при банкротстве товарищества. Авторами использованы актуальные статистические данные и результаты проведенного среди председателей и членов правлений товариществ социологического опроса. В работе представлены результаты сравнительного анализа правового регулирования объединений собственников жилья в Республике Беларусь, Эстонии и Германии. Выявлены такие тенденции зарубежного регулирования как наделение объединений собственников правоспособностью, установление обязательности членства в них, устранение дублирования

общих собраний и закрепление требований профессионализма. Высказаны предложения по совершенствованию института товариществ собственников жилья в отечественном праве, в частности посредством установления обязательного членства собственников, закрепления за председателем статуса единоличного исполнительного органа и выработки новых правил ответственности при банкротстве объединения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Способ управления, многоквартирный дом, товарищество собственников жилья, органы управления, председатель правления.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ Суслова С. И., Киракосян С. А., Сенотрусова Е. М. Объединения собственников жилья в России и зарубежных странах: от добровольности членства до процедур несостоятельности // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 72—89. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.7.72-89

UDC 349.444

S. I. Suslova
Irkutsk Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice,
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3809-1764
ResearcherID: R-7761-2016

S. A. Kirakosyan
RANEPA under the President of the Russian Federation,
Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation on Entrepreneurship in the Housing and Utilities Sector
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1390-9515

E. M. Senotrusova
Irkutsk Law Institute (branch)
University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-8292-1193
ResearcherID: rid97982

HOUSING OWNERS' ASSOCIATIONS IN RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES: FROM VOLUNTARY MEMBERSHIP TO INSOLVENCY PROCEDURES

PUBLICATION DATA *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 72—89.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.7.72-89
Received 11.06.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT The article is devoted to current issues related to the regulatory and legal framework governing the status of homeowners' associations in the Russian Federation. The authors examine such problematic aspects as the voluntary/mandatory nature of homeowners' association membership, the uncertainty regarding the structure of the management bodies of a homeowners' association, and the

permissibility/impermissibility of applying insolvency procedures to this non-profit organization. Special attention is paid to the legal uncertainty surrounding the status of the board chairperson and the possibility of holding them liable in the event of the association's bankruptcy. The authors have used up-to-date statistical data and the results of a sociological survey conducted among the chairpersons and members of the associations' boards. The paper presents the results of a comparative analysis of the legal regulation of homeowners' associations in the Republic of Belarus, Estonia, and Germany. The following trends in foreign regulation have been identified: granting legal capacity to property owners' associations, establishing mandatory membership in them, eliminating duplication of general meetings, and enshrining professional requirements. Proposals have been made to improve the institution of property owners' associations in domestic law, in particular by establishing mandatory membership for property owners, assigning the chairman the status of the sole executive body, and developing new rules for liability in the event of the association's bankruptcy.

KEYWORDS Method of management, multi-apartment building, homeowners' association, governing bodies, board chairman.

FOR CITATION Suslova S. I., Kirakosyan S. A., Senotrusova E. M. Housing owners' associations in Russia and foreign countries: from voluntary membership to insolvency procedures. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 72—89. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.7.72-89

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена как масштабом распространения анализируемого правового явления, так и накопившимся за последние годы комплексом теоретических и правоприменительных проблем.

По данным ФНС России на 1 апреля 2026 года в Российской Федерации насчитывается 55 023 действующих организации в формах товарищества собственников жилья (далее — ТСЖ, товарищества) и товарищества собственников недвижимости (далее — ТСН) (из них 37 329 — ТСЖ и 17 694 — ТСН). При этом, согласно сведениям ГИС ЖКХ на ту же дату, в качестве реально избранного способа управления многоквартирными домами фиксируется 36 779 ТСЖ/ТСН. Разница между статистикой зарегистрированных юридических лиц и операционной картиной управления, свидетельствуют о сложностях идентификации реально функционирующих объединений собственников.

Несмотря на то, что фундаментальные проблемы института ТСЖ были обозначены еще на начальном этапе его становления [1; 6; 7; 9], в последнее время наука гражданского и жилищного права обращается к данной теме эпизодически. Однако динамика законодательства и правоприменения последнего десятилетия требует переосмысления ранее выработанных подходов.

Внимание к проблематике ТСЖ вновь актуализировалось и на уровне законодательной власти: в настоящее время создана специализированная рабочая группа, призванная выработать решения по реформированию данной сферы. При этом в экспертном сообществе сложился широкий спектр мнений — от предложений сохранить существующую модель без существенных изменений до инициатив полной структурной перестройки всей системы управления многоквартирными домами.

Прогнозируя вектор законодательных изменений, можно предположить, что они будут носить точечный характер и в целом позитивно скажутся на состоянии рассматриваемой области общественных отношений. Вместе с тем авторы настоящей статьи убеждены, что продолжение работы в данном направлении необходимо с учетом общей парадигмы изменения подходов в сфере управления жилищным фондом.

Целью данной работы является переосмысление базовых основ деятельности ТСЖ, выполненное с акцентом на системный анализ проблем, возникших в этой сфере, а также

на изучение и адаптацию позитивного опыта зарубежных стран. Настоящее исследование призвано восполнить пробелы в современной доктрине и предложить практико-ориентированные решения, учитывающие как выявленные статистические аномалии, так и реальные запросы правоприменительной практики. Акцент будет сделан на проблематику добровольности/обязательности членства в ТСЖ, структуру органов управления ТСЖ, а также банкротства данных некоммерческих организаций.

1. Правовой статус ТСЖ по российскому праву

1.1. Обязательность членства в ТСЖ (ТСН) как концептуальная основа эффективного управления

Нормы ЖК РФ о ТСЖ принимались в тех условиях, когда Конституционный Суд РФ (далее — КС РФ) уже высказал свою позицию о том, что обязательность участия в данной некоммерческой организации недопустима[1]. Однако учет указанной позиции в первоначальной редакции ЖК РФ мы видим лишь в появлении норм о том, что ТСЖ может быть создано, если в его состав вошли собственники, обладающие более 50 % голосов, а также в закреплении правила о том, что членство в ТСЖ возникает с момента подачи соответствующего заявления.

Законодатель не смог сработать на прогнозе и учесть потенциальные риски работы ТСЖ в изменившихся условиях, когда обязательность членства в ТСЖ была исключена. Формирование двух параллельных объединений собственников, наделенных полномочиями по принятию решений, отсутствие установленных «правил игры» между вступившими и не вступившими в ТСЖ собственниками, имманентно присущий данной ситуации конфликт интересов — эти и иные вопросы стали причиной существенной разбалансировки системы управления МКД с применением указанного способа управления.

Постановление КС РФ выбило из-под стройной конструкции ее концептуальную основу, поскольку изначальная идея не предполагала добровольности членства. Дальнейшая донастройка системы практически не произошла (за исключением нескольких норм, закрепивших почему-то исключительно дополнительные права, но не обязанности лиц, не вступивших в ТСЖ). Это неизбежно повлекло негативные последствия как в ежедневной практике ТСЖ, так и при разрешении конфликтных ситуаций. Безусловно, что участники отношений подстроились под изменившиеся условия, учитывают различную природу отношений, возникающих между членами и не членами ТСЖ, но подобная ситуация за двадцать лет действия ЖК РФ раскачала существующую систему таким образом, что возникает вопрос уже не столько в ее эффективности, но и целесообразности существования в указанном виде.

Сфера управления многоквартирными домами (далее — МКД) в силу ее многосубъектности и, несмотря на декларируемую основу в виде добрососедских отношений и одной общей цели — сохранение собственного имущества — изначально конфликтная и социально окрашенная[2], требует поиска баланса между применением цивилистического инструментария и исключительно императивного регулирования. В цивилистической науке аргументированно обосновано, что режим общей долевой собственности в МКД обладает столь яркими особыми чертами, что даже может рассматриваться как третий вид общей собственности, наряду с классической долевой и совместной собственностью [10]. Соответственно, частноправовой инструментарий в данной области отношений должен использоваться с учетом указанных жилищно-правовых особенностей.

Игнорирование данных особенностей неизбежно приводит к негативным последствиям, которые применительно к отмене обязательного членства в ТСЖ могут быть представлены следующим образом:

• Дублирование управленческих процедур: возникает необходимость проведения как общего собрания членов ТСЖ, так и общего собрания всех собственников помещений в МКД, что усложняет и затягивает процесс принятия решений. Это приводит к си-

[1] По делу о проверке конституционности пунктов 1, 3 и 4 статьи 32 и пунктов 2 и 3 статьи 49 Федерального закона от 15 июня 1996 года «О товариществах собственников жилья» в связи с запросом Советского районного суда города Омска» : постановление Конституционного Суда РФ от 03 апреля 1998 г. № 10-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 4.

[2] Это связано и с различными сроками проживания, когда краткосрочные цели сталкиваются с долгосрочными планами, различными доходами граждан, межличностным взаимодействием, соседскими конфликтами и многими другими факторами.

туации, когда для решения одного и того же вопроса (например, утверждение плана текущего ремонта) требуется созыв двух разных по составу участников собраний, что влечет за собой дополнительные организационные и финансовые издержки. На практике это часто приводит к управленческому параличу, когда ни одно из собраний не может набрать необходимый кворум для принятия легитимного решения, в то время как состояние общего имущества продолжает ухудшаться.

• Ослабление управленческой воли: затрудняется формирование единого центра принятия решений и реализации коллективной воли собственников по управлению общим имуществом. Наличие группы собственников, дистанцирующихся от участия в ТСЖ, подрывает кворум и легитимность принимаемых решений, создавая правовую неопределенность. Как отмечается в аналитических материалах, «такая ситуация создает почву для злоупотреблений со стороны недобросовестных собственников, которые, пользуясь своим статусом не-члена, уклоняются от участия в общих расходах, перекладывая бремя на членов товарищества».

• Управленческие и судебные издержки: наличие двух категорий собственников порождает многочисленные споры, связанные с определением размера платы, оспариванием решений и взысканием задолженности. ТСЖ вынуждено вести отдельные реестры членов и не-членов, применять разные правовые основания для взыскания долгов, что усложняет претензионно-исковую работу.

КС РФ, выступив защитником прав граждан на свободу объединений в условиях начального становления данного института, как представляется, допустил некую абсолютизацию данного права, которое вступило в противоречие с другими, не менее важными ценностями. Как будет показано далее, в зарубежных правопорядках вопрос о том, что собственники не просто обязаны подчиняться решениям большинства, но и не имеют права выбора в вопросе об участии в правосубъектном образовании, не подвергается сомнению. Более того, косвенно такой подход отражен в ряде Постановлений ЕСПЧ. Так, в частности, Европейский суд, признав нарушение свободы объединений (ст. 11) в контексте принудительного включения в ассоциации охотников, тем не менее сформулировал критерий, обосновывающий допустимость ограничений: если ограничение направлено на защиту прав и свобод, гарантированных Конвенцией (в частности, права собственности, ст. 1 Протокола № 1), и преследует цель управления имуществом, а не навязывания идеологии, государство обладает широкой свободой усмотрения (см. § 113, 117 Постановления)[3].

Таким образом, режим общей долевой собственности, установленный законодателем в отношении имущества в МКД, по своей сути влечет за собой ограничения индивидуальных прав собственников, необходимые для надлежащего функционирования коллективной структуры. Эти ограничения, вытекающие из закона, не являются чрезмерными и служат законной цели — сохранению имущества и поддержанию общественного порядка в рамках управления жилым фондом. Государство, устанавливая обязательность членства в организациях, создаваемых для управления МКД, действует в пределах своей свободы усмотрения, поскольку подобные меры направлены на защиту прав других жильцов и предотвращение рисков, связанных с распадом системы управления.

Таким образом, следует исходить из того, что управление МКД — это не реализация *свободы объединения* (которая подразумевает право входить и выходить из него), а реализация *права собственности*, обремененного обязанностью солидарного управления. Модель добровольного членства в ТСЖ фактически является отражением принципа «вета меньшинства», поскольку несогласные собственники имеют возможность существенно затруднять работу созданного юридического лица. Полагаем, что российскому правопорядку следует исходить из того, что при возникновении общей долевой собственности в МКД частноправовая автономия индивидуума отступает перед необходимостью поддержания функционирования объекта недвижимости.

Указанные рассуждения, как представляются, могут лечь в основу обоснования изменения позиции КС РФ, сформированной в 1998 году. Переквалификация модели,

[3] ЕСПЧ в постановлении от 29 апреля 1999 г. по делу «Шассану и другие против Франции» указал, что если «право» или «свобода», ради которых человека принуждают вступать в ассоциацию, сами не входят в перечень прав Конвенции (как, например, «право на охоту» как досуг), то принуждение к членству — это нарушение. Но если принуждение к членству направлено на защиту права собственности (ст. 1 Протокола № 1) других лиц и эффективное управление имуществом (что безусловно является правом, охраняемым Конвенцией), то государство имеет право на вмешательство в свободу объединений.

не отрицающей выводы КС РФ из Постановления № 10-П, может базироваться (помимо уже сформулированных) на следующих аргументах:

— ТСЖ — это юридическое лицо, являющееся обязательным институциональным механизмом управления общим имуществом в конкретном МКД. Она создается не потому, что люди захотели объединиться, а потому, что закон и факт выбора на общем собрании собственников данной формы управления предписывает использовать именно эту корпоративную оболочку для реализации уже существующей коллективной обязанности.

В этом контексте в поддержку данной позиции выступают те решения КС РФ, в которых была признана допустимость установления обязательности членства в профессиональных объединениях (нотариусов, адвокатов), а также саморегулируемых организациях. Указанные примеры ярко демонстрируют допустимость вмешательства государства в важные для него сферы и установления обязательности членства в некоммерческих организациях в силу закона[4]. И если в отношении нотариусов и адвокатов КС РФ апеллирует к выполнению ими публичной функции в виде оказания юридической помощи населению и возложению тем самым на данных лиц публично-правовых обязанностей, то применительно к саморегулируемым организациям арбитражных управляющих КС РФ уже обосновывает такую обязательность через публично-правовую цель института банкротства[5]. Представляется, что привести доводы о наличии публично-правового интереса в сохранении такого ценного для государства ресурса как жилищный фонд не представляет никакой сложности.

— Членство вытекает не напрямую из права собственности, а из принятого большинством на ОСУ решения о выборе конкретной организационно-правовой формы управления (ТСЖ), которая по своему уставу и в силу закона является корпорацией с обязательным членством. Собственник, голосовавший против, подчиняется решению большинства в вопросе способа управления общим имуществом, а не принуждается к совместному решению вопросов.

— В 1998 году дело рассматривалось исключительно в плоскости ст. 30 Конституции (свобода объединений). Необходимо сделать акцент на учете статей 30, 35 (право частной собственности) и 55 (ч. 3) Конституции (ограничения прав в целях защиты прав других лиц). Право собственности (ст. 35) неразрывно связано с бременем содержания имущества (ст. 210 ГК РФ). В условиях МКД это бремя коллективное. Закон вправе установить рациональные процедуры для исполнения этой коллективной обязанности, чтобы защитить права одних собственников (добросовестных) от бездействия других (недобросовестных). Обязательное членство в корпорации, созданной для управления общим имуществом, — такое рациональное процедурное ограничение. Оно не посягает на суть свободы объединения, а регламентирует административно-хозяйственный процесс в рамках уже существующего объективного сообщества совладельцев.

При таком подходе членство является не первичным волеизъявлением, а производным, техническим элементом избранной большинством системы исполнения конституционной обязанности по содержанию общего имущества.

— Учет изменившихся социально-экономических условий, в которых КС РФ принимал свое решение. Позиция, сформулированная в 1998 году, исходила из гипотетической модели деятельности ТСЖ при незначительном их распространении и только начинавшейся формироваться системы управления МКД. Однако за четверть века масштаб и природа явления изменились коренным образом и ущемление иных конституционных ценностей за счет защиты права на свободу объединения стали очевидны.

— Сам КС РФ допускает изменение своих позиций с учетом изменившихся социально-экономических условий. Достаточно процитировать лишь один пример: «Поскольку положения Конституции Российской Федерации проявляют свое регулятивное воздействие как непосредственно, так и посредством конкретизирующих их законов в определенной системе правового регулирования, притом в развивающемся социально-историческом контексте, правовые позиции, сформулированные Конституционным

---

[4] См. например: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате : постановление Конституционного Суда РФ от 19 мая 1998 г. № 15-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1998. № 5.

[5] По делу о проверке конституционности абзаца восьмого пункта 1 статьи 20 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина А. Г. Меженцева : постановление Конституционного Суда РФ от 19 декабря 2005 г. № 12-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

Судом Российской Федерации в результате интерпретации, истолкования тех или иных положений Конституции Российской Федерации применительно к проверявшемуся нормативному акту в системе прежнего правового регулирования и имевшей место в то время конституционной практики, могут уточняться либо изменяться, с тем чтобы адекватно выявить смысл тех или иных конституционных норм, их букву и дух, с учетом конкретных социально-правовых условий их реализации, включая изменения в системе правового регулирования[6].

Понимаем, что столь кардинального изменения законодательного подхода вряд ли стоит ждать в ближайшее время и, безусловно, ТСЖ как способ управления будет существовать и в случае сохранения добровольности членства в нем (что, собственно, и происходит последние десятилетия). Вместе с тем, если вести речь о повышении эффективности данного способа управления, то дискуссия об одном из основополагающих признаков — обязательности членства, как минимум, должна быть продолжена.

1.2. Структура органов управления ТСЖ

Структура, порядок образования и компетенция органов управления ТСЖ как некоммерческой организации в силу положений п. 1 ст. 53 ГК РФ определяются, прежде всего, гражданским законодательством, а также иными законами и учредительными документами товарищества. Иными словами, несмотря на то, что нормы жилищного законодательства в части регулирования деятельности ТСЖ являются специальными и, следовательно, имеют приоритет над положениями ГК РФ, вопросы структуры обязательных органов управления относятся к предмету регулирования последнего.

Согласно положениям ст. 65.3 ГК РФ в корпоративных организациях, к коим относится ТСЖ, образуются следующие органы управления:

— общее собрание участников корпорации как высший орган управления, к компетенции которого отнесены наиболее ключевые вопросы, в частности, определение приоритетных направлений деятельности, принципов образования и использования имущества, образование других органов корпорации и досрочное прекращение их полномочий, утверждение годовых отчетов и бухгалтерской (финансовой) отчетности;

— единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, председатель и т.п.), к компетенции которого относится решение вопросов, не входящих в компетенцию общего собрания;

— коллегиальный исполнительный орган (правление, дирекция и т.п.) в случаях, если это прямо предусмотрено законом или уставом корпорации.

Помимо указанных, также могут создаваться коллегиальные органы, контролирующие деятельность исполнительных органов и выполняющие иные функции.

Жилищное законодательство устанавливает иную, двухзвенную, структуру органов управления ТСЖ. Высшим органом управления товарищества признается общее собрание его членов (ст. 145 ЖК РФ), коллегиальным исполнительным органом, осуществляющим руководство ТСЖ и подотчетным общему собранию, — правление. Таким образом, в структуре органов управления ТСЖ, прямо обозначенных ЖК РФ, в противоречие с положениями гражданского законодательства не назван единоличный орган.

Вопрос о правовом статусе председателя правления ТСЖ является дискуссионным. Исходя из буквального толкования закона, он является членом коллегиального исполнительного органа (правления), подотчетен ему. Вместе с тем, отдельные положения ЖК РФ указывают на его довольно широкую компетенцию, не ограничивающуюся простым выполнением решений правления. Так, согласно ст. 149 ЖК РФ председатель правления товарищества обеспечивает выполнение решений правления, имеет право давать указания и распоряжения всем должностным лицам товарищества, исполнение которых обязательно, действует без доверенности от имени товарищества, подписывает платежные документы и совершает сделки, которые не требуют обязательного одобрения правлением или общим собранием членов товарищества, и т.п.

Нельзя не отметить и имеющееся юридико-технические недостатки гражданского и жилищного законодательства в указанной сфере. Так, в силу п. 2 ст. 291 ГК РФ «товарищество собственников жилья является некоммерческой организацией, создаваемой и действующей в соответствии с законом о товари-

[6] По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 г. № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 1.

ществах собственников жилья». Вместе с тем, Федеральный закон от 15 июня 1996 года № 72-ФЗ «О товариществах собственников жилья» утратил силу еще в 2005 году[7]. Не имеется определенности и в наименовании должности председателя правления ТСЖ; помимо названного термина законодатель использует в ч. 3 ст. 147 ЖК РФ словосочетание «председатель товарищества». В доктрине верно отмечается, что «употребление в тексте нормативных актов синонимов при обозначении одних и тех же понятий недопустимо, это нарушает не только единство терминологического аппарата, но и заставляет <...> искать за ними различный смысл и в некоторых случаях даже успешно его находить» [4].

Несоответствие положений ЖК РФ гражданскому законодательству и неопределенность правового статуса председателя правления ТСЖ создают предпосылки для формирования нестабильной судебной практики. Одни суды квалифицируют председателя правления как руководителя товарищества и, соответственно, как контролирующее должника лицо на случай взыскания убытков и привлечения к субсидиарной ответственности, другие — рассматривают его исключительно как члена правления ТСЖ. При этом данная неопределенность оказывает влияние не только на разрешение споров собственно жилищно-правовой направленности, но и иных.

Приведем некоторые примеры. В постановлении Верховного Суда Российской Федерации о прекращении производства по делу об административном правонарушении в отношении бывшего председателя правления ТСЖ в связи с отсутствием состава правонарушения указывалось, что «возникновение либо прекращение полномочий *единоличного исполнительного органа юридического лица* с фактом внесения в государственный реестр таких сведений не связаны, поскольку обусловлены иными обстоятельствами, в частности, принятием соответствующего решения компетентным органом управления товарищества собственников жилья или истечением срока, на который избирается председатель правления товарищества собственников жилья»[8].

Арбитражный суд Северо-Кавказского округа в своем постановлении по спору о правильности исчисления, полноты и своевременности уплаты товариществом страховых взносов сделал вывод о том, что председатель правления ТСЖ является его *единоличным исполнительным органом*, ссылаясь на то, что ТСЖ является разновидностью ТСН, а в последнем всегда создается единоличный исполнительный орган[9].

Седьмой кассационной суд общей юрисдикции, рассматривая спор по иску ТСЖ к бывшему председателю правления о взыскании неосновательного обогащения, указал, что «руководство деятельностью товарищества собственников жилья осуществляется правлением товарищества, которое избирает из своего состава *председателя, который является его единоличным исполнительным органом*»[10]. К аналогичным умозаключениям пришел Третий кассационный суд общей юрисдикции[11].

Отсутствие четкого определения статуса председателя правления ТСЖ создает правовую неопределенность для всех участников отношений. К примеру, Верховный Суд Российской Федерации в 2023 году подтвердил недействительность договора между ТСЖ и управляющей организацией, подписанного председателем без решения правления. Суд указал, что председатель не вправе единоличноно заключать такие сделки без одобрения компетентного органа, а контрагент был обязан знать о соответствующих ограничениях[12]. В результате договор управления домом был аннулирован, что создало правовой вакуум в обслуживании дома. Неясность относительно того, кто является законным единоличным представителем ТСЖ, может приводить и к отказам в государственной регистрации отдельных юридически значимых действий, оказании государственных или муниципальных услуг.

---

[7] О товариществах собственников жилья : Федер. закон от 15 июня 1996 г. № 72-ФЗ. Утратил силу с 01 марта 2005 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 25 июля 2016 г. № 34-АД16-5 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 06 октября 2023 г. № Ф08-10084/2023 по делу № А63-13571/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09 апреля 2024 г. по делу № 88-6022/2024 (УИД 66RS0007-01-2023-004051-05) // СПС «КонсультантПлюс».

[11] Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 сентября 2023 г. № 88-18455/2023 по делу № 2-2370/2022 (УИД 78RS0008-01-2021-009864-29) // СПС «КонсультантПлюс».

[12] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2023 г. № 308-ЭС22-29775 по делу № А32-46219/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Не имеется четкого представления о статусе председателя правления ТСЖ и у лиц, исполняющих соответствующие функции, а также у членов правлений. Так, по результатам проведенного в начале 2026 года социологического опроса 59,4 % респондентов заявили о том, что фактически деятельностью ТСЖ руководит председатель, 27,2 % — правление и только 13,2 % — общее собрание[13]. Таким образом, де-факто управление в товариществах персонифицировано, тогда как де-юре закреплена коллегиальная модель. Подобный разрыв между буквой закона и сложившейся практикой создает почву для необоснованного возложения всей полноты ответственности на председателя правления, в частности при банкротстве.

Изложенное выше демонстрирует необходимость устранения имеющихся расхождений между ЖК РФ и ГК РФ и прямого, очевидного выбора законодателем конкретной модели органов управления ТСЖ. Считаем возможным предположить, что на сегодняшний день, помимо несоответствия двух кодифицированных актов друг другу, имеет место квалифицированное молчание законодателя, не сумевшего сделать выбор между двух- и трехзвенной управленческими моделями. Попытка не допустить «персонификацию» власти и гарантировать реализацию коллективной воли собственников по управлению общим имуществом привела к «размытию» компетенции и границ ответственности как правления, так и его председателя.

Наиболее оптимальной представляется следующая модель: общее собрание (высший орган управления) — правление (коллегиальный исполнительный орган) — председатель (единоличный исполнительный орган). Указанное позволит обеспечить более четкое разграничение компетенции и ответственности органов, оперативность управления домом, когда председатель будет наделен правом принятия срочных решений без необходимости созыва общего собрания или правления, а также единообразие правоприменительной практики.

При этом введение единоличного органа управления с широкими полномочиями и ответственностью будет эффективным только в случае, если такое лицо будет обладать необходимыми профессиональными компетенциями, что обусловлено объективными обстоятельствами, связанными как с физическими и функциональными особенностями МКД (наличие сложной сети внутридомовых инженерных сетей и иного оборудования, неразрывная связь составляющих его элементов между собой, наличие общего имущества, необходимость подготовки дома к прохождению отопительного сезона и т.п.), так и тенденциями нормативно-правового регулирования в этой сфере (увеличение объема и усложнение законодательных требований, появление новых составов административных правонарушений, усиление ответственности и т.п.). Одновременно следует подчеркнуть, что установление требований к профессионализму необходимо тогда, когда товарищество является способом управления, что и заложено в ныне существующей модели ТСЖ по российскому праву. Если ТСЖ явилось бы формой объединения собственников помещений для заказа услуг управления у профессионального управляющего, то в таком случае стандарт требований к председателю должен быть существенно снижен и ограничиться такими требованиями как, к примеру, отсутствие судимости за совершение отдельных категорий преступлений.

1.3. Банкротство ТСЖ и проблемы субсидиарной ответственности

Указанные институциональные недостатки ТСЖ (размытость статуса органов управления и добровольность членства), усугубленные финансовой нестабильностью, наиболее отчетливо проявляются при банкротстве товарищества. По данным Федресурса, банкротство ТСЖ перестало быть единичным явлением: только в период 2021—2025 гг. в России прекращено 658 дел о банкротстве ТСЖ. На начало 2026 года в производстве находится еще 286 дел о банкротстве ТСЖ и 70 дел в отношении ТСН (лидерами по их числу выступают Москва, Ростовская область и Санкт-Петербург).

Однако применение к ТСЖ общих процедур, предусмотренных Федераль-ным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», демонстрирует крайнюю неэффективность и вступает в конфликт с правовой природой этих организаций. Во-первых, ТСЖ является некоммерческой организацией. Судебная практика подчеркивает, что товарищество не имеет собственного экономического интереса и «фактически действует как посредник между потребителями

[13] Опрос проведен Подкомитетом Торгово-промышленной палаты Российской Федерации по развитию бизнеса в сфере управления жилой недвижимостью совместно с порталом «Управление ЖКХ». Количество респондентов — 160 человек, из них: председатели правлений ТСЖ — 54%, председатели ТСН — 13%, члены правлений — 15,6%.

коммунальных услуг и ресурсоснабжающими организациями»[14]. Во-вторых, у товариществ объективно отсутствуют ликвидные активы. Общее имущество МКД принадлежит на праве общей долевой собственности собственникам помещений в доме и не может быть включено в конкурсную массу, а поступающие на счета средства имеют строго целевое назначение[15].

Отсутствие имущественной базы подтверждается результатами социологического опроса: 69 % представителей ТСЖ констатировали полное отсутствие у товарищества какого-либо имущества на праве собственности. В результате процедура банкротства ТСЖ часто становится формальной, поскольку ее основные цели — восстановление платежеспособности или соразмерное удовлетворение требований кредиторов — не достигаются. Суды нередко прекращают дела в связи с отсутствием средств, достаточных даже для возмещения судебных расходов[16].

Основными инициаторами банкротств выступают ресурсоснабжающие организации (далее — РСО). ТСЖ накапливает задолженность из-за неплатежей части собственников, РСО инициирует банкротство, а ввиду невозможности удовлетворения требований за счет юридического лица механизм взыскания переключается на контролирующих должника лиц, то есть членов правления, а чаще всего на председателя правления. Возникает критический правовой дисбаланс, когда долги формируются из-за действий реальных выгодоприобретателей (собственников помещений), однако в силу ч. 6 ст. 135 ЖК РФ («корпоративная вуаль») члены ТСЖ не отвечают по обязательствам товарищества, и суды прямо отказывают во взыскании долгов банкрота напрямую с членов ТСЖ, игнорируя их очевидную выгоду от неоплаченных услуг[17]. В итоге колоссальная финансовая ответственность перекладывается исключительно на председателя правления.

Следует учесть, что председатель правления ТСЖ чаще всего не является профессиональным топ-менеджером, а собственником, взявшимся организовать управление домом. Привлечение его к миллионным долгам выглядит чрезмерно строгим и отталкивает инициативных граждан от участия в управлении домом. Суды же при этом проводят параллели с ответственностью директоров коммерческих организаций, не оценивая особый статус ТСЖ. Такая тенденция является опасной и недопустимой.

Анализ судебной практики выявил два подхода к данному вопросу. Чаще всего суды применяют формально-правовой подход, приравнивая председателя ТСЖ к руководителю коммерческой организации. Малейшая просрочка подачи заявления о банкротстве влечет возложение на него многомиллионных долгов, без учета коллегиальности управления домом. Например, суд, ссылаясь на нормы Закона о банкротстве, возложил на председателя обязанность по подаче заявления о банкротстве и, в связи с ее неисполнением, привлек его к ответственности по обязательствам должника[18]. Аргументы о коллегиальности органа управления и о том, что долги возникли по вине неплательщиков, не были приняты во внимание. Суд указал: «нарушение обязанности по подаче заявления должника в арбитражный суд ... влечет за собой субсидиарную ответственность лиц, на которых ... возложена обязанность по принятию решения о подаче заявления должника в арбитражный суд и подаче такого заявления». Данное дело демонстрирует формальный подход, при котором суд не анализирует реальные полномочия председателя и причины возникновения долга, а лишь констатирует факт неисполнения обязанности, установленной для руководителя.

Материально-правовой подход встречается значительно реже. В таких спорах суды учитывают некоммерческую специфику ТСЖ, транзитный характер денежных потоков и коллегиальность принятия решений, отказывая во взыскании с председателя или возлагая ответственность солидарно на все правление[19].

---

[14] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 августа 2025 г. № Ф07-6781/25 по делу № А56-34132/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[15] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01 августа 2023 г. № Ф05-9841/23 по делу № А40-225786/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

[16] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 февраля 2023 г. № Ф05-3291/23 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Арбитражно-го суда Северо-Кавказского округа от 8 февраля 2019 г. № Ф08-12332/18 // СПС «КонсультантПлюс»

[17] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06 декабря 2024 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[18] Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 марта 2020 г. № Ф02-825/20 по делу № А33-1111/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[19] Постановление Арбитражного Суда Северо-Западного округа от 13 мая 2025 г. № Ф07-163/25 по делу № А13-16839/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

Профессиональное сообщество остро ощущает несправедливость модели ответственности. По итогам ранее указанного опроса Подкомитета ТПП РФ, 79,7 % респондентов считают абсолютно несправедливым возложение субсидиарной ответственности на председателя правления за долги, образованные собственниками. Кроме того, 89,8 % уверены, что применение общих процедур банкротства к ТСЖ недопустимо или требует особых ограничений. Существующая модель демотивирует инициативных граждан к участию в управлении домом из-за несоразмерных личных рисков.

Выходом может стать реформа режима ответственности. Во-первых, целесообразно разработать специальный режим банкротства для ТСЖ (с повышенным порогом задолженности и временным запретом на создание нового ТСЖ в доме-банкроте для пресечения злоупотреблений). Во-вторых, предлагается исключить возможность привлечения председателя правления к субсидиарной ответственности исключительно за неподачу заявления о банкротстве, сохранив ее лишь для случаев доказанных умышленных хищений или злоупотреблений. В-третьих, предлагается законодательно закрепить следующую модель субсидиарной ответственности при банкротстве ТСЖ. Председатель и члены правления не несут субсидиарной ответственности по обязательствам товарищества, если задолженность возникла исключительно вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения собственниками помещений своих обязанностей по оплате расходов на содержание общего имущества и коммунальных услуг. Привлечение председателя и (или) членов правления к субсидиарной ответственности возможно только при одновременном доказывании их умышленных действий (бездействия) либо грубой неосторожности, что должно быть подтверждено вступившим в законную силу судебным решением, а также при отсутствии иных источников для удовлетворения требований кредиторов. Если взыскание долга с ТСЖ невозможно из-за отсутствия у него имущества, а основания для привлечения председателя и (или) членов правления к субсидиарной ответственности отсутствуют, кредитор вправе обратить требование к собственникам помещений — членам ТСЖ, причем такое требование предъявляется пропорционально их доле в праве общей собственности на общее имущество многоквартирного дома и только после установления невозможности взыскания с ТСЖ. Предлагаемая модель позволяет обеспечить защиту интересов кредиторов, устранить иждивенческие настроения среди собственников, снять несправедливое финансовое давление с председателя и правления, а также восстановить доверие граждан к институту самоуправления в многоквартирных домах.

2. Объединения собственников жилья: опыт зарубежных стран

В условиях имеющихся недостатков отечественного нормативно-правового регулирования, ограниченности теоретических концепций о правовом статусе и структуре органов управления ТСЖ, неединообразия правоприменительной практики обоснованным представляется обращение к опыту Республики Беларусь как одного из наиболее близких к нам государств в силу общности исторических, культурных и социально-экономических условий, а также к опыту Эстонии и Германии, где институт объединений собственников жилья демонстрирует высокую эффективность.

2.1. Институт ТСЖ в Республике Беларусь

Нельзя не отметить, что системе управления МКД в Республике Беларусь (далее также — Республика, РБ) в целом свойственна высокая доля императивности. Собственникам помещений в доме предоставлена возможность выбора, по существу, двух способов управления: непосредственное управление с привлечением управляющего либо без такового (если количество помещений в доме не превышает 10) или управление объединением собственников (ТСЖ или организация застройщиков, схожая по своему правовому положению с известным российскому праву жилищно-строительным кооперативом). В случае, если собственники не выберут названные способы или не реализуют их, органами власти назначается уполномоченное лицо по управлению МКД (речь идет, как правило, об унитарном предприятии жилищно-коммунального хозяйства). Управляющих организаций в типичном для российского правопорядка понимания в Республике не имеется, подобные организации могут осуществлять деятельность в рамках Указов Президента РБ («иной способ»)[20].

[20] О порядке деятельности управляющих организаций: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 09 августа 2024 г. № 588. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22400588 (дата обращения: 01.04.2026).

Согласно ст. 176 Жилищного кодекса Республики Беларусь (далее — ЖК РБ) членами ТСЖ являются участники совместного домовладения, в том числе не принимавшие участия в голосовании либо голосовавшие против[21]. Членство в товариществе имеет свою специфическую особенность, «так называемый *принцип «принудительного» членства*, поскольку оно возникает с момента возникновения права собственности на помещение в многоквартирном доме независимо от воли субъекта» [3, с. 172]. Основаниями для прекращения членства в товариществе являются прекращение права собственности на объекты недвижимого имущества, смерть гражданина или ликвидация юридического лица — члена товарищества.

Органами управления ТСЖ являются общее собрание (собрание уполномоченных) членов организации собственников, правление и его председатель (ст. 165 ЖК РБ).

Общее собрание членов организации является высшим органом управления ТСЖ, а его решения обязательны для всех ее членов, а также иных граждан и юридических лиц по вопросам, касающимся управления общим имуществом совместного домовладения (ст. 166 ЖК РБ), к примеру, речь может идти о лице, проживающем в доме. Собрание проводится в обязательном порядке один раз в год, правомочно принимать решения об изменении или дополнении устава ТСЖ, определять основные направления деятельности товарищества, устанавливать размеры взносов и пеней, избирать председателя правления, принимать решение о ликвидации ТСЖ.

Не ясно до конца соотношение общего собрания членов организации и участников совместного домовладения. Состав, очередность проведения названных собраний, отнесенные к их компетенции вопросы полностью идентичны. Исключением является лишь вопрос о создании ТСЖ или о выборе иного способа управления, который по понятным причинам отнесен исключительно к компетенции общего собрания участников совместного домовладения (ст. ст. 157, 159). Иными словами, так называемая проблема «задвоения» полностью не решена и в Республике Беларусь.

Управление деятельностью ТСЖ в период между общими собраниями осуществляет *правление организации собственников* (ст. 168 ЖК РБ). Правление является коллегиальным исполнительным органом, подотчетным общему собранию, избирается общим собранием членов организации собственников из их числа на срок, не превышающий пяти лет. Заседания правления проводятся не реже одного раза в квартал, решения принимаются простым большинством голосов. К компетенции правления относятся осуществление текущего руководства деятельностью ТСЖ, учет членов ТСЖ, учет имущества, доходов и расходов, рассмотрение обращений членов и работников товарищества и т.п.

Деятельностью правления организации собственников руководит *председатель правления ТСЖ* (ст. 170). Председатель избирается на срок, не превышающий пяти лет, из числа членов ТСЖ или лиц, таковыми не являющихся. Председателем может быть лицо, имеющее высшее образование либо имеющее среднее специальное (техническое, экономическое, юридическое) образование и стаж работы на руководящих должностях в организациях жилищно-коммунального хозяйства и (или) управления недвижимым имуществом не менее пяти лет, а также свидетельство о прохождении профессиональной аттестации. После избрания председателя общим собранием его кандидатура должна быть согласована с местным исполнительным и распорядительным органом. Председатель правления подотчетен общему собранию ТСЖ и председательствует на заседаниях правления. С ним заключается срочный трудовой договор. В обязанности председателя входит, в частности, организация исполнения решений общего собрания членов ТСЖ и правления, заключение договоров от имени товарищества, принятие на работу и увольнение работников, совершение действий от имени ТСЖ без доверенности, представление его интересов в суде и иных органах, повышение квалификации не реже одного раза в пять лет. Председатель несет полную материальную ответственность перед ТСЖ за реальный ущерб, причиненный в результате его виновных действий (бездействия).

В целях минимизации нарушений законодательства с лета 2024 года в Республике вводится дополнительный механизм прекращения полномочий председателя в случае неисполнения им своих обязанностей или неоднократного нарушения законодательства. Так, местные исполнительные и распорядительные органы наделяются правом выносить ре-

[21] Жилищный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Республики Беларусь от 28 августа 2012 г. № 428-З : по состоянию на 16 марта 2026 г. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk1200428. (дата обращения: 01.04.2026).

шение о необходимости аннулирования свидетельства о прохождении профессиональной аттестации[22]. В случае истечения у председателя правления организации собственников срока действия свидетельства о прохождении профессиональной аттестации или принятия решения о необходимости его аннулирования, местный исполнительный и распорядительный орган назначает уполномоченное лицо (ст. 175 ЖК РБ). Более того, в случае неизбрания председателя и (или) неосуществления ТСЖ своей деятельности в течение трех месяцев подряд организация собственников может быть ликвидирована по решению местного органа власти (ст. 185 ЖК РБ).

Для осуществления ревизии финансово-хозяйственной деятельности ТСЖ избирается *ревизионная комиссия* (ст. 171).

Таким образом, по белорусскому законодательству членство в ТСЖ является обязательным и возникает в силу возникновения права собственности на жилое помещение в МКД, высшим органом управления ТСЖ является общее собрание членов организации собственников, которое полномочно принимать решения по наиболее важным вопросам. В период между общими собраниями и для решения текущих задач создается коллегиальный исполнительный орган в виде правления. Общее руководство деятельностью правления и ТСЖ осуществляет его председатель, работающий по трудовому договору, который может быть как собственником помещения в доме, так и нет. К председателю предъявляются требования наличия профессиональной компетенции, а его кандидатура согласуется с местными властями.

Сказанное позволяет утверждать, что белорусской модели ТСЖ свойственны обязательность членства, трехзвенная структура органов управления, профессионализм и высокая степень государственного контроля. Вместе с тем, имеет место проблема дублирования управленческих структур, при которой возникает необходимость проведения как общего собрания членов ТСЖ, так и общего собрания собственников помещений в доме.

2.2. Квартирные товарищества в Эстонии

В Эстонии по разным оценкам приватизировано и объединено в квартирные товарищества более 90 % жилищного фонда [2, с. 3], что потребовало от государства эффективного урегулирования взаимоотношений между появившимися частными собственниками. Одновременно политические процессы 1990-х годов, курс на сближение с правом европейских стран предопределили схожесть нормативно-правового регулирования сообщества собственников жилья в Эстонии с немецким законодательством [13].

Согласно Закону о квартирной собственности и квартирных товариществах Эстонии (далее – Закон Эстонии), квартирное товарищество является особым типом некоммерческого объединения (*typus sui generis*) и возникает в силу закона при формировании квартирной собственности на жилые и нежилые помещения в доме[23]. Товарищество является обязательной формой объединения собственников квартир, исключения возможны лишь в случаях, когда здание принадлежит одному собственнику либо находится в долевой собственности.

Квартирное товарищество обладает правоспособностью, в частности, приобретает права и обязанности, участвует в гражданском обороте от своего имени. Законодатель устанавливает запрет на преобразование товарищества в юридическое лицо иного типа, а также предъявляет требование к так называемому резервному фонду, что позволяет обеспечить финансовую стабильность товарищества и покрытие непредвиденных расходов. По общему правилу, размер такого фонда должен составлять не менее одной двенадцатой от прогнозируемых расходов товарищества на год (§ 48 Закона Эстонии).

Органами управления являются общее собрание собственников (§ 20 Закона Эстонии) и правление товарищества (§ 24 Закона Эстонии).

Общее собрание осуществляет так называемое регулярное ведение дел товарищества путем принятия тех или иных решений большинством голосов. К его компетенции относятся, в том числе, вопросы текущего технического обслуживания и ремонта, утверждение текущего плана управления, заключение договоров на коммунальные услуги, страхова-

[22] МЖКХ об изменении законов по вопросам управления жилфондом и его эксплуатации // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/novosti/analitika/2024/january/76628/ (дата обращения: 27.03.2026).

[23] О квартирном владении и квартирных товариществах: Закон Эстонской Республики от 19 февраля 2014 г. URL: https://www.juristaitab.ee/sites/default/files/seaduste-tolked/Закон%20о%20квартирной%20собственности%20и%20квартирных%20товариществах%2015.01.2024.pdf (дата обращения: 13.03.2026).

ния ответственности товарищества, создание резервного фонда, кредитование и т.д. Важно отметить, что проблема «задвоения собраний» законодательству Эстонии не знакома, последним предусматривается только один вид общего собрания, который одновременно является и высшим органом управления.

Правление является руководящим органом в период между общими собраниями и представляет его интересы. Важно отметить, что оно не обязательно для создания, если количество собственников квартир не превышает десяти (§ 24 Закона Эстонии). В этом случае собственники совместно управляют товариществом и представляют его. Правление не является и строго коллегиальным органом, поскольку в его состав может входить от одного до трех человек. Члены правления выполняют исполнительные и управленческие функции, несут солидарную ответственность в случае причинения ущерба товариществу, если не докажут, что исполняли свои обязанности с должным усердием (§ 27 Закона Эстонии).

Вместо правления в товариществе может быть назначен *администратор*, выполняющий аналогичные правлению функции и несущий имущественную ответственность за выполнение возложенных на него полномочий. Особенностью является то, что для реализации своего функционала он обязан привлечь *профессионального управляющего* (§ 28 Закона Эстонии). Последним может быть юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые прошли обязательную сертификацию и регистрацию в специальном реестре.

Позволим себе предположить, что эстонскому товариществу характерна главный образом двухзвенная модель органов управления: общее собрание (высший орган управления) — правление (единоличный или коллегиальный орган управления) *либо* общее собрание (высший орган управления) — администратор (единоличный орган управления). Привлечение администратором профессионального управляющего по своей сути близко к заключению распространенных в России договоров между ТСЖ и управляющими организациями.

Квартирное товарищество не может быть *ликвидировано* по требованию его участников или иных лиц. Его ликвидация допустима только в случае прекращения квартирной собственности или гибели объекта.

Закон Эстонии довольно детально регулирует взаимоотношения собственников между собой и товариществом. Указывается, что собственники квартир должны действовать в соответствии с принципом добросовестности и учитывать законные интересы друг друга (§ 12 Закона Эстонии). В случае допущения грубых нарушений, в том числе связанных с неоплатой расходов товарищества, к лицу может предъявлено требование о передаче права собственности на квартиру другому собственнику или товариществу.

Таким образом, особенностями правового статуса квартирного товарищества в Эстонии являются обязательность членства, двухзвенная структура органов управления, невозможность произвольной ликвидации. Отмечается коллективное начало в управлении домом, высокая роль общего собрания членов товарищества, отсутствие требований наличия профессиональной компетенции у членов правления или администратора. Одновременно присутствует возможность привлечения к управлению домом профессиональных субъектов.

2.3. Сообщества собственников жилья в Германия

Правовой статус сообщества собственников жилья (*Gemeinschaft der Wohnungseigentümer*) в Германии регулируется Законом о жилой недвижимости и постоянном проживании[24] (далее — *WEG*).

Немецкий правопорядок определяет сообщество собственников в качестве объединения *sui generis*, не относя его к юридическим лицам [5], но признавая за ним правоспособность и имущественную обособленность [8]. Такое сообщество может приобретать права и нести обязанности, выступать стороной в суде (§ 9*a WEG*). Его возникновение неразрывно связано с самим фактом существования объекта недвижимого имущества и возникновения поэтажной собственности. Если здание принадлежит одному лицу, последнее образует так называемое сообщество одного лица (*Ein-Personen-Gemeinschaft*). *Ликвидация* сообщества по требованию собственника невозможна и допускается, по общему правилу, в случае гибели объекта (§ 11).

Управление сообществом осуществляется общим собранием (§ 23 *WEG*) и управляющим (§ 26 *WEG*).

Общее собрание (*Wohnungseigentümerversammlung*) является высшим органом

[24] Закон о жилой недвижимости и постоянном проживании (*Gesetz über das Wohnungseigentum und das Dauerwohnrecht*): Закон Германии от 15 марта 1951 г.: по состоянию на 10 октября 2024 г. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/woeigg (дата обращения: 15.03.2026).

управления, принимающим ключевые решения по таким вопросам как размер и периодичность уплаты основных и дополнительных взносов, утверждение бюджета и годового отчета, назначение и освобождение от занимаемой должности управляющего, принятие решений о проведении дорогостоящих ремонтных работ, заключении кредитных договоров или договоров купли-продажи земли [12]. Немаловажной особенностью является и возможность принятия общим собранием правил пользования общим имуществом или заключения соглашений между собственниками, которые могут устанавливать, помимо прочего, необходимость получения согласия других домовладельцев для отчуждения жилья (§ 10, 12 *WEG*).

Исполнительным органом сообщества является *управляющий* (*Verwalter*), который назначается решением собственников на срок до пяти лет (при первом назначении срок не может превышать трех лет) и выполняет свои обязанности, как правило, на возмездной основе (§ 9*b WEG*). Управляющим может быть назначен как кто-то из собственников, так и третье лицо. К его компетенции относится решение текущих вопросов, не приводящих к созданию на стороне товарищества значительных обязательств, или вопросов, решение которых не терпит отлагательств. При этом значительность конкретного обязательства определяется не его конечной суммой, а тем, является ли та часть обязательства, по которой несет ответственность конкретный собственник, настолько значительной, что должно быть получено предварительное согласие общего собрания. Помимо сказанного, управляющий обеспечивает составление выносимых на утверждение общим собранием финансового плана на календарный год, включающего в себя предполагаемые доходы и расходы, годового отчета и отчета об имуществе. Решением общего собрания его компетенция может быть уточнена, расширена или, напротив, ограничена. Управляющий несет имущественную ответственность за выполнение возложенных на него функций.

Каждый собственник вправе требовать назначения *сертифицированного администратора* (*Zertifizierter Verwalter*, § 26*a WEG*), подтвердившего профессиональную квалификацию посредством сдачи экзамена. Требования, предъявляемые к сертифицированным управляющим, устанавливаются уполномоченными органами. От сдачи экзамена, как правило, освобождаются лица, имеющие высшее образование в сфере недвижимости. Назначение сертифицированного администратора не требуется, если в доме восемь и менее квартир.

По усмотрению собственников также может создаваться *консультативный совет* (*Verwaltungsbeirat*), состоящий из одного или нескольких собственников жилья (§ 29). Совет выполняет контрольные и консультативные функции, оказывает помощь администратору путем проверки и дачи заключения на подготовленные им документы, не имеет права самостоятельно заключать договоры от имени сообщества без специального полномочия или представлять его интересы, зачастую функционирует на безвозмездной основе. По общему правилу, члены совета несут ответственность только за умышленный ущерб и грубую небрежность.

С учетом сказанного, можно предположить, что для сообщества собственников жилья в Германии характерна преимущественно двухзвенная структура органов управления: общее собрание (высший орган управления) – управляющий (единоличный исполнительный орган). Вместо управляющего может быть назначен сертифицированный администратор. Каждый собственник несет ответственность пропорционально его доли в совместном владении по обязательствам сообщества, возникшим во время его владения жильем или подлежащим погашению в течение этого периода. Если владелец квартиры грубо нарушает свои обязанности, сообщество вправе потребовать от него отчуждения жилого помещения (§ 17).

Таким образом, германскому сообществу собственников жилья свойственная обязательность участия в нем, неразрывная связь с правом собственности на жилое помещение, недопустимость его ликвидации, высокая степень самоуправления собственников и преобладающая активная роль общего собрания.

Выводы

Проведенное исследование свидетельствует о том, что существующая в российском праве модель товариществ собственников жилья находится в состоянии системного институционального кризиса. Действующее регулирование, характеризующееся добровольностью членства, правовой неопределенностью статуса председателя правления и применением общих норм корпоративного банкротства к некоммерческим организациям жилищной сферы, обусловливает рост судебных споров и негативно сказывается на финансовой устойчивости ТСЖ. Современные модели объединений собственников жилья в зарубежных правопорядках, напро-

тив, демонстрируют устойчивую тенденцию к их институционализации как самостоятельных субъектов права, установлению обязательности членства в таких объединениях и устранению дублирования общих собраний.

Предложенные авторами направления реформы правового статуса ТСЖ — обязательное членство всех собственников в ТСЖ, легализация структуры управления с закреплением за председателем статуса единоличного исполнительного органа и пересмотр правил ответственности при банкротстве — представляют собой взаимосвязанный комплекс мер. Реализация данных инициатив способна преобразовать ТСЖ из номинальной правовой конструкции с высокими рисками для ее руководителя в устойчивое гражданско-правовое сообщество, отвечающее современным задачам солидарного управления многоквартирным домом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закускин А. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности товарищества собственников жилья по управлению многоквартирным домом : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2009. — 184 с.

2. Калин Т. П. Правовое положение квартирного товарищества по законодательству Эстонской республики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2007. — 25 с.

3. Коренский Л. Н. Правовое регулирование способов управления общим имуществом многоквартирного дома в Республике Беларусь // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2011. — № 14. — С. 170—179.

4. Кузнецова О. А. Проблемы формирования терминологического аппарата гражданского законодательства // 20 лет Гражданскому кодексу Российской Федерации: итоги, тенденции и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Н. А. Баринова, С. Ю. Морозова. — Москва : Проспект, 2015. — С. 86—91.

5. Мачехина А. В. Сообщество собственников помещений в здании как субъект права: европейский опыт и российские перспективы // Вестник гражданского права. — 2024. — № 6. — С. 153—196.

6. Полетаев В. В. Гражданско-правовое регулирование деятельности товариществ собственников жилья в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2012. — 201 с.

7. Попов А. В. Товарищество собственников жилья как юридическая форма, опосредующая правомочия собственников помещений в многоквартирном доме : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Волгоград, 2006. — 188 с.

8. Суханов Е. А. «Жилищная (этажная) собственность» в европейских правопорядках // Основные проблемы частного права : сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Александра Львовича Маковского / отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. — Москва : Статут, 2010. — С. 297—316.

9. Токарева Е. В. Товарищество собственников жилья как социально-правовая форма объединения граждан по месту жительства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Волгоград, 2012. — 190 с.

10. Филатова У. Б. Общее имущество собственников помещений в многоквартирном доме : дис... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Иркутск, 2006. — 205 с.

11. Cagdas V., Stubkjær E., Walter Timo De Vries, Cornelius Gerhardus van der Merwe. Co-ownership shares in condominiums — A comparison across jurisdictions and standards In Proceedings. — 6th International FIG 3D Cadastre Workshop (Copenhagen, Denmark: International Federation of Surveyors), 2018. — URL: https://www.researchgate.net/publication/328478155_Co-ownership_shares_in_condominiums_-_A_comparison_across_jurisdictions_and_standards_Long_version (дата обращения: 04.04.2026).

12. Jürgen Michael Schick. WEG-Reform 2020 Das neue Wohnungseigentumsgesetz (WEG). Immobilienverband Deutschland IVD Bundesverband der Immobilienberater, Makler, Sachverst ndigen und Verwalter e.V. 2020. — URL: https://www.zuerker.de/wp-content/uploads/2020-12-01-WEG-Reform-2020.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

13. Pärna P. On the Role of Consistency of the Legal System in a Democratic Republic // Juridica International. Law Review. University Of Tartu. — 2009. — URL: https://www.juridicainternational.eu/article_full.php?uri=2009_XVI_103_development-of-apartment-ownership-legislation-in-estonia-in-19942009-and-reform-plans-in-the-context-of-european-judicial-practice (дата обращения: 13.03.2026).

REFERENCES

1. Zakuskin A. A. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie deyatel`nosti tovarishhestva sobstvennikov zhil`ya po upravleniyu mnogokvartirny`m domom Avtoref. Kand. Diss.* [Civil-legal regulation of the activities of a homeowners' association in managing an apartment building. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 184 p. (In Russian).

2. Kalin T. P. *Pravovoe polozhenie kvartirnogo tovarishhestva po zakonodatel`stvu E`stonskoj respubliki. Avtoref. Kand. Diss.* [The legal status of an apartment association under the legislation of the Republic of Estonia. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2007. 25 p. (In Russian).

3. Korensky L. N. Legal Regulation of Methods for Managing the Common Property of an Apartment Building in the Republic of Belarus. *Vestnik Poloczkogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki = Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences*, 2011, no. 14, pp. 170–179. (In Russian).

4. Kuznetsova O. A. Problems in the Formation of the Terminological Apparatus of Civil Legislation. *20 let Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii: itogi, tendencii i perspektivy` razvitiya : materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [20 Years of the Civil Code of the Russian Federation: Results, Trends, and Development Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Moscow, Prospekt, 2015, pp. 86–91. (In Russian).

5. Machekhina A. V. The community of property owners in a building as a subject of law: *European experience and Russian prospects. Vestnik grazhdanskogo prava = Bulletin of Civil Law*, 2024, no. 6, pp. 153–196. (In Russian).

6. Poletaev V. V. *Grazhdansko-pravovoe regulirovanie deyatel`nosti tovarishhestv sobstvennikov zhil`ya v Rossijskoj Federacii. Kand. Diss* [Civil and legal regulation of the activities of homeowners' associations in the Russian Federation. Cand. Diss.]. Moscow, 2012. 201 p. (In Russian).

7. Popov A. V. *Tovarishhestvo sobstvennikov zhil`ya kak yuridicheskaya forma, oposreduyushhaya pravomochiya sobstvennikov pomeshhenij v mnogokvartirnom dome. Kand. Diss* [Housing owners' association as a legal form mediating the rights of owners of premises in an apartment building. Cand. Diss.]. Volgograd, 2006. 188 p. (In Russian).

8. Sukhanov E. A. "Housing (floor) ownership" in European legal systems. *Osnovny`e problemy` chastnogo prava : sbornik statej k yubileyu doktora yuridicheskix nauk, professora Aleksandra L`vovicha Makovskogo* [Main Problems of Private Law: a collection of articles dedicated to the anniversary of Doctor of Legal Sciences, Professor Alexander Lvovich Makovsky]. Moscow, Statut, 2010. pp. 297–316. (In Russian).

9. Tokareva E. V. *Tovarishhestvo sobstvennikov zhil`ya kak social`no-pravovaya forma ob``edineniya grazhdan po mestu zhitel`stva. Kand. Diss* [The Association of Homeowners as a Socio-Legal Form of Uniting Citizens by Place of Residence. Cand. Diss.]. Volgograd, 2012. 190 p. (In Russian).

10. Filatova U. B. *Obshhee imushhestvo sobstvennikov pomeshhenij v mnogokvartirnom dome. Kand. Diss* [Common Property of Owners of Premises in an Apartment Building. Cand. Diss.]. Irkutsk, 2006. 205 p. (In Russian).

11. Cagdas V., Stubkjær E., Walter Timo De Vries, Cornelius Gerhardus van der Merwe. Co-ownership shares in condominiums – A comparison across jurisdictions and standards In Proceedings. *6th International FIG 3D Cadastre Workshop (Copenhagen, Denmark: International Federation of Surveyors)*, 2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/328478155_Co-ownership_shares_in_condominiums_-_A_comparison_across_jurisdictions_and_standards_Long_version (дата обращения: 04.04.2026). (In English).

12. Jürgen Michael Schick. WEG-Reform 2020 *Das neue Wohnungseigentumsgesetz (WEG)*. Immobilienverband Deutschland IVD Bundesverband der Immobilienberater, Makler, Sachverständigen und Verwalter e.V. 2020. URL: https://www.zuerker.de/wp-content/uploads/2020-12-01-WEG-Reform-2020.pdf (дата обращения: 04.04.2026). (In English).

13. Pärna P. On the Role of Consistency of the Legal System in a Democratic Republic. *Juridica International. Law Review.* University Of Tartu, 2009. URL: https://www.juridicainternational.eu/article_full.php?uri=2009_XVI_103_development-of-apartment-ownership-legislation-in-estonia-in-19942009-and-reform-plans-in-the-context-of-european-judicial-practice (дата обращения: 13.03.2026).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Суслова Светлана Игоревна (Иркутск) — доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России); директор Института правовых исследований Байкальского государственного университета (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4; 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: svetsuslova@ yandex.ru).

Киракосян Сусана Арсеновна (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, доцент РАНХиГС при Президенте РФ, Комитет Торгово-промышленной палаты РФ по предпринимательству в сфере жилищного и коммунального хозяйства (susanak@mail.ru).

Сенотрусова Евгения Михайловна (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, e-mail: evg-suranova@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Suslova, Svetlana I. (Irkutsk) — Doctor of Legal Sciences, Professor, Deputy Director for Research, and Professor at the Department of Civil Law and Procedure at the Irkutsk Institute (branch). VGUJ (RPA of the Ministry of Justice of Russia; Director of the Institute of Legal Studies at Baikal State University) (664011, Irkutsk, Nekrasova str., 4; 664003, Irkutsk, Lenina str., 11, e-mail: svetsuslova@ yandex.ru).

Kirakosyan, Susana A. (Moscow) — Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the RANEPA under the President of the Russian Federation, Committee of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation on Entrepreneurship in the field of housing and Communal Services (susanak@mail.ru).

Senotrusova, Evgeniya M. (Irkutsk) — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (664035, Russia, Irkutsk, Shevtsova St., 1; e-mail: evg-suranova@yandex.ru).

УДК 343

М. В. Гончарова
Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (ФГКУ «ВНИИ МВД России»), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3678-2246
ResearcherID: QLV-4313-2026

В. И. Шиян
Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ), Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-1295-4947
ResearcherID: AAR-8412-2021

СОСТОЯНИЕ И ДИНАМИКА МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 90—98.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.8.90-98
Дата поступления 09.07.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Имущественные преступления, связанные с обманом и введением в заблуждение, как прототип современного мошенничества, известны с момента становления российского государства. Вместе с развитием государственности увеличивалось количество и разновидности таких посягательств, а также количество норм, предусматривающих ответственность за их совершение. В современный период актуальность противодействия мошенничествам нисколько не уменьшилась. Они отличаются исключительным многообразием, адаптивностью, динамизмом и способностью к модернизации в зависимости от сферы приложения преступных усилий. Стремительное развитие цифровых технологий существенно опережает эволюцию правоохранительной практики противодействия мошенничествам. Данная диспропорция позволяет избежать уголовной ответственности за незаконное обогащение, особенно, если преступники используют передовые цифровые решения, дистанционные способы совершения, включая методы социальной инженерии. Растет материальный ущерб от мошенничеств. Перечисленные обстоятельства актуализируют криминологические оценки современного состояния и тенденций мошенничеств, как криминального явления. Указанные оценки основываются на данных официальной статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России» (формы № 491, 492 и 494 за период с 2021 по 2025 годы). Криминологический анализ статистической информации позволил выявить современные тенденции мошенничеств, свидетельствующие

об их негативном развитии, несмотря на снижение абсолютных значений. Кроме того, дана качественная характеристика современных мошенничеств, определены основные разновидности, выявлены особенности их территориального распределения и основные факторы латентизации мошенничеств. Перечисленное позволило наметить актуальные направления противодействия преступлениям против собственности в целом, включая мошенничества. Они видятся в совершенствовании предупредительных мер, связанных с международным сотрудничеством правоохранительных органов, а также с реализацией правовых, технических, организационных и виктимологических мероприятий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Мошенничество; современные тенденции; состояние мошенничеств; динамика; криминологические показатели; информационно-телекоммуникационные технологии; противодействие.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Гончарова М. В., Шиян В. И. Состояние и динамика мошенничеств, совершаемых на территории Российской Федерации в современный период // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 90—98. — DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.8.90-98

UDC 343

M. V. Goncharova
Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russian Federation,
ORCID: 0000-0003-3678-2246
ResearcherID: QLV-4313-2026

V. I. Shiyan
Law Institute, Russian University of Transport,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1295-4947
ResearcherID: AAR-8412-2021

THE STATE AND DYNAMICS OF FRAUDULENT ACTIVITIES COMMITTED ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE MODERN PERIOD

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 3, pp. 90—98.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.8.90-98
Received 09.07.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT

Property crimes involving deception and misrepresentation, as a prototype of modern fraud, have been known since the formation of the Russian state. Along with the development of statehood, the number and variety of such offenses increased, as did the number of norms providing for liability for their commission. In the modern period, the relevance of combating fraud has not diminished in the slightest. They are distinguished by exceptional diversity, adaptability, dynamism, and the ability to be modernized depending on the sphere in which criminal efforts are applied. The rapid development of digital technologies significantly outpaces the evolution of law enforcement practices aimed at combating fraud.

This imbalance makes it possible to avoid criminal liability for unlawful enrichment, especially if criminals use advanced digital solutions and remote methods of committing crimes, including social engineering techniques. The material damage caused by fraud is growing. The aforementioned circumstances highlight the need for criminological assessments of the current state and trends of fraud as a criminal phenomenon. These estimates are based on data from the official statistical reporting of the Federal State Institution "Main Statistical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia" (forms No. 491, 492 and 494 for the period from 2021 to 2025). A criminological analysis of the statistical information made it possible to identify current trends in fraud, which indicate their negative development, despite the decline in absolute values. Furthermore, a qualitative description of modern frauds has been provided, the main types have been identified, and the features of their territorial distribution and the main factors contributing to the latency of fraud have been revealed. The above made it possible to outline the current directions for countering crimes against property in general, including fraud. These are seen as improving preventive measures related to international cooperation among law enforcement agencies, as well as implementing legal, technical, organizational, and victimological measures.

KEYWORDS Fraud; current trends; the state of fraud; dynamics; criminological indicators; information and telecommunications technologies; counteraction.

FOR CITATION Goncharova M. V., Shiyan V. I. The State and Dynamics of Fraudulent Activities Committed on the Territory of the Russian Federation in the modern period. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 90—98. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.8.90-98

Как известно, мошенничество представляет собой хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В отличие от иных преступлений против собственности мошенничество, как правило, — это высокодоходное и интеллектуальное преступное ремесло. До настоящего времени не утратила своей актуальности прогностическая характеристика мошенничества, данная в конце XIX столетия выдающимся отечественным юристом И. Я. Фойницким, отметившим, что преобладающее место среди способов хищения «заменит орудие интеллектуальное, хитрость, обман; следовательно, социальная сторона мошенничества очень заманчива» [9, с. 9].

Разнообразие мошеннических схем позволяет их дифференцировать на различные виды. В науке существует два основных подхода к этому вопросу: 1) научный; 2) нормативный.

Научный подход предоставляет более широкий диапазон видов мошенничеств. Вместе с тем, побуждает к дискуссии относительно оснований классификации мошенничеств, необходимости законодательного закрепления их специальных видов и др.

Классификационный подход, с одной стороны, позволяет систематизировать весь объем классифицируемого материала и избежать односторонности его научного толкования, с другой — способствует определению основных направлений предупреждения рассматриваемых преступлений.

По направлениям деятельности в научных работах выделяют следующие виды мошенничеств: мошенничество в сфере предпринимательской деятельности [7, с. 37—40]; мошенничество в сфере недвижимости [3, с. 95—96]; финансовое мошенничество; налоговое мошенничество [4, с. 27—29]; коммерческое мошенничество, которое по мнению Т. Л. Ценовой, в свою очередь, включает: а) рыночные мошенничества; б) мошенничества, связанные с невыполнением взятых обязательств; в) мошенничества, связанные с использованием документов, дающих право на приобретение либо получение имущества; г) мошенничества с использованием сводных документов бухгалтерского учета (бухгалтерские мошенничества) [10, с. 27—31]; мошенничество в сфере туризма [5, с. 16—18] и др.

Например, в качестве отдельных видов мошенничества стоит отметить банковское

мошенничество, телефонное мошенничество, кибермошенничество, мошенничество в строительной сфере, сфере спорта, здравоохранения и др.

Принимая во внимание ущерб, причиненный потерпевшему, можно выделить следующие виды мошенничества: 1) мошенничество, совершенное с причинением значительного ущерба гражданину; 2) мошенничество, совершенное в крупном размере; 3) мошенничество, совершенное в особо крупном размере.

Согласно нормативному подходу, в нормах уголовного законодательства России закреплены следующие виды мошенничества: мошенничество, мошенничество в сфере кредитования, мошенничество при получении выплат, мошенничество с использованием электронных средств платежа, мошенничество в сфере страхования и мошенничество в сфере компьютерной информации. В зависимости от уровня функционирования их можно дифференцировать на общие (предусмотрены статьей 159 УК РФ) и специальные виды (предусмотрены статьями 159^{1} — 159^{6} УК РФ).

В соответствии с формами соучастия и законодательной конструкцией составов преступлений, предусмотренных статьями 159 — 159^{6} УК РФ существует три вида мошенничеств: 1) мошенничество, совершенное группой лиц по предварительному сговору; 2) мошенничество, совершенное организованной группой; 3) мошенничество, совершенное преступным сообществом (преступной организацией).

В целях осуществления оценки состояния и динамики современных мошенничеств целесообразно исходить из нормативного подхода, поскольку на нем базируется статистический учет преступлений, в том числе мошенничества — одного из наиболее распространенных видов хищений и преступлений против собственности.

Криминологические характеристики мошенничеств свидетельствуют о ряде негативных тенденций.

Традиционно в структуре преступлений против собственности доминировали и доминируют кража. По обыкновению, число зарегистрированных мошенничеств измерялось величиной в два раза меньшей. Однако в настоящее время эта сложившаяся годами тенденция изменяется. Если по итогам 2021 года удельный вес (доля) мошенничеств составлял 28,4%, то в 2025 году этот показатель возрос на пятнадцать пунктов и достиг отметки 43,7%. По итогам 2025 года официальная статистика МВД России фиксирует 453 338 краж и 411 714 мошенничеств.

Согласно данным официальной статистической отчетности ФКУ «ГИАЦ МВД России» до 2024 г. фиксировалось неуклонное увеличение абсолютных и относительных показателей мошенничеств. В 2025 г. при снижении общего числа мошенничеств и их уровня, продолжил увеличиваться их удельный вес в структуре преступлений против собственности (таблица 1).

Таблица 1

Динамика зарегистрированных мошенничеств (2020—2024 гг.)

Показатели	Годы					Прирост/ снижение к 2024 г., %
	2021	2022	2023	2024	2025	
Всего зарегистрированных преступлений	2 004 404	1 966 795	1 947 161	1 911 258	1 771 174	-7,3
Количество зарегистрированных преступлений против собственности	1 195 838	1 169 495	1 136 957	1 040 969	942 442	-9,5
Количество зарегистрированных мошенничеств (статьи 159 — 159^{6} УК РФ)	339 606	342 085	433 708	445 690	411 714	-7,6
Доля мошенничеств в структуре преступлений против собственности, %	28,4	29,3	38,1	42,8	43,7	—
Уровень мошенничеств в Российской Федерации[1]	232,3	235,7	295,6	305,0	281,8	—

[1] Показатель «уровень мошенничеств в Российской Федерации» представляет собой относительный криминологический показатель, характеризующий количество зарегистрированного числа мошенничеств на 100 тыс. населения Российской Федерации.

Заметное снижение числа зарегистрированных мошенничеств обусловлено осуществлением комплекса профилактических мер федерального и регионального уровней, в число которых входили:

• использование МВД России и ФСБ России возможностей искусственного интеллекта в целях противодействия преступлениям;

• информирование населения об уголовной ответственности за продажу держателем банковской карты третьим лицам, которые могут использовать ее для оформления кредитов, участия в финансовых пирамидах, отмывании доходов, полученных преступным путем;

• регулярное обновление Банком России перечня мошеннических операций и их признаков;

• введение в действие новых правил денежных переводов[2];

• нормативное правовое закрепление возможности гражданином установить в своей кредитной истории запрет на заключение с ним кредитными и микрофинансовыми организациями договоров потребительского займа (кредита)[3];

• маркировка звонков, поступающих от юридических лиц и индивидуальных предпринимателей (название компании и категория деятельности)[4];

• предоставление правоохранительным органам возможности получать доступ к личным данным абонентов за сутки[5] и др.

В структуре мошенничеств преобладали посягательства, предусмотренные ст. 159 УК РФ, доля которых составляла 97,1% (всего — 399 966). Удельный вес иных видов мошенничества измерялся следующими величинами: в сфере кредитования (ст. 1591 УК РФ) — 0,3%, при получении выплат (ст. 1592 УК РФ) — 2,0%, с использованием электронных средств платежа (ст. 1593 УК РФ) — 0,02%, в сфере страхования (ст. 1595 УК РФ) — 0,4% и в сфере компьютерной информации (ст. 1596 УК РФ) — 0,07%.

Подавляющая часть мошенничеств (79,7%) совершается с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий. Многочисленные разновидности кибермошенничеств появились в период пандемии коронавируса. На сегодняшний день они приобрели новый формат, трансформировались, стали более технологичными, адресными и психологически выверенными. Количественно таких преступлений становится меньше, но качество схем усложняется и тяжесть последствий для потерпевших растет. Фактически мошенничество стало массовым цифровым преступлением, представляющим проблему не только уголовно-правового характера, но и личной цифровой дисциплины.

В этой связи могут быть выделены следующие тренды:

• рост количества фишинговых атак6 и распространение вредоносных программ в связи с расширением цифровой аудитории;

• атаки на цифровые платформы коммуникации, их взлом («*Zoombombing*»);

• рост числа криминальных проявлений в онлайн-играх;

• адаптация классических схем мошенничества при помощи методов социальной инженерии, когда потерпевший под психологическим воздействием добровольно переводит денежные средства или раскрывает банковские сведения, позволяющие злоумышленникам совершить хищение;

---

[2] См.: О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ // Российская газета. № 139. 27.06.2025.

[3] О нераспространении положений о запрете на ранее выданные кредитные карты : Письмо Банка России от 06.03.2025 № 44-19/1761. URL: https: //www.consultant.ru /cons/ cgi/online. cgi?req=doc&base=LAW&n=500524&dst=1000000001&cacheid=A8335B9965EDC97526 27CAF7CA3C7E79&mode=splus&rnd=00B3PPUSW7EgWZKG1#43vvoiUCQdaiCaKw (дата обращения: 17.05.2026).

[4] Кто звонил: Минцифры подготовило правила обязательной маркировки вызовов с бизнес-номеров. URL: https://www.consultant.ru/legalnews/28407/ (дата обращения: 20.05.2026).

[5] См.: Об установлении Порядка предоставления доступа к информационным системам и (или) базам данных, содержащим сведения о лицах, указанных в частях 1.1 и 1.2 статьи 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», обработки содержащихся в них персональных данных указанных лиц и формы предписания о предоставлении доступа к информационным системам и (или) базам данных, содержащим сведения о лицах, указанных в частях 1.1 и 1.2 статьи 6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» : Приказ ФСБ России № 245, СВР России № 56, Министра обороны РФ № 399, ФСО России № 85, МВД России № 411 от 25.06.2025. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.05.2026).

[6] Фишинговая атака — это рассылка мошеннических сообщений, источник которых кажется надежным в целях завладения конфиденциальной информацией (данных кредитной карты, учетных данных) или установки вредоносного программного обеспечения.

• активная эксплуатация в противоправных целях страхов населения (медицинских консультаций и онлайн-диагностики; потери денежных средств со счета банка, оказавшегося «под санкциями»; уголовной ответственности за якобы совершаемые переводы денежных средств в пользу ВСУ);

• использование искусственного интеллекта, нейросети, дипфейков в мошеннических схемах;

• появление новых видов, зависящих от актуальной социальной повестки, а также фиктивных сайтов, предлагающих загородный и зарубежный отдых в период каникул и отпусков;

• «схема Долиной»;

• спекуляции на темы осложнения социально-экономической ситуации в результате санкций и специальной военной операции на Украине. В их числе выделяются мошенничества, осуществляемые:

• при использовании запрещенных в России социальных сетей;

• посредством осуществления высокоэффективных инвестиционных вложений для проведения операций на международном валютном рынке;

• посредством инвестиций в криптовалюты и пвсевдокриптовалюты, хайп-проекты;

• через «посредничество» при оплате банковскими картами услуг зарубежных сервисов или установку *VPN*-сервисов;

• путем оформления псевдокомпенсаций;

• через «посредничество» при аренде и купле-продаже по цене ниже рыночной автомобилей, автозапчастей, электронных приборов и оборудования;

• аферы для нужд Вооруженных Сил России и др.

Потерпевшие от действий кибермошенников в основном подвергались кибератакам через социальные сети и мессенджеры, направленными на сбор учетных данных и взлом аккаунтов, с последующим использованием в целях совершения преступлений.

Негативными последствиями таких мошенничеств выступают не только финансовые потери, но и подорванная репутация организаций. Кроме того, необходимо отметить, что современные мошенничества все чаще направлены не на сбережения граждан, а на кредитоспособность и возможность заключения гражданско-правовых договоров [6, с. 119–127].

В настоящее время обеспечение региональной безопасности – одно из приоритетных направлений в практике государственных органов и общественных институтов. Эффективность этой деятельности зависит в том числе и от результатов криминологических исследований современных тенденций преступности, которые, прежде всего, позволяют своевременно, целенаправленно и продуктивно оказывать противодействие преступности и иным источникам опасности, оптимизировать управленческие решения, выработать научно обоснованные рекомендации по совершенствованию действующей модели правового обеспечения региональной безопасности в субъектах Российской Федерации.

Усиленное внимание ученых к особенностям региональной преступности началось только в конце XIX столетия. Однако этот процесс осуществлялся настолько стремительно и плодотворно, что уже в начале XX века обусловил появление «региональной криминологии» – самостоятельного направления в науке. Примечательно, что практически во всех криминологических трудах того времени, при исследовании различных видов преступности особое внимание уделялось специфике криминальной пораженности каждой губернии, области и округа Российской империи, которые, как правило, дифференцировали на четыре или шесть типологических групп.

В настоящее время снижение числа мошенничеств наблюдается во всех федеральных округах Российской Федерации. Вместе с тем в ряде субъектов России число мошенничеств увеличилось. Лидерами криминальной статистики по темпам прироста к 2024 году количества зарегистрированных мошенничеств в отчетном периоде, стали следующие субъекты Российской Федерации: Республика Тыва (+26,2 %; всего: 842), Республика Калмыкия (+19,7 %; всего: 655), Республика Бурятия (+15,5 %; всего: 3 644), Республика Марий Эл (+9,1 %; всего: 2 896), Курганская область (+8,7 %; всего: 2 052) и Самарская область (+8,6 %; всего: 8 639).

Максимальные абсолютные значения зарегистрированных мошенничеств зафиксированы в г. Москва (43 670), г. Санкт-Петербург (24 095), Краснодарском крае (18 812), Московской области (15 221) и Республике Татарстан (13 181).

Как видим в городе федерального значения – Москве регистрируется наибольшее количество мошенничеств, что объясняется не только высокой плотностью населения (5 116,8 чел. на 1 км2)[7]. С нашей точки зрения,

[7] В целом по России плотностью населения составляет 8,5 человека на 1 км^2.

в качестве основных детерминант выступают максимальные в России реальные денежные доходы населения и высокий уровень потребительских расходов. Москва является центром финансовой системы России. Здесь сконцентрирован наиболее развитый промышленный потенциал, расположена крупнейшая в стране торговая площадка — Московская биржа.

Приведенные официальные статистические данные МВД России, определяющие состояние и динамику мошенничеств, не позволяют говорить об их действительных масштабах, поскольку исследуемому виду преступлений свойственен не просто латентный, а гиперлатентный характер. По мнению экспертов, показатель гиперлатентности мошенничеств варьируется в пределах от 55% [1, с. 36] до 10 000% [2, с. 94].

К числу основных факторов гиперлатентности мошенничеств исследователи относят: высокий интеллектуальный уровень подготовки мошенничеств, вовлечение в мошеннические схемы должностных лиц, специфику самого мошеннического способа хищения, недостаточно эффективную деятельность правоохранительных органов [8, с. 34—36].

Последнее обстоятельство можно связать с низкой раскрываемостью мошенничеств — 16,1% (по итогам 2025 года). В то время как общероссийское значение раскрываемости — 50,1 %.

Мы полагаем, что латентность таких посягательств определена трудностями их выявления объективного характера:

• трансграничностью (возможностью нахождения преступников и потерпевших, а равно негативных последствий преступной деятельности не только в различных регионах одного государства, но и на территории другого государства) в отличие от субъектов предупреждения, ограниченных законодательными рамками, а также границами своих государств, языковыми, политическими и иными особенностями;

• высокой анонимностью и скрытностью, обеспечиваемых спецификой сетевого пространства;

• масштабностью преступной деятельности;

• возможностью манипуляций преступника с идентичностью (использования чужих имен, адресов, логинов, паролей и т.п.);

• отсроченностью информирования или неведение потерпевших о совершенных в отношении них мошеннических действий;

• многоэпизодностью, которая может не восприниматься как таковая, а также как несущая общественную опасность;

• нестандартностью, оригинальностью, сложностью, многообразием, частым обновлением способов совершения преступлений и др.

Все это предопределяет поиск новых способов и средств противодействиях таким преступлениям.

По нашему мнению, существенное значение на латентизацию мошенничеств оказывают активное использование мошенниками информационно-телекоммуникационных технологий, некомплект сотрудников правоохранительных органов, особенно органов внутренних дел, а также недостаточная подготовка кадрового состава подразделений, осуществляющих противодействие кибермошенничествам.

Латентизация мошенничеств обусловлена и низкой активностью потерпевших как субъектов уголовно-правовых отношений. Особенно в инициировании правовых мер реагирования со стороны правоохранительных органов, направленных на изобличение и привлечение виновных в совершении мошенничеств к уголовной ответственности. В ряде случаев потерпевшие не проявляют должной заинтересованности по защите своих субъективных прав, ведут себя инертно, индифферентно к восстановлению справедливости.

В качестве основных неотъемлемых последствий латентности мошенничеств следует обозначить преимущественно: искаженные представления о фактическом состоянии, уровне и динамике мошенничеств, о величине и характере ущерба; препятствие реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные мошенничества; рост рецидива преступлений; снижение достоверности прогнозов мошенничеств, затрудняющее определение основных направлений их предупреждения; снижение авторитета правоохранительных органов.

Учитывая состояние и динамику современных мошенничеств, необходимо отметить, что исследуемый вид преступности стал не только возрастающей национальной, но и международной проблемой, требующей применения современных и эффективных мер противодействия как в рамках одного отдельно взятого государства, так и в международном масштабе.

Совершенствование этих мер видится в реализации пяти подходов: международном, правовом, техническом, организационном и виктимологическом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белов Е. В. Мошенничество с недвижимостью в жилищной сфере. Способы совершения, проблемы квалификации : научно-практическое пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. — Москва : Юриспруденция, 2014. — 144 с.

2. Быков Ю. М. Мошенничество в сфере страхования (криминологические и уголовно-правовые проблемы) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ю. М. Быков. — Москва, 2006. — 196 с.

3. Гладышева Е., Кучкаров А. «Сбер» предупредил о новом виде мошенничества // Жилищное право. — 2022. — № 1. — С. 95—96.

4. Есаян А. К. Финансовое мошенничество: понятие и виды // Международное публичное и частное право. — 2022. — № 4. — С. 27—29.

5. Коваленко Т. С., Берестнев А. И. Актуальные проблемы борьбы с мошенничеством в сфере туризма // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2025. — № 2. — С. 16—18.

6. Мурсалимов А. Т. Цифровое рейдерство — новый способ мошенничества в сфере кредитования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2022. — № 1 (100). — С. 119—127.

7. Семенова В. В., Шеншин В. М. Тенденции развития противодействия различным видам мошенничества по российскому законодательству // Адвокатская практика. — 2022. — № 3. — С. 37—40.

8. Суховеев Е. М. Применение цифровых технологий в рамках расследований мошенничеств в сфере страхования // Российский следователь. — 2025. — № 8. — С. 9—14.

9. Фойницкий И. Я. Мошенничество по русскому праву. Ч. 1 : Сравнительное исследование И. Я. Фойницкого. — Москва, 2006. — 364 с.

10. Ценова Т. Л. Понятие, состав и виды коммерческого мошенничества // Российский судья. — 2004. — № 4. — С. 27—31.

REFERENCES

1. Belov E. V. *Moshennichestvo s nedvizhimost`yu v zhilishhnoj sfere. Sposoby` soversheniya, problemy` kvalifikacii* [Real Estate Fraud in the Housing Sector. Methods of Commission, Problems of Qualification]. Moscow, 2014. 144 p. (In Russian).

2. Bykov Yu. M. *Moshennichestvo v sfere straxovaniya (kriminologicheskie i ugolovno-pravovy`e problemy`). Kand. Diss.* [Fraud in the Insurance Sector (Criminological and Criminal-Legal Problems). Cand. Diss.]. Moscow, 2006. 196 p. (In Russian).

3. Gladysheva E., Kuchkarov A. "Sber" warned about a new type of fraud. *Zhilishhnoe pravo = Housing Law*, 2022, no. 1, pp. 95—96. (In Russian).

4. Esayan A. K. Financial fraud: concept and types. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo = International Public and Private Law*, 2022, no. 4, pp. 27—29. (In Russian).

5. Kovalenko T. S., Berestnev A. I. Current Problems in Combating Fraud in the Tourism Sector. *Ugolovno-ispolnitel`naya sistema: pravo, e`konomika, upravlenie = Penal System: Law, Economics, Management*, 2025, no. 2, pp. 16—18. (In Russian).

6. Mursalimov A. T. Digital raiding — a new method of fraud in the lending sector. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (100), pp. 119—127. (In Russian).

7. Semenova V. V., Shenshin V. M. Trends in the development of countering various types of fraud under Russian legislation. *Advokatskaya praktika = Advocate Practice*, 2022, no. 3, pp. 37—40. (In Russian).

8. Sukhoveev E. M. The Use of Digital Technologies in Investigating Fraud in the Insurance Sector. *Rossijskij sledovatel` = Russian Investigator*, 2025, no. 8, pp. 9—14. (In Russian).

9. Foinitsky I. Ya. *Moshennichestvo po russkomu pravu. Ch. 1 : Sravnitel`noe issledovanie I. Ya. Fojniczkogo* [Fraud under Russian Law. Part 1 : A Comparative Study by I. Ya. Foinitsky]. Moscow, Publishing House of SSU, 2006. 364 p. (In Russian).

10. Tsenova T. L. The Concept, Composition, and Types of Commercial Fraud. *Rossijskij sud`ya = Russian Judge*, 2004, no. 4, pp. 27—31. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гончарова Мария Витальевна (Москва) – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра № 1 Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (ФГКУ «ВНИИ МВД России») (121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1, e-mail: maria-g2009@yandex.ru).

Шиян Валентина Ивановна (Москва) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право, уголовный процесс и правоохранительная деятельность» Юридического института Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ) (127055, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9, e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Goncharova, Maria V. (Moscow) – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Researcher at the Scientific Research Center No. 1 of the All-Russian Scientific Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (FGKU VNII MIA of Russia) (121069, Moscow, Povarskaya str., 25, building 1, e-mail: maria-g2009@yandex.ru).

Shiyan, Valentina I. (Moscow) – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Law Enforcement at the Law Institute of the Russian University of Transport (RUT (MIIT) (127055, GSP-4, Moscow, Obraztsova Street, house 9, building 9, e-mail: valentina-shiyan@yandex.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 343

В. В. Порайко
Дальневосточный институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), Хабаровск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3278-5028
ResearcherID: PXY-1141-2026

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ОПОСРЕДОВАННЫХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 99—110.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.9.99-110
Дата поступления 03.05.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

В научной статье исследуются теоретико-правовые основы реализации принципа вины применительно к преступлениям, совершаемым с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств. Автор обращает внимание на трансформацию классических категорий уголовного права под влиянием цифровизации и автоматизации транспортной сферы. Особое внимание уделено проблеме субъекта преступления и определению формы вины при автономных действиях транспортных систем, управляемых искусственным интеллектом. В рамках анализа рассмотрены существующие нормативные и доктринальные подходы к определению понятий «высокоавтоматизированное транспортное средство», «беспилотное транспортное средство» и «автономный транспорт», выявлены противоречия и пробелы терминологического аппарата, препятствующие единообразному применению уголовно-правовых норм. Показано, что отсутствие легального определения данных категорий затрудняет установление причинно-следственной связи между поведением человека и результатами функционирования автоматизированной системы, а также ведет к риску объективного вменения. Обосновывается необходимость разработки единого межотраслевого легального определения понятия «высокоавтоматизированное транспортное средство», а также создания унифицированной классификации уровней автономности, отражающей степень участия человека в управлении. Аргументируется, что правовое регулирование ответственности в сфере эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств должно опираться на принципы вины и справедливости. В заключении подчеркивается, что формирование единого терминологического аппарата и адаптация уголовно-правовых конструкций в контексте цифровизации транспортной сферы является необходимым условием сохранения принципа виновной

ответственности и предотвращения объективного вменения в условиях использования технологий искусственного интеллекта. Дополнительно отмечается необходимость дальнейшего развития судебной практики и научных исследований, направленных на уточнение критериев уголовной ответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Принцип вины; субъективная сторона преступления; высокоавтоматизированное транспортное средство; автономные системы управления; искусственный интеллект; уголовная ответственность; причинная связь; дистанционное управление; цифровизация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Порайко В. В. Субъективные признаки преступлений, опосредованных использованием высокоавтоматизированных транспортных средств // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 99—110. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.9.99-110

UDC 343

V. V. Porayko
Far Eastern Institute (branch)
of the All-Russian State University of Justice,
Khabarovsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-3278-5028
ResearcherID: PXY-1141-2026

SUBJECTIVE CHARACTERISTICS OF CRIMES INVOLVING THE USE OF HIGHLY AUTOMATED VEHICLES

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 3, pp. 99—110.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.9.99-110
Received 03.05.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT

The scientific article examines the theoretical and legal foundations of implementing the principle of guilt in relation to crimes committed using highly automated vehicles. The author draws attention to the transformation of classical categories of criminal law under the influence of digitalization and automation in the transport sector. Special attention is paid to the problem of the subject of the crime and the definition of the form of guilt in the autonomous actions of transport systems controlled by artificial intelligence. Within the framework of the analysis, the existing regulatory and doctrinal approaches to defining the concepts of "highly automated vehicle," "unmanned vehicle," and "autonomous transport" have been examined; contradictions and gaps in the terminological apparatus that hinder the uniform application of criminal law norms have been identified. It has been shown that the absence of a legal definition of these categories makes it difficult to establish a cause-and-effect relationship between human behavior and the results of the automated system's operation, and also leads to the risk of objective imputation. The necessity of developing a unified intersectoral legal definition of the concept of "highly automated vehicle" is substantiated, as well as the creation of a unified classification of autonomy levels reflecting the degree of human involvement in control. It is argued that the legal regulation of liability in the field of operation of highly

automated vehicles should be based on the principles of guilt and justice. In conclusion, it is emphasized that the formation of a unified terminological apparatus and the adaptation of criminal law constructs in the context of digitalization of the transport sector is a necessary condition for preserving the principle of culpable liability and preventing objective imputation in the context of the use of artificial intelligence technologies. Additionally, it is noted that further development of judicial practice and scientific research is needed to clarify the criteria for criminal liability.

KEYWORDS

The principle of guilt; the subjective side of a crime; a highly automated vehicle; autonomous control systems; artificial intelligence; criminal liability; causation; remote control; digitalization.

FOR CITATION

Porayko V. V. Subjective Characteristics of Crimes Involving the Use of Highly Automated Vehicles. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 99—110. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.9.99-110

Современный этап развития общественных отношений характеризуется их стремительной цифровизацией, внедрением технологий искусственного интеллекта и автоматизацией различных сферы жизнедеятельности, включая транспортную отрасль. Наиболее значимые изменения происходят в связи с активным распространением высокоавтоматизированных транспортных средств, функционирование которых частично или же, в некоторых случаях, полностью исключает непосредственное участие человека в управлении. Названные процессы обуславливают необходимость переосмысления традиционных уголовно-правовых категорий и, в первую очередь, принципа вины как краеугольного основания уголовной ответственности.

В классической доктрине уголовного права вина рассматривается как психическое отношение лица к совершаемому деянию и его последствиям, что предполагает наличие сознания, воли и возможности выбора. Однако, при функционировании высокоавтоматизированных систем указанные категории не проявляются в традиционном виде. Возникает целый ряд вопросов: кто является субъектом деяния: оператор, разработчик, владелец или пользователь системы? Каким образом определить форму и степень вины, если причинение вреда стало следствием автономного решения алгоритма, а не непосредственного действия человека? Эти коллизии свидетельствуют о разрыве между технической реальностью и правовой доктриной, требуя соответствующей адаптации уголовно-правового регулирования [см.: 13, с. 69].

Особую остроту проблема приобретает в транспортной сфере, где использование высокоавтоматизированных транспортных средств сопряжено с повышенным риском для жизни и здоровья граждан, общественной безопасности и экологической среды. Ошибки алгоритма, сбои сенсорных систем, вмешательство в программное обеспечение или неосторожное использование автоматизированных режимов движения могут повлечь тяжкие последствия, предусмотренные статьями 264, 267 и 268 УК Российской Федерации, а также выступить средством совершения умышленных преступлений (например, террористических актов, предусмотренных ст. 205 УК РФ). В этих условиях традиционные конструкции вины и причинной связи оказываются недостаточными для квалификации таких деяний и определения границ уголовной ответственности. Отсутствие единообразного подхода к определению субъекта и формы вины в подобных ситуациях создает риски неопределенности правоприменения, сопряженные с нарушением принципов вины и справедливости.

Неразрешенность вопросов юридической ответственности создает дополнительные административные барьеры для внедрения высокоавтоматизированных транспортных средств. Недопустим перегиб и в иную сторону, когда чрезмерная «зарегулированность» сферы робототехники без должного учета перспективных направлений развития научно-технического прогресса, а равно при их неверном прогнозировании, также станет препятствием для широкого распространения инноваций [см.: 20, с. 67].

Прежде всего, необходимо обратить внимание на проблему терминологии. Применительно к интересующим нас техническим

устройствам в законодательстве и доктрине используется целый ряд терминов, которые должны быть согласованы друг другом. Отсутствие четкого категориального аппарата неизбежно ведет к путанице и затрудняет выработку научно обоснованных решений, направленных на совершенствование правового регулирования.

Законодатель избрал в качестве обобщающего термин «высокоавтоматизированные транспортные средства». В п. 2 Постановления Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств» для целей данной программы закреплено следующее определение: ««высокоавтоматизированное транспортное средство» — колесное транспортное средство, оснащенное автоматизированной системой управления при его изготовлении или путем внесения изменений в его конструкцию, осуществляющее движение в автоматизированном режиме управления». Такое определение охватывает уровни автоматизации 3-4 по классификации *SAE International* (*J*3016), то есть системы, где: управление осуществляется в основном автоматикой, но сохраняется возможность вмешательства человека (водителя или оператора), либо человек выполняет надзор за движением дистанционно. Вместе с тем, данная формулировка выводит за рамки высокоавтоматизированных транспортных средств беспилотные воздушные, а также водные и подводные транспортные средства. Соответственно, она не может быть принята на вооружение в качестве универсального легального определения интересующего нас понятия.

Высокоавтоматизированными именуются не только полностью беспилотные транспортные средства, но и те, где автоматическая система берет на себя функции управления в пределах установленных сценариев, сохраняя за человеком контроль или возможность вмешательства. В российской практике к ним относятся, прежде всего, экспериментальные беспилотные автомобили Яндекса и КамАЗа, эксплуатируемые по разрешениям Минтранса РФ. На международном уровне аналогичные функции реализованы в *Mercedes-Benz EQS* (*Drive Pilot*), *Tesla FSD*, *Honda Legend Level* 3, *BMW i*7, *Volvo EX*90, *Audi A*8 *L Traffic Jam Pilot*.

Правительство РФ исходит из того, что высокоавтоматизированные транспортные средства — это колесные технические устройства. При этом, например, высокоавтоматизированные рельсовые транспортные средства определяются в посвященном им постановлении через те же самые признаки. Более того, формулировка определения идентична приведенной нами ранее, за тем исключением, что слово «колесное» заменено на слово «легкорельсовое».

Довольно лаконичная формулировка содержится в ч. 5 ст. 32 Воздушного кодекса РФ от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ: «беспилотное воздушное судно — воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот)». Воздушный кодекс РФ использует, тем самым, функциональный подход, определяя беспилотное воздушное судно через способ управления (пилот вне борта), что отражает техническую природу явления, но не содержит признаков уровня автоматизации.

Термин «высокоавтоматизированные транспортные средства», с некоторыми оговорками, применим и к сфере трубопроводного транспорта, указание на что можно встретить в научной литературе [см.: 1, с. 87]. Функционирующие в данной сфере высокоавтоматизированные транспортные средства выполняют преимущественно вспомогательные функции (диагностика, ремонт, мониторинг, охрана). Трубопроводный транспорт — это стационарная, а не мобильная транспортная система, где перемещение вещества (газа, нефти, химических жидкостей) осуществляется по фиксированным магистралям при помощи насосных и компрессорных установок. Здесь отсутствует «водитель» в традиционном смысле: управление осуществляется дистанционно, посредством автоматизированных систем диспетчерского контроля и управления технологическими процессами (АСУ ТП, *SCADA*-систем). Таким образом, перемещение вещества в трубопроводе не образует «транспортное средство» в классическом понимании, а потому высокоавтоматизированные транспортные средства в строгом смысле этого термина в данной сфере не эксплуатируются [6, с. 891].

Отсутствие единого категориального аппарата влечет не только лексические расхождения, но и доктринально-методологические затруднения, препятствующие системному развитию законодательства в сфере цифровых инноваций, а также адаптации уголовно-правового инструментария под нужды охраны данной сферы общественных отношений. С точки зрения юридической техники, использование в нормативных правовых

актах терминов «высокоавтоматизированные транспортные средства», «беспилотные воздушные суда», «автоматизированные системы управления» без единых критериев приводит к нарушению принципа нормативной согласованности, что снижает эффективность правоприменения. Законодатель фактически создает параллельные дефинитивные конструкции для различных видов транспорта (колесного, рельсового, воздушного), не формируя общего родового понятия, под которое они могли бы быть логически подведены.

Таким образом, современное российское законодательство демонстрирует фрагментарность и концептуальную разобщенность при определении юридической сущности автоматизированных транспортных средств. Помимо названных негативных последствий, такая ситуация противоречит принципу системности законодательства. Терминологическая неоднородность нормативных правовых актов, регулирующих сферу высокоавтоматизированных транспортных средств, является системной проблемой, потенциально ведущей к коллизиям и неопределенности правоприменения. Представленные в законодательстве определения носят отраслевой характер, что не позволяет выработать универсальную юридическую конструкцию для всех типов автономных транспортных систем (наземных, воздушных, водных, подводных). Более того, преобладание технического подхода (через описание конструкции транспортного средства) над функционально-правовым (через принципы управления и степень автономности) сужает рамки правового регулирования и не отражает реальную многоуровневую структуру автоматизации.

В свете сказанного, вполне справедливой выглядит оценка Е. А. Березиной, которая усматривает основную проблему юридической ответственности за посягательства, связанные с эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств в отсутствии профильного федерального закона, который бы регламентировал складывающиеся в этой сфере общественные отношения [4, с. 43].

По сути, ясность терминологии выступает предпосылкой реализации принципа виновной ответственности в условиях использования беспилотных транспортных средств. Без единых юридических терминов и определений невозможно: установить границы участия человека в механизме повлекшего общественно опасные последствия происшествия; определить субъекта и форму вины; отличить преступное поведение от объективного технического сбоя.

Принцип вины (ст. 5 УК РФ) предполагает, что уголовная ответственность возможна лишь при наличии виновного отношения лица к совершенному деянию. Для того чтобы установить вину (умысел, неосторожность или же ее отсутствие), необходимо четко определить: предмет посягательства (транспортное средство, являющееся источником повышенной опасности); средство совершения преступления (беспилотное или автоматизированное устройство); характер участия человека в процессе управления. Если законодательно и доктринально не определено, что именно понимается под «беспилотным» или «высокоавтоматизированным» транспортным средством, то невозможно установить, какова роль человека (оператора, разработчика, владельца или программиста) в механизме причинения вреда. Следовательно, размытость понятийного аппарата напрямую препятствует применению принципа вины, поскольку не позволяет установить субъект и форму его психического отношения к деянию и последствиям.

До тех пор, пока не определено, что именно считается «беспилотным транспортным средством» и какова степень автономности его действий, невозможно разграничить: преступную неосторожность лица, допустившего ошибку при эксплуатации или настройке системы, и объективное отсутствие вины, когда вред причинен вследствие автономных решений искусственного интеллекта вне пределов человеческого контроля. Иными словами, без нормативного закрепления технических категорий невозможно выстроить иерархию вины от небрежности в выборе режима управления до косвенного умысла при игнорировании рисков программирования.

В настоящий момент, безусловно, назрела необходимость разработки единого межотраслевого легального определения понятия «высокоавтоматизированное (или автономное) транспортное средство», охватывающего все виды транспорта (наземного, воздушного, водного, рельсового и трубопроводного), с выделением подвидов в зависимости от уровня автоматизации. Также целесообразно утвердить единую классификацию уровней автоматизации (по аналогии с международной шкалой *SAE Levels* 0-5 [19, с. 135]), включив ее в структуру федерального закона, что обеспечит правовую преемственность при регулировании разных транспортных подсистем. Следующим шагом должна стать систематизация терминологии действующих нормативных актах с целью устранения ду-

блирования и противоречий между отраслевыми кодексами (Воздушным, Водным, Уставом железнодорожного транспорта и др.).

Весьма разумным видится подход, отраженный в Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р. Ее авторы верно исходят из того, что термин «высокоавтоматизированное транспортное средство» более корректен, нежели термин «беспилотное транспортное средство» по причине того, что он отражает сущностный признак данного вида техники — степень автоматизации управления.

Термин «беспилотный», в свою очередь, носит упрощенный и довольно условный характер. Он концентрирует внимание на внешнем признаке — отсутствии пилота или водителя в кабине, что не всегда соответствует фактическому уровню технологического развития. Современные транспортные системы нередко функционируют в условиях частичной автоматизации, при которой сохраняется необходимость периодического вмешательства человека или дистанционного контроля. Следовательно, обозначение «беспилотный» не охватывает всего спектра промежуточных форм взаимодействия человека и автоматизированной системы. Кроме того, транспортное средство, управляемое дистанционно оператором, формально подпадает под категорию «беспилотного», хотя в действительности далеко не всегда обладает свойствами автономности, то есть не функционирует на основе встроенных алгоритмов искусственного интеллекта или автоматизированных решений. Это усугубляет терминологическую неопределенность, затрудняющую разграничение между автономным и дистанционно управляемым транспортом, что особенно важно при решении вопросов ответственности, сертификации и безопасности. Управляемые дистанционно транспортные средства должны признаваться высокоавтоматизированными лишь при наличии у них встроенных систем автоматического управления движением, исключающими в определенные промежутки времени участие оператора.

Еще большая, чем в законодательстве, разноголосица не только в определении, но и в самом наименовании рассматриваемых транспортных средств наблюдается в научной литературе.

Так, в частности, С. М. Кочои оперирует термином «беспилотные мобильные средства» [12, с. 129], охватывающим все виды автономно (без экипажа) движущихся транспортных средств, вне зависимости от того, перемещаются ли они по суше, воздуху, водной поверхности, или же под водой. А. В. Зубач [7], А. О. Ананенко [1], А. И. Коробеев и А. И. Чучаев [11], используют словосочетание «беспилотные транспортные средства». Н. А. Семерьянова и А. Р. Салимгареева отдают предпочтение категории «автономные транспортные средства» [15, с. 90]. Н. В. Тыдыкова разграничивает термины «высокоавтоматизированные» и «беспилотные транспортные средства», считая наиболее перспективным наименование «беспилотные мобильные объекты» [18, с. 269]. И. Р. Бегишев в качестве обобщающего предлагает понятие «автономная робототехника» [2, с. 46].

Отсутствие не только легального, но и доктринального единого определения автоматизированных транспортных средств осложняет разрешение вопроса о том, кто именно выступает субъектом преступления: человек, управляющий устройством дистанционно (в случае, если такое управление или же его возможность имели место), лицо, запрограммировавшее алгоритм, производитель, или же владелец транспортного средства. Терминологическая фрагментация приводит к дополнительным сложностям в определении субъекта преступления, что подрывает фундамент принципа виновной ответственности. Кроме того, уже сегодня можно говорить о распространении интегрированных транспортных технологий, отражающих взаимосвязь автоматизации, искусственного интеллекта и цифровой инфраструктуры в управлении транспортом.

Использование высокоавтоматизированных транспортных средств при совершении преступлений может повышать степень общественной опасности деяния. Это связано с тем, что такие устройства обладают высоким потенциалом причинения вреда при сбоях или же неправомерном применении, а также затрудняют идентификацию субъекта преступления, поскольку действия совершаются через автономные системы. Причем круг преступлений, опосредованных использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, не исчерпывается транспортными преступлениями и потенциально включает в себя, например, такие деяния, как преступления террористического характера или же киберпосягательства на системы автоматического управления.

Общественно опасные последствия могут, в частности, явиться результатом: не-

умышленных ошибок при проектировке, производстве, осуществлении ремонта и модернизации программного обеспечения высокоавтоматизированных транспортных средств [см.: 8, с. 9]; несанкционированного использования, а равно умышленного противоправного внешнего вмешательства в электронные системы, обеспечивающие функционирование высокоавтоматизированных транспортных средств [см.: 17, с. 425].

Подобные ситуации прямо не оговорены действующим уголовным законодательством, что ставит вопрос о целесообразности криминализации соответствующих деяний. При этом, изменения и дополнения уголовного закона в этой части должны основываться, в числе прочего, на таком критерии криминализации, как достаточная степень распространенности подобных посягательств. Учитывая довольно слабую степень цифровизации российского транспортного парка, говорить о необходимости коренной модернизации отечественного уголовного законодательства в этой части представляется преждевременным [5, с. 97]. На данном этапе для эффективного противодействия описанным посягательствам вполне достаточно потенциала действующих норм уголовного закона.

Также как избыточное можно оценить высказанное С. М. Кочои предложение, согласно которому «в примечании 1 к ст. 264 УК РФ, после слов «а также транспортные средства», следует указать «включая беспилотные транспортные средства»» [12, с. 131].

Согласно действующей редакции примечания 1 к ст. 264 УК РФ, «под другими механическими транспортными средствами в настоящей статье и статьях 264.1 и 264.3 настоящего Кодекса понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право». Думается, что процитированное примечание вполне охватывает беспилотные транспортные средства как по техническому признаку (наличию двигателя, способности к движению), так и по признаку допуска к эксплуатации на основе получения специального права.

Словосочетание «иные механические транспортные средства», трактуется через нормы п. 1.2 Правил дорожного движения РФ, где под механическим транспортным средством понимается «транспортное средство, приводимое в движение двигателем», а также ст. 2 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», где используется близкая дефиниция (с акцентом на перевозке как предназначении данного устройства). Тем самым, закон связывает понятие транспортного средства не с участием человека, а с наличием двигателя как источника движения.

На сегодняшний день в законодательстве Российской Федерации, по общему правилу, не предусмотрено отдельное специальное право на управление беспилотными транспортными средствами в системе общегражданских водительских удостоверений. Иными словами, законодательство не требует отдельной регистрации таких транспортных средств и не устанавливает каких-либо особенностей получения допуска к управлению ими. При этом, следует отметить, что в рамках экспериментальных правовых режимов, регулирующих эксплуатацию высокоавтоматизированных транспортных средств, установлены особые условия допуска к их использованию и контролю за ними. Как следует из упоминавшегося Постановления Правительства РФ от 9 марта 2022 г. № 309, управление такими транспортными средствами допускается операторами-участниками эксперимента, имеющими: разрешение Минтранса России на участие в эксперименте; согласованную программу испытаний и техническую документацию; водителя-испытателя или удаленного оператора, прошедшего специальную подготовку.

Предусмотрены следующие условия: дистанционный оператор должен обладать водительским удостоверением соответствующей категории; он обязан пройти специальное обучение по управлению высокоавтоматизированным транспортным средством; оператор допускается к управлению только в рамках утвержденной программы эксперимента, на специально определенных маршрутах и при соблюдении установленных технических и метеоусловий. В перспективе, как пишет, в частности, А. В. Зубач, «вопрос о подготовке и допуске лиц к управлению и эксплуатации беспилотных транспортных средств» заслуживает «отдельного правового регулирования» [7, с. 83]. Тем самым, формально по конструкции закона высокоавтоматизированные транспортные средства подпадают под категорию «иных механических транспортных средств», упомянутых в примечании 1 к ст. 264 УК РФ.

Статья 264 УК РФ предусматривает ответственность лица, управляющего транспортным средством. Беспилотное же средство, функционирующее в автономном режиме, не имеет «управляющего» в классическом смысле, что

ставит под сомнение возможность применения данной статьи в отношении таких случаев. По общему правилу, отсутствие человека, непосредственно осуществляющего управление, исключает субъективный элемент состава. Тем самым, вина должна устанавливаться по иному критерию, а именно, через: небрежное программирование системы; ненадлежащий контроль за ее эксплуатацией; допуск неисправного устройства к движению.

Следует при этом оговориться, согласившись с Н. Ю. Поповой в том, что «искусственный интеллект настроен очень тонко, и если произошло столкновение, то в этом с наибольшей вероятностью виноват второй участник, а не автономный транспорт, который учел все возможные и невозможные препятствия и ситуации на дороге» [14, с. 18].

По мнению А. И. Коробеева и А. И. Чучаева, субъект рассматриваемых преступлений, являясь специальным, «должен включать: 1) персонифицированных разработчиков конкретной компьютерной программы, предназначенной для конкретного БТС; 2) лиц, контролирующих безопасную эксплуатацию этих программ; 3) владельцев БТС, обязанных осуществлять текущий контроль за безопасными условиями их эксплуатации; 4) лиц, находящихся в БТС и осуществляющих непосредственный контроль за безопасностью его эксплуатации» [11, с. 25].

Данный перечень следует дополнить еще двумя категориями виновных.

Во-первых, в случае неправомерного и несанкционированного компанией-производителем и владельцем высокоавтоматизированного транспортного средства доступа к его электронным системам, субъектом такого преступления выступает лицо, которое данное вмешательство осуществило (Н. А. Семерьянова и А. Р. Салимгареева называют такое лицо «нелегитимным субъектом») [15, с. 93].

Во-вторых, субъектом преступлений, опосредованных использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, может быть и водитель, который управляет транспортным средством дистанционно. Разумеется, при условии, что он фактически осуществлял управление, и нарушение им правил дорожного движения находилось в причинной связи с наступившими последствиями.

Как пишет Е. В. Ким, «к оценке содеянного оператором автономного транспортного средства подходит традиционная концепция вины, в частности, ориентированная на квалификацию неосторожного причинения вреда в результате нарушения специальных правил безопасности» [9, с. 204].

При дистанционном (телеметрическом) управлении водительские обязанности и запреты (соблюдение сигналов, знаков, скоростных режимов, трезвость, контроль обстановки и т.п.) распространяются на оператора, если именно его волевые команды определяли траекторию/скорость, либо он активировал режимы, предполагающие обязанность контроля и своевременного вмешательства. При доказанности: (1) факта управления, (2) нарушения применимых правил, (3) причинной связи с наступившими общественно опасными последствиями, дистанционный оператор подлежит уголовной ответственности по ст. 264 УК РФ.

В этой связи нельзя согласиться с А. О. Ананенко, на взгляд которого при отсутствии водителя (пилота) в транспортном средстве он именуется оператором и «выбывает из числа субъектов юридической ответственности» [1, с. 10].

При этом, безусловно, небезынтересна предлагаемая названным автором концепция юридической ответственности в рассматриваемой сфере. А. О. Ананенко, при определении субъектов юридической ответственности за совершение посягательств с использованием беспилотных транспортных средств, руководствуется критерием автономности транспортного средства. Данный подход основан на предположении, что степень участия человека в управлении транспортным средством прямо коррелирует с кругом возможных субъектов ответственности и характером их вины.

А. О. Ананенко предлагает определять субъектов ответственности с учетом уровня автономности транспортного средства. При частичной автоматизации возможными субъектами выступают водитель, оператор, собственник и производитель; при дистанционном управлении — оператор, собственник и изготовитель; при полной автономности — разработчик, производитель, владелец либо лицо, умышленно использующее такую технику в противоправных целях. Данный подход заслуживает внимания, поскольку позволяет увязать круг субъектов ответственности со степенью участия человека в управлении. [1, с. 113—124].

Предложенная А. О. Ананенко классификация представляет собой важный шаг к систематизации проблем уголовной ответственности в сфере применения высокоавтоматизированных транспортных средств, однако она не лишена определенных методологических ограничений.

Во-первых, критерий автономности, хотя и обладает эвристической ценностью,

не может служить единственным основанием для разграничения субъектов уголовной ответственности. Уровень автоматизации определяет лишь степень технической вовлеченности человека в процесс управления, но не раскрывает содержание психического отношения лица к совершаемому деянию. Между тем именно субъективная сторона преступления играет ключевую роль в определении ответственности.

Во-вторых, производитель высокоавтоматизированного транспортного средства и его владелец не могут признаваться субъектами преступления «автоматически», упрощенно, без учета и оценки фактического наличия у них возможности и обязанности предотвратить наступление общественно опасных последствий.

В-третьих, автор не учитывает принцип разграничения ответственности физических и юридических лиц, что особенно важно в контексте транснациональных корпораций — производителей систем искусственного интеллекта [10, с. 186].

В действующем российском уголовном праве юридические лица не признаются субъектами преступления, что делает предложенную модель неполной без учета институтов гражданско-правовой и административной ответственности.

Таким образом, концепция А. О. Ананенко, несмотря на теоретическую значимость, требует уточнения с позиций доктрины принципа вины, причинной связи и реального контроля за источником повышенной опасности. В перспективе научного развития данная классификация должна быть дополнена элементами риск-ориентированного подхода и концепцией распределенной ответственности между участниками жизненного цикла высокоавтоматизированного транспортного средства [3, с. 61—73].

М. В. Степанов и В. И. Прынова считают, что совершение преступления с использованием автономного беспилотного транспортного средства, полностью исключающего человеческий фактор в процессе управления, «следует признавать это обстоятельством, исключающим преступность деяния, с соответствующим внесением в уголовное законодательство РФ» [16, с. 109].

Думается, что это утверждение неверно. Если высокоавтоматизированное транспортное средство двигалось в автономном режиме без управления и без обязанности оператора мониторить и вмешиваться в процесс движения (или такое вмешательство было объективно невозможно), а причинная связь наличествует с дефектом алгоритма (программного обеспечения), некачественным обслуживанием или внешним неправомерным вмешательством, субъектность присутствует, смещаясь к иным лицам (таким, как разработчик, сотрудник обслуживающей организации, лицо, осуществившее вмешательство). При совместном контроле (автономия + удаленный надзор) возможна конкуренция причинных вкладов (оператор — за несвоевременное вмешательство; эксплуатант — за допуск к эксплуатации; разработчик — за дефект). Для снятия возможных коллизий целесообразно дополнить Правила дорожного движения положением, приравнивающим к водителю дистанционных операторов механических транспортных средств и лиц, активирующих режимы автоматизированного движения механических транспортных средств с обязанностью последующего контроля.

Настоящая статья, безусловно, не исчерпывает всего круга вопросов реализации принципа вины применительно к преступлениям, опосредованным использованием высокоавтоматизированных транспортных средств. Поднятые проблемы образуют научно и практически значимое направление научного поиска, призванного обеспечить адаптацию уголовного законодательства к реалиям цифровой эпохи. Дальнейшие научные изыскания в данной области должны быть направлены на формирование новых методологических оснований для разграничения вины человека и алгоритмического поведения системы, выработку критериев справедливого распределения ответственности между субъектами технологического взаимодействия и разработку предложений по совершенствованию уголовного законодательства в сфере безопасности транспортной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ананенко А. О. Административно-правовое регулирование применения беспилотных транспортных средств : дис... канд. юрид. наук. — Москва, 2024. — 159 с.

2. Бегишев И. Р. Автономная робототехника в системе уголовно-правовых отношений : монография. — Москва : Проспект, 2022. — 57 с.

3. Бегишев И. Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой : монография. — Москва : Проспект, 2022. — 84 с.

4. Березина Е. А. Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств // Правовое государство: теория и практика. — 2022. — № 3. — С. 41—55.

5. Бимбинов А. А. Криминальные угрозы транспортной среды «умного города» // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2020. — № 3 (51). — С. 94—99.

6. Граб И. В., Спасибов В. М. Автоматизированные системы управления трубопроводным транспортом: эволюция, новые подходы и будущее управления критической инфраструктурой // Вестник науки. — 2025. — № 6 (87). — Т. 5.— С. 887—895.

7. Зубач А. В. Концептуальные подходы к юридической ответственности за нарушение правил использования беспилотных транспортных средств // Криминологический журнал. — 2024. — № 2. — С. 79—85.

8. Каух П. В., Шишкин Н. Д., Дидковский Е. В. Проблемы правового регулирования использования беспилотных транспортных средств в уголовном праве // Colloquium-Journal. — 2019. — № 13-13 (37). — С. 8—10.

9. Ким Е. В. Проблемы юридической ответственности при использовании высокоавтоматизированного автомобильного транспорта // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 6 (222). — С. 204—205.

10. Кобзева Е. В., Ситник В. Н. Перспективы установления уголовной ответственности юридических лиц в условиях развития сферы автономного транспорта // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2022. — № 2 (145). — С. 184—193.

11. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Беспилотные транспортные средства: новые вызовы общественной без опасности // Lex Russica. — 2019. — № 2 (147). — С. 9—28.

12. Кочои С. М. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — Т. 16. — № 7. — С. 125—135.

13. Незнамов А. В., Наумов В. Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. — 2018. — № 2. — С. 69—89.

14. Попова Н. Ю. Субъект преступления при ДТП с участием беспилотника // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2021. — № 1 (80). — С. 16—19.

15. Семерьянова Н. А., Салимгареева А. Р. Проблемы привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших противоправные деяния в отношении личности, общества и государства в процессе эксплуатации автономных транспортных средств // Правопорядок: история, теория, практика. — 2022. — № 4 (35). — С. 88—94.

16. Степанов М. В., Прынова В. И. Уголовно-правовые риски использования беспилотных транспортных средств // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2023.— Т. 8, № 1 (15). — С. 107—111.

17. Трофимов В. Е. Беспилотные транспортные средства как потенциальный предмет уголовных правоотношений // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. — 2020. — № 1 (3). — С. 422—430.

18. Тыдыкова Н. В. Об уголовной ответственности за вред, причиненный в ходе эксплуатации высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств // Вестник Томского государственного университета. — 2021. — № 471. — С. 264—270.

19. Чикрин Д. Е., Кокунин П. А., Пашин Д. М. и др. Основные принципы построения архитектур информационных систем беспилотных транспортных средств, предложенные // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2024. — Т. 26, № 4. — С. 131—142.

20. Юридическая концепция роботизации : монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. — Москва : Проспект, 2019. — 240 с.

REFERENCES

1. Ananenko A. O. *Administrativno-pravovoe regulirovanie primeneniya bespilotny`x transportny`x sredstv. Kand. Diss.* [Administrative and legal regulation of the use of unmanned vehiclesю Cand. Diss.]. Moscow, 2024. 159 p. (In Russian).

2. Begishev I. R. *Avtonomnaya robototexnika v sisteme ugolovno-pravovy`x otnoshenij* [Autonomous Robotics in the System of Criminal Law Relations]. Moscow, Prospekt, 2022. 57 p. (In Russian).

3. Begishev I. R. *Ugolovno-pravovaya oxrana obshhestvenny`x otnoshenij, svyazanny`x s robototexnikoj* [Criminal Law Protection of Social Relations Related to Robotics]. Moscow, Prospekt, 2022. 84 p. (In Russian).

4. Berezina E. A. Problems of legal regulation of legal liability for harm caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 41—55. (In Russian).

5. Bimbinov A. A. Criminal threats to the transport environment of a "smart city". *Yuridicheskaya nauka i praktika. Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice. Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 3 (51), pp. 94—99. (In Russian).

6. Grab I. V., Spasibov V. M. Automated control systems for pipeline transport: evolution, new approaches, and the future of critical infrastructure management. *Vestnik nauki = Bulletin of Science*, 2025, no 6 (87), vol. 5, pp. 887-895. (In Russian).

7. Zubach A. V. Conceptual approaches to legal liability for violation of the rules for the use of unmanned vehicles. *Kriminologicheskij zhurnal = Criminological journal*, 2024, no. 2, pp. 79—85. (In Russian).

8. Kaukh P. V., Shishkin N. D., Didkovsky E. V. Problems of legal regulation of the use of unmanned vehicles in criminal law. *Colloquium-Journal*, 2019, no. 13-13 (37), pp. 8—10. (In Russian).

9. Kim E. V. Problems of legal liability when using highly automated motor transport. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*, 2023, no. 6(222), pp. 204—205. (In Russian).

10. Kobzeva E. V., Sitnik V. N. Prospects for Establishing Criminal Liability of Legal Entities in the Context of the Development of Autonomous Transport. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2022, no. 2 (145), pp. 184—193. (In Russian).

11. Korobeev A. I., Chuchaev A. I. Unmanned vehicles: new challenges to public safety. *Lex Russica*, 2019, No. 2 (147), pp. 9—28. (In Russian).

12. Kochoi S. M. Criminal-legal risks of using unmanned vehicles. *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava = Current problems of Russian law*, 2021, vol. 16, no. 7, pp. 125—135. (In Russian).

13. Neznamov A. V., Naumov V. B. Strategy for Regulating Robotics and Cyber-Physical Systems. *Zakon= Law*, 2018, no. 2, pp. 69—89. (In Russian).

14. Popova N. Yu. The subject of a crime in a traffic accident involving a drone. *Nauchny`j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 1 (80), pp. 16—19. (In Russian).

15. Semeryanova N. A., Salimgareeva A. R. Problems of bringing to criminal liability persons who have committed unlawful acts against the individual, society and the state in the process of operating autonomous vehicles. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Law and Order: History, Theory, Practice*, 2022, no. 4 (35), pp. 88—94. (In Russian).

16. Stepanov M. V., Prynova V. I. Criminal and legal risks associated with the use of unmanned vehicles. *Ucheny`e zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 1 (15), vol. 8, pp. 107—111. (In Russian).

17. Trofimov V. E. Unmanned vehicles as a potential subject of criminal legal relations. *Upravlenie deyatel`nost`yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy`, puti sovershenstvovaniya = Management of activities to ensure road safety: state, problems, ways of improvement*, 2020, no. 1 (3), pp. 422—430. (In Russian).

18. Tydykova N. V. On criminal liability for harm caused during the operation of highly automated and unmanned vehicles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2021, no. 471, pp. 264—270. (In Russian).

19. Chikrin D. E., Kokunin P. A., Pashin D. M. et al. The main principles for designing information system architectures for unmanned vehicles, proposed. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra*

Rossijskoj akademii nauk = Izvestiya of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2024, vol. 26, no. 4, pp. 131 – 142. (In Russian).

20. *Yuridicheskaya koncepciya robotizacii* [The Legal Concept of Robotics] Tikhomirov Yu. A., Nanba S. B. (ed.). Moscow, Prospekt, 2019. 240 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Порайко Василий Вячеславович (Хабаровск) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Дальневосточного института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (680021, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31, e-mail: porayko@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Porayko, Vasily V. (Khabarovsk) – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure of the Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (680021, Khabarovsk, Gerasimova St., 31, e-mail: porayko@mail.ru).

УДК 343.37

И. М. Середа
Иркутский институт (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5092-8187
ResearcherID: M-8289-2016

С. А. Ступина
Сибирская пожарно-спасательная академия
ГПС МЧС России,
Железногорск, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-8816-9841
ResearcherID: ABC-3349-2021

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ВЕДЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ИЛИ ИНЫХ РАБОТ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 111—121.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.10.111-121
Дата поступления 20.04.2026, дата принятия к печати 28.09.2026, дата онлайн-размещения 02.10.2026.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному исследованию проблем квалификации и назначения наказания за преступления, предусмотренные ст. 216 Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающей ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ. Эмпирическую базу исследования составили 44 обвинительных и оправдательных приговора судов Российской Федерации за период с 2018 по 2025 год, а также данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2015—2024 годы. В результате эмпирического анализа выявлены и систематизированы четыре ключевые проблемы правоприменения. Во-первых, бланкетный характер диспозиции ст. 216 УК РФ, требующий от правоприменителя обращения к многочисленным, разрозненным и терминологически несогласованным нормативным актам (СНиП, СП, ОКВЭД, правила по охране труда), при отсутствии единого кодифицированного перечня строительных работ для целей уголовно-правовой квалификации. Во-вторых, неопределенность понятия «иные работы» в диспозиции нормы, что создает трудности при разграничении со смежными составами преступлений, прежде всего со ст. 143 и ст. 217 УК РФ. На основе проведенного исследования сформулированы авторские предложения по совершенствованию правоприменительной практики и законодательства. В частности, обосновывается целесообразность создания Единого реестра требований безопасности, привязка к которому позволила бы устранить корневую причину квалификационных ошибок и конкуренцию

со сходными составами преступлений (ст. 143, 215, 217 УК РФ). Предложены рекомендации по дополнению постановления Пленума ВС РФ № 41 критериями разграничения специальных технических правил безопасности и общих организационных норм охраны труда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Общественная безопасность; нарушение правил безопасности; строительные работы; иные работы; статья 216 УК РФ; квалификация преступлений.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Середа И. М., Ступина С. А. Проблемы квалификации и назначения наказания за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ // Пролог: журнал о праве. — 2026. — № 3. — С. 111—121. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.10.111-121

UDC 343.37

I. M. Sereda
Irkutsk Institute (branch)
All-Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5092-8187
ResearcherID: M-8289-2016

S. A. Stupina
Siberian Fire and Rescue Academy
of the State Fire Service of the Ministry
of Emergency Situations of Russia
Zheleznogorsk, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-8816-9841
ResearcherID: ABC-3349-2021

PROBLEMS OF QUALIFICATION AND SENTENCING FOR VIOLATIONS OF SAFETY RULES IN CONSTRUCTION OR OTHER WORK

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2026, no. 3, pp. 111—121.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.10.111-121
Received 20.04.2026, accepted 28.09.2026, available online 02.10.2026.

ABSTRACT

The article is devoted to a comprehensive study of the problems related to the classification and sentencing for crimes under Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation, which establishes liability for violating safety rules during construction or other types of work. The empirical basis of the study consists of 44 convictions and acquittals from courts in the Russian Federation for the period from 2018 to 2025, as well as data from the judicial statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation for 2015—2024. As a result of the empirical analysis, four key problems in law enforcement have been identified and systematized. First, the generic nature of the disposition of Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation, which requires the law enforcement officer to refer to numerous, scattered,

and terminologically inconsistent regulatory acts (SNiP, SP, OKVED, occupational safety rules), in the absence of a single codified list of construction works for the purposes of criminal-legal qualification. Secondly, the ambiguity of the concept of "other work" in the disposition of the norm creates difficulties in distinguishing it from related crime elements, primarily from Articles 143 and 217 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the conducted research, the authors have formulated proposals for improving law enforcement practice and legislation. In particular, the feasibility of creating a Unified Register of Safety Requirements is substantiated; linking to it would eliminate the root cause of qualification errors and competition with similar crime elements (Articles 143, 215, 217 of the Criminal Code of the Russian Federation). Recommendations are proposed for supplementing Resolution No. 41 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation with criteria for distinguishing between special technical safety rules and general organizational standards for occupational safety.

KEYWORDS Public safety; violation of safety rules; construction work; other types of work; Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation; classification of crimes.

FOR CITATION Sereda I. M., Stupina S. A. Problems of Qualification and Sentencing for Violations of Safety Rules in Construction or Other Work. *Prologue: Law Journal*, 2026, no. 3, pp. 111 — 121. DOI: 10.21639/2313-6715.2026.3.10.111-121

Статья 216 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] устанавливает уголовную ответственность за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека либо крупного ущерба (ч. 1), смерть человека (ч. 2) или двух и более лиц (ч. 3). Несмотря на относительную стабильность законодательной конструкции данной нормы, правоприменительная практика свидетельствует о наличии спорных вопросов квалификации и, как следствие, неединообразии судебных решений, что не способствует всесторонней реализации, прежде всего, принципа справедливости (ст. 6 УК РФ).

В России наблюдается устойчивая тенденция возрастания числа нарушений техники безопасности при производстве строительных и иных работ и их негативных последствий.

Согласно официальным данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за десятилетний период общее число осужденных по ст. 216 УК РФ выросло более чем в 3,4 раза — со 107 человек в 2015 году до 368 человек в 2024 году[2].

В целом, после некоторого спада 2018-2020 гг. (2018 г. — снижение со 168 до 156 человек (-7,1%); 2019 г. — снижение со 156 до 137 человек (-12,2%); 2020 г. — снижение со 137 до 102 человек -25,5%) — минимум за весь анализируемый период, что совпадает с пандемийными ограничениями) наблюдается устойчивый и ускоряющийся рост числа осужденных лиц по ст. 216 УК РФ.

За первое полугодие 2025 г.: уже 242 осужденных по этой статье, что превышает годовые показатели 2015—2021 гг.

Ключевая тенденция — стремительное доминирование количества осужденных по ч. 2 ст. 216 УК РФ, предусматриваю-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954 (далее — УК РФ).

[2] Отчеты за 2015—2024 гг. о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения 12.04.2026).

щей такие последствия, как смерть человека по неосторожности: ее доля выросла с 49,5% в 2015 году до 73,6% в 2024 году. Число осужденных по ч. 2 ст. 216 УК РФ за этот период увеличилось с 53 до 271 человека — рост в 5,1 раза. Одновременно доля ч. 3 (предусматривающей такие последствия, как смерть двух и более лиц) снижается с 17,8% в 2015 году до 4,3% в 2024 году. Число осужденных по ч. 1 выросло с 35 до 81 человека (+131,4%), но ее удельный вес сократился с 32,7% до 22,0%.

Необходимо учитывать и то, что Федеральным законом от 23.04.2018 № 114-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»[3] нарушения правил безопасности при ведении горных работ были исключены из признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, которые, как следует из пояснительной записки к соответствующему законопроекту[4], составляли 20% рассматриваемых судами уголовных дел о преступлениях, предусмотренных этой статьей.

Анализ исследованных нами 44 приговоров, размещенных на Интернет-ресурсе «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру), по ст. 216 УК РФ за период с 2018 г. по 2025 г. (т.е. период, после корректировки диспозиции уголовно-правовой нормы по ст. 216 УК РФ и принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 «О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов» (далее — постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2018 № 41)[5]) корреспондирует с данным и судебной статистики, что выражается в том, что в подавляющем большинстве дел — 33 из 44 (75%) — приговор был вынесен по ч. 2 ст. 216 УК РФ.

Отдельно необходимо отметить, что практически в каждом деле суд устанавливал одновременно комплекс нарушений. Абсолютный лидер — ненадлежащий контроль за ходом работ со стороны ответственных лиц (93,2% дел). На втором месте — допуск работников без надлежащей подготовки (81,8%), на третьем — нарушение порядка проведения инструктажа (77,3%). В 72,7% дел зафиксировано необеспечение средствами индивидуальной защиты и отсутствие обучения/аттестации работников. Непосредственным механизмом происшествия в 70,5% случаев стало падение с высоты людей или предметов. Реже встречались: отсутствие ограждений (56,8%), нарушение наряда-допуска и ППР (по 40,9%), взрыв/разрыв оборудования (22,7%), обрушение конструкций (15,9%) и опрокидывание техники (13,6%).

В 90,9% дел нарушения допущены в целом при строительных работах, в 84,1% — конкретно при работах на высоте, в 61,4% — при электромонтажных и в 59,1% — при монтажных работах. Также часто фигурируют бетонные (54,5%), подземные (43,2%), демонтажные (38,6%) и земляные работы (36,4%). Работы с грузоподъемными механизмами встречаются в 31,8%, сварочные — в 27,3%, кровельные — в 18,2% дел.

Во всех 44 делах субъектами преступления выступали лица, на которых были возложены обязанности по обеспечению безопасности и охране труда — начальники участков, прорабы, производители работ, мастера и т.п.

Ситуация с ростом количества регистрируемых преступлений по ст. 216 УК РФ актуализирует перед правоприменителем задачу правильной квалификации этих деяний с учетом действующего законодательства, а также верного установления причин происшествия и степени виновности ответственных лиц.

---

[3] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 23.04.2018 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 18. Ст. 2584.

[4] Законопроект № 303395-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (по вопросам уголовной ответственности за нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ, а также требований промышленной безопасности опасных производственных объектов)». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/303395-7 (дата обращения: 12.04.2026).

[5] О судебной практике по уголовным делам о нарушениях требований охраны труда, правил безопасности при ведении строительных или иных работ либо требований промышленной безопасности опасных производственных объектов: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 1.

Указанное рекомендовано и в п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 29.11.2018 № 41.

Проведенное нами исследование сорока четырех приговоров по уголовным делам, вынесенных судами РФ, позволило выявить и систематизировать наиболее значимые квалификационные затруднения, соотнеся их с доктринальными позициями и разъяснениями высшей судебной инстанции.

Пожалуй, первой и наиболее острой для правоприменителя, на наш взгляд, проблемой является бланкетный характер диспозиции ст. 216 УК РФ. Эта норма предопределена самой правовой природой охраняемых отношений: при многообъектности основным объектом преступного посягательства выступает система отношений в сфере общественной безопасности [3, с. 33].

Содержание строительных и иных работ может быть установлено лишь путем обращения к специализированным нормативным правилам производства строительных и иных работ. Казалось бы, подобная конструкция логична и оправданна: законодатель не в силах перечислить в уголовном законе все мыслимые виды нарушений правил безопасности на стройках, шахтах и промышленных объектах.

В действующем постановлении Пленума ВС РФ от 29.11.2018 № 41 имеется указание на нарушение только специальных правил (в том числе и требований охраны труда) при производстве строительных или иных работ.

В ранее действовавшем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 05.12.1986 № 16 «О практике применения судами уголовного законодательства, направленного на охрану безопасных условий труда и безопасности горных, строительных и иных работ» в п. 10 приводился общий перечь работ, которые могут считаться для целей квалификации «строительными работами».

Однако, даже с учетом таких разъяснений, на практике имела место неверная оценка вида выполняемых работ [2, с. 17].

В последующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 № 1 «О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ»[6] указанное отсутствовало, как и в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2018 № 41.

Что касается настоящего времени, когда нет даже приблизительных критериев, то при квалификации содеянного по ст. 216 УК РФ при установлении конкретного вида строительных и иных работ и требований к их производству правоприменитель вынужден исследовать немалый массив нормативных актов.

Сложно согласиться с мнением А. В. Курсаева о том, что термин «строительные работы» по своему содержанию является достаточно конкретным [8, с. 100].

В комментарии к Уголовному Кодексу Российской Федерации под редакцией А. В. Бриллиантова указано, что «строительные работы — родовое понятие для группы специализированных работ» [6].

Из комментария под редакцией В. М. Лебедева следует, что «под строительными работами понимается все строительное производство, т.е. производство общестроительных и специальных строительных работ, выполняемых при новом строительстве, расширении, реконструкции, техническом перевооружении, капитальном ремонте зданий и сооружений» [5].

Так же раскрывается и понятие «иных работ», под которыми «понимаются работы, не связанные с горными и строительными работами, но приравненные к ним и также требующие при их проведении соблюдения определенных правил безопасности в связи с тем, что эти работы обладают таким же высоким уровнем возможного травматизма рабочих или причинения материального вреда» [5].

В комментарии под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова отмечается, что «статья 216 УК имеет бланкетную диспозицию, поэтому для установления признаков преступного деяния необходимо обратиться к специальным правилам безопасности ведения строительных или иных работ» [7].

Конституционный Суд РФ в Определении от 17.07.2025 № 1878-О отметил, что «привлечение лица к уголовной ответственности должно быть обусловлено констатацией в конкретном деле признаков, характеризующих общественную опасность нарушения

[6] О судебной практике по делам о нарушениях правил охраны труда и безопасности при ведении горных, строительных или иных работ: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.1991 № 1 (ред. от 03.03.2015) // Сборник постановлений пленума Верховного суда Российской Федерации, 1961 — 1993 / Верховный Суд РФ ; сост.: В. М. Лебедев, В. И. Радченко, А. Е. Меркушов. Москва: Юридическая литература, 1994. 350 с.

именно этим лицом специальных правил, которые учтены федеральным законодателем в нормах уголовного закона (включая статью 216 УК Российской Федерации) в конструкции состава преступления»[7].

В настоящее время невозможно привести полный перечень строительных работ, так как он включает множество видов деятельности, которые классифицируются по разным критериям и стандартам. Однако, можно выделить основные группы работ, опираясь на действующие нормативные документы, такие как ОКВЭД[8], СП 48.13330.2019 (СНиП 12-01-2004) и ГОСТ Р 72041-2025.

Соответственно, в число актов, образующих содержание бланкетной диспозиции ст. 216, входят как положения Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ[9], так и строительные нормы и правила (СНиП[10]), своды правил (СП), правила по охране труда[11], технические регламенты, проекты производства работ и иные акты, причем конкретный перечень зависит от вида работ.

Именно отсутствие единого закрытого перечня строительных работ и создает определенные проблемы, описанные в п. 8 Постановления Пленума ВС РФ № 41. На практике суды используют комбинацию источников:

ОКВЭД 2 — для определения вида деятельности организации;

Приказ Минтруда России от 11.12.2020 № 883н — для установления конкретных правил по охране труда при строительстве, реконструкции и ремонте[12];

конкретные СНиП/СП — для определения, какие именно правила безопасности нарушены.

Если работы подпадают хотя бы под один из кодов ОКВЭД раздела F (41, 42, 43) и регулируются специальными строительными правилами безопасности, суды квалифицируют деяние по ст. 216, а не по ст. 143 УК РФ.

Таким образом, вследствие бланкетности уголовно-правовой нормы ст. 216 УК РФ и отсутствия единого кодифицированного акта по признакам и перечню строительных работ, а также того, что существующие нормативные акты, регламентирующие деятельность по строительству принимаются разными ведомствами, в разное время и с разной целью — ни один из них не создавался для нужд уголовно-правовой квалификации, правоприменитель вынужден ориентироваться одновременно в нескольких, не связанных между собой нормативных массивах, определять каждый раз заново, подпадает ли конкретная деятельность под эту статью или под ст. 143 УК РФ[13].

При этом на практике, в обвинительных заключениях, перечисляется по 15—30 пунктов из 5—8 различных нормативных актов, причем часть из них дублирует друг друга, часть — утратила силу или не относится к фактическим обстоятельствам дела[14]. Суды нередко исключают часть вмененных нарушений, но при этом не переквалифицируют деяние, что создает правовую неопределенность в отношении объема установленной вины[15].

---

[7] Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бурхата Константина Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 216 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2025 № 1878-О // СПС «КонсультантПлюс».

[8] Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (ОКВЭД 2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 31 января 2014 г. № 14-ст) (ред. от 23.01.2026). Раздел F. Строительство.

[9] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

[10] Например: СПиН 12-3-2001 «Безопасность труда в строительстве. Часть 1. Общие требования»: Постановление Госстроя РФ от 23.07.2001 № 80 «О принятии строительных норм и правил Российской Федерации «Безопасность труда в строительстве. Часть 1. Общие требования» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 09.08.2001 № 2862).

[11] Например: Об утверждении Правил по охране труда при строительстве, реконструкции и ремонте» (Зарегистрировано в Минюсте России 24.12.2020 № 61787); Приказ Минтруда России от 16.11.2020 № 782н (ред. от 29.04.2025) «Об утверждении Правил по охране труда при работе на высоте: Приказ Минтруда России от 11.12.2020 № 883н (ред. от 29.04.2025) (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 № 61477).

[12] См., например: приговор Мытищинского городского суда Московской области от 13.08.2025 по делу № 1-354/2025 (УИД: 50RS0028-01-2025-005965-81).

[13] Приговор Нижневартовского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 19.08.2025 по делу № 1-117/2025 (УИД 86RS0003-01-2025-001045-37).

[14] См., например: Приговор Авиастроительного районного суда города Казани № 1-2/2025 1-235/2023 1-6/2024 от 18.08.2024 по делу № 1-2/2025.

[15] См., например: Приговор Павловского городского суда Нижегородской области от 21.08.2025 по делу № 1-49/2025 (1-304/2024) (УИД 52RS0018-01-2024-003021-65).

Нельзя не учитывать и терминологическую рассогласованность, которая выражается в том, что в разных нормативных актах одни и те же понятия используются в разных целях. Например, в СНиП 12-03-2001[16] в пункте 6.1.1 упоминается понятие «производственные территории (площадки)», к которым относятся площадки строительных и промышленных предприятий с находящимися на них объектами строительства, производственными и санитарно-бытовыми зданиями и сооружениями. Акцент здесь делается на безопасности труда и организации работ с учетом требований охраны труда.

В СП 48.13330.2019 строительная площадка определяется как «участок земли или воды, отведенный в соответствии с проектной документацией для постоянного размещения объекта и временной инфраструктуры, на котором ведутся строительно-монтажные работы или освоение территории» (пункт 3.21)[17], т.е. площадка может быть не только на земле, но и на воде и акцент делается на строительно-монтажных работах или освоении территории как основной деятельности на площадке.

Различия в определениях и требованиях разных нормативных актов могут затруднять оценку соответствия деятельности на площадке установленным правилам. Например: если на площадке одновременно действуют требования, связанные с безопасностью труда (из СНиП 12-03-2001) и организацией строительства (из СП 48.13330.2019), может возникнуть вопрос о приоритете этих требований в конкретной ситуации.

Одним из возможных решений ситуации, связанной с неопределенностью правил безопасности при ведении строительных работ, может быть дополнение Постановления Пленума ВС РФ № 41 разъяснениями следующего содержания: ст. 216 применяется, когда нарушены специальные технические правила безопасности, регулирующие конкретный производственный процесс (строительные нормы, правила и т.п.), а ст. 143 — когда нарушены общие организационные нормы охраны труда, не привязанные к технологии работ.

Кроме этого, обращение к положениям Федерального закона от 25.12.2023 № 653-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[18], который предусматривает объединение строительных, санитарных и пожарных требований в единый Реестр требований, показывает, что возможно создание и единого Реестра требований безопасности.

Распространение этого подхода на правила безопасности производства работ позволило бы правоприменителю обращаться к одному структурированному источнику, а не к десяткам разрозненных актов. Привязка диспозиции ст. 216 к позициям такого Реестра сделала бы бланкетную норму определенной — и тем самым устранила бы корневую причину квалификационных ошибок.

Тесно связана с бланкетностью и вторая проблема — неопределенность понятия «иные работы» в диспозиции ст. 216 УК РФ, определение и характеристика которых неоднократно предлагалось специалистами [8, с. 104—105].

Анализ приговоров свидетельствует, что суды при определении «иных работ» при квалификации содеянного по ст. 216 УК РФ исходят из следующего: если объект уже создан, а действия подсудимых относятся к эксплуатации, обслуживанию или ведению технологического процесса на нем (включая работу спецтехники), то это попадает под «иные работы» по ст. 216 УК РФ; если же имеют место работы по возведению/реконструкции зданий и сооружений, строительно-монтажные операции, то такие эпизоды относят к «строительным работам».

В целом же на практике под такие работы подпадают работы различных видов, в том числе, которые, на наш взгляд, и не относятся к таковым в рамках объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ.

---

[16] О принятии строительных норм и правил Российской Федерации «Безопасность труда в строительстве. Часть 1. Общие требования: Постановление Госстроя РФ от 23.07.2001 № 80 (Зарегистрировано в Минюсте РФ 09.08.2001 № 2862).

[17] Свод правил СП 48.13330.2019 «СНиП 12-01-2004. Организация строительства» (утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 24 декабря 2019 г. № 861/пр) (утверждены приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 24.12.2019 № 861/пр).

[18] О внесении изменений в Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 25.12.2023 № 653-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2024. № 1 (часть I). Ст. 34.

Так, например, суд квалифицировал содеянное по ч.1 ст.216 УК РФ, в ситуации, когда водитель грузового автомобиля, зная о неисправностях стояночного тормоза и отсутствии специальных противооткатных упоров, тем не менее выехал в рейс, припарковался задней частью к разгрузочному окну магазина и, не обеспечив надежной фиксации машины, допустил использование в качестве упора фрагмента шлакоблока. После этого, как указал суд, водитель, нарушив требования Приказа Минтруда по охране труда на автомобильном транспорте и п. 12.8 ПДД РФ, отпустил тормоз, покинул кабину при фактическом отсутствии надлежащих мер против самопроизвольного движения, в результате чего автомобиль покатился назад и прижал экспедитора, причинив ему тяжкий вред здоровью[19].

В этой ситуации, на наш взгляд, имеет место деятельность лица, связанная с источником повышенной опасности, но не связанная с нарушением отраслевых правил безопасности выполнения «работ» как производственного процесса. Поэтому, полагаем, с учетом разъяснений, данных в п. 10 Постановления Пленума ВС РФ № 41, содеянное, при таких обстоятельствах, следовало квалифицировать по ст. 264 УК РФ.

Безусловно в противовес предыдущему примеру имеет место преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 216 УК РФ, в ситуации, когда машинист крана-манипулятора ООО «ЭлитСпецСтрой», выполняя строительно-монтажные работы по укладке водоотводных железобетонных лотков вдоль железнодорожных путей под высоковольтной линией СЦБ, без представителей ЭЧ/ШЧ и при отсутствии отключения напряжения, установил КМУ ближе 30 м к линии, работал стрелой под проводами, допустил ее сближение с проводом, в условиях моросящего дождя произошло пробитие дугой, ток прошел через стрелу и стропы, ударом тока смертельно поражен разнорабочий субподрядной организации, находившийся у лотка[20].

На наш взгляд, при трактовке «иных работ» для целей ст. 216 УК РФ с учетом формирования единообразной судебной практики обоснован акцент именно на том, что такие работы должны быть урегулированы специальными правилами безопасности, на аспекты чего указано в научных трудах [4, с. 131; 11, с. 15; 13, с. 605].

Предлагаемое А. В. Курсаевым определение «иных работ», по которыми следует понимать «работы повышенной опасности, для которых предусмотрен специальный порядок допуска и выполнения и ответственность за которые не предусмотрена иными нормами уголовного закона» [8, с. 104], как нам видится вполне перспективное, но не решает проблему полностью. Во-первых, понятие «повышенная опасность» само по себе оценочно — единого перечня таких работ в законодательстве нет. Во-вторых, специальный порядок допуска установлен не только для строительных/иных работ в смысле ст. 216 УК РФ. В-третьих, привязка к наряд-допуску как формальному критерию ненадежна. Кроме этого, для состава преступления, предусмотренного ст. 216 УК РФ, принципиально, что нарушаются правила безопасности при ведении конкретных работ (строительных/иных), а не просто формальный порядок допуска (медосмотры, инструктаж, оформление наряда). Нарушение этих процедур может образовывать состав преступления, предусмотренный и ст. 143 УК РФ (общие требования охраны труда) или дисциплинарную/административную ответственность.

Примечательно следующее уголовное дело по ч. 2 ст. 216 УК РФ, по которому директор субподрядной организации, выполнявшей капитальный ремонт крыши многоквартирного дома, фактически допустил к кровельным работам на высоте группу мигрантов без оформления трудовых договоров, без оценки профессиональных рисков, без нарядадопуска, без защитных ограждений, страховочных систем, средств индивидуальной защиты и обучения по охране труда, в результате чего при укладке асфальтобетонной стяжки один из рабочих, двигаясь спиной у края неогражденной крыши, упал с высоты девяти этажей и погиб[21].

Говоря об «иных работах» и их понимании для целей ст. 216 УК РФ, нельзя не сказать о заслуживающей пристального внимания проблеме ответственности за нарушение требований безопасности при проектировании объектов и осуществлении инженерных изысканий. Диспозиция ст. 216 УК РФ, сформулированная путем указания на то, что нарушение правил безопасности именно при ведении строительных или иных работ.

[19] Приговор Хасынского районного суда Магаданской области от 18.06.2025 по делу № 1-31/2025.

[20] Приговор Северобайкальского городского суда Республики Бурятия от 03.04.2025 по делу № 1-37/2025.

[21] Приговор Советского районного суда г. Рязани от 10.06.2025 по делу №1-64/2025 (УИД 62RS0№-49).

В таком случае указанное может трактоваться, как то, что это предполагает непосредственное выполнение строительных или иных работ, но не проектирование. Между тем дефекты проектирования нередко становятся первопричиной аварий и несчастных случаев.

В своем исследовании М. О. Акопджанова справедливо обосновывает, что нарушение градостроительного законодательства Российской Федерации, предусматривающего систему требований безопасности, которым должно соответствовать архитектурно-строительное проектирование на всех его стадиях, влечет при наличии всех признаков состава преступления ответственность по ст. 216 УК РФ [1].

На фоне растущей сложности строительных проектов и увеличения числа объектов, возводимых по индивидуальным проектам, видится обоснованным предложение о дополнении диспозиции ст. 216 УК РФ указанием на нарушение требований безопасности при проектировании строительных объектов [12, с. 58; 9 с. 94].

В целом, с учетом высказанных ранее предложений, особенно в свете обоснованности введения единого Реестра требований к безопасности. Полагаем, что под строительными и иными работами могут пониматься работы, порядок безопасного ведения которых регламентирован нормативно-правовыми актами, регулирующими конкретный производственный процесс в области промышленной, строительной, пожарной, электрической и иной техногенной безопасности, включенными в Единый реестр требований безопасности, и нарушение правил безопасного ведения которых создает угрозу жизни или здоровью либо причинения крупного ущерба.

При таком подходе, полагаем, может быть устранена конкуренция со сходными составами преступлений, поскольку формулировка «включенными в Единый реестр требований безопасности» автоматически разрешает конкуренцию: если работы регулируются актами, отнесенными к сфере промышленной безопасности ОПО (ст. 217 УК РФ), атомной энергии (ст. 215 УК РФ) или обращения с биологическими агентами (ст. 248 УК РФ), — эти акты будут в соответствующих разделах Реестра. В таком случае конкуренция устраняется структурой самого Реестра, а не оценочными суждениями правоприменителя.

В контексте рассматриваемого нельзя не обратить внимание на широкий перечень вариантов по преодолению сложностей при квалификации содеянного по ст. 216 УК РФ, предлагаемых А. А. Наумовым, суть первого из которых, самого сложного, заключается в предложении вернуть закрытый перечень работ, нарушение правил безопасности ведения которых влечет ответственность по ст. 216 УК РФ [10, с. 191].

Как видится, в случае введения Единого реестра требований безопасности такой вариант становится наиболее реалистичным и перспективным для правоприменения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акопджанова М. О. Об уголовной ответственности за нарушение правил безопасности архитектурно-строительного проектирования // Урбанистика. — 2014. — № 3. — С. 47—55. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13597 (дата обращения: 12.04.2026).

2. Безбородов Д. А. О некоторых особенностях применения уголовного закона в случае нарушения правил безопасности при ведении строительных и иных работ // Криминалистъ. — 2014. — № 2 (15). — С. 17—21.

3. Белецкий И. А. Общественная опасность преступного нарушения правил безопасности при производстве работ или оказании услуг // Научный вестник Омской академии МВД России. — 2016. — № 2 (61). — С. 31—36.

4. Закомолдин Р. В. Обеспечение специальных правил и требований безопасности уголовно-правовыми средствами. — Москва : Юрлитинформ, 2017. — 192 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — 15-е изд. — Москва : Юрайт, 2021 // СПС «КонсультантПлюс».

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 2 т. / под ред. А.В. Бриллиантова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2015. — Т. 2 // СПС «КонсультантПлюс».

7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : научно-практический (постатейный) / под ред. С. В. Дьякова, Н. Г. Кадникова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Юриспруденция, 2013 // СПС «КонсультантПлюс».

8. Курсаев А. В. «Иные работы» как признак состава преступления, предусмотренного статьей 216 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 100—105.

9. Минакова О. В. О совершенствовании правовой регламентации преступления, предусмотренного статьей 216 УК РФ // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2021. — № 3 (98). — С. 90—106.

10. Наумов А. А. Проблемы разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 143 и 216 УК РФ // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2-2 (62). — С. 188—192.

11. Улезько И. С. Ответственность за нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ) (уголовно-правовой и криминологический аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Омск, 2015. — 22 с.

12. Щепельков В. Ф. Проблемы уголовно-правовой оценки нарушений правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (ст. 216 УК РФ) // Петербургский юрист. — 2015. — № 5. — С. 49—58.

13. Щепельков В. Ф. Нарушение правил безопасности при ведении горных, строительных или иных работ (статья 216 УК РФ): криминологическая характеристика и проблемы законодательной регламентации / В.Ф. Щепельков, Н.И. Пряхина, Е.В. Суслина // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 598—607.

REFERENCES

1. Akopdjanova M. O. On criminal liability for violation of architectural and structural design safety rules. *Urbanistika = Urbanistics*, 2014, no. 3, pp. 47—55, URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13597 [accessed: 12.04.2026].

2. Bezborodov D. A. On Some Peculiarities of Applying Criminal Law in Cases of Violation of Safety Rules During Construction and Other Works. *Kriminalist = The Criminalist*, 2014, no. 2 (15), pp. 17—21.

3. Beletsky I. A. Public Danger of Criminal Violation of Safety Rules During the Performance of Works or Provision of Services. *Nauchny Vestnik Omskoy Akademii MVD Rossii = Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2016, no. 2 (61), pp. 31—36.

4. Zakomoldin R. V. *Obespechenie special`ny`x pravil i trebovanij bezopasnosti ugolovno-pravovy`mi sredstvami* [Ensuring Special Safety Rules and Requirements by Criminal Law Means]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 192 p.

5. Lebedev V. M. (ed.). *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 15th Moscow, Yurayt, 2021 (SPS "ConsultantPlus").

6. Brilliantov A. V. (ed.). *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Prospekt, 2015, vol. 2 (SPS "ConsultantPlus").

7. Dyakov S. V., Kadnikov N. G. (ed.). *Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow, Yurisprudentsiya, 2013 (SPS "ConsultantPlus").

8. Kursaev A. V. "Other Works" as an Element of the Corpus Delicti Provided for by Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Uralskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii = Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2019, no. 1, pp. 100—105.

9. Minakova O. V. On the improvement of legal regulation of the crime provided for by Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 3 (98), pp. 90—106.

10. Naumov A. A. Problems of Distinguishing Between the Corpus Delicti Provided for by Articles 143 and 216 of the Criminal Code of the Russian Federation. V*estnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*, 2015, no. 2-2 (62), pp. 188—192.

11. Ulezko I. S. *Otvetstvennost` za narushenie pravil bezopasnosti pri vedenii gorny`x, stroitel`ny`x ili iny`x rabot (st. 216 UK RF) (ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty`). Avtoref. Kand. Diss.* [Liability for Violation of Safety Rules During Mining, Construction, or Other Works (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation) (Criminal Law and Criminological Aspects): Cand. Diss. Thesis]. Omsk, 2015. 22 p.

12. Shchepelkov V. F. Problems of Criminal Law Assessment of Violations of Safety Rules During Mining, Construction, or Other Works (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Peterburgskiy Yurist = Petersburg Lawyer*, 2015, no. 5, pp. 49—58.

13. Shchepelkov V. F. et al. Violation of Safety Rules During Mining, Construction, or Other Works (Article 216 of the Criminal Code of the Russian Federation): Criminological Characteristics and Problems of Legislative Regulation. *Vserossiyskiy Kriminologicheskiy Zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 598–607.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Середа Ирина Михайловна (Иркутск) – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (664011, Россия, Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: irina-sereda@mail.ru).

Ступина Светлана Александровна (Железногорск) – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России (662972, Россия, Железногорск, ул. Северная, 1, e-mail: sstupina@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sereda, Irina M. (Irkutsk) – Doctor of Law, Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (4 Nekrasova St., Irkutsk, 664011, Russia, e-mail: irina-sereda@mail.ru).

Stupina, Svetlana A. (Zheleznogorsk) – Ph.D. in Law, Docent, Assoc. Professor, Department of Forensic Expertise, Siberian Fire and Rescue Academy of the Russian Ministry for Emergency Situations (1 Severnaya St., Zheleznogorsk, 662972, Russia, e-mail: sstupina@mail.ru).